

ISSN 2309-8325 (print)
ISSN 2782-280X (online)

Уральский
федеральный
университет

УРАЛЬСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**Выпуск 14
2024**

*Специальная тема выпуска:
Китайская цивилизация в прошлом и настоящем:
к 75-летию со дня образования Китайской Народной Республики*

УДК 94(5)
ББК Т3(5)
У686

ISSN 2309-8325 (print)
ISSN 2782-280X (online)

Уральское ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Ural Survey of Oriental Studies

Выпуск 14

Специальная тема выпуска:

Китайская цивилизация в прошлом и настоящем:
к 75-летию со дня образования Китайской Народной Республики

Екатеринбург
2024

Издается с 2005 г.
Выходит один раз в год на русском языке

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77–73366 от 24 июля 2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Главный редактор – профессор В. А. Кузьмин
Выпускающий редактор – доцент Д. В. Возчиков

Редакционная коллегия:

Антошин А. В., д. и. н., проф. каф. востоковедения УрФУ

Валиахметова Г. Н., д. и. н., зам. главного редактора, зав. каф. востоковедения УрФУ

Возчиков Д. В., к. и. н., доц. каф. востоковедения УрФУ, выпускающий редактор

Кузьмин В. А., д. и. н., проф., проф. каф. востоковедения УрФУ, главный редактор

Смирнов С. В., д. и. н., проф. каф. востоковедения УрФУ

Агапов М. Г., д. и. н., проф. каф. новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета (Тюмень)

Беляков В. В., д. и. н., проф., ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

Голунов С. В., д. полит. н., ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН (Москва)

Дацьшен В. Г., д. и. н., проф., проф. каф. истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск)

Лычагин А. И., д. и. н., проф., зав. каф. восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород)

Румянцев В. П., д. и. н., проф., зав. кафедрой востоковедения Томского государственного университета (Томск)

Арутюнян А. Ж., д. и. н., проф., проф. каф. всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

Ван Сяоюань, генеральный секретарь Всекитайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, зам. директора Исследовательского центра «Пояс и Путь», Китайская академия общественных наук (Пекин, КНР)

Ван Чэньсин, научный сотрудник Китайской академии общественных наук (Пекин, КНР)

Гаеминия А., доктор философии и исламского богословия, Университет Тарбият Модарес, гл. ред. научного журнала «Зехн» («Разум») (Тегеран, Иран)

Карадавут З., доктор философии, проф., зав. каф. турецкого языка и литературы Университета Акдениз (Анталья, Турция)

Ли Джехёк, проф., Пусанский университет иностранных языков (Пусан, Республика Корея)

Молодяков В. Э., д. полит. н., доктор философии, к. и. н., проф. Университета Такусёку (Токио, Япония)

Рахмонова Ю. М., к. и. н., доц., Ургенчский государственный университет (Ургенч, Узбекистан)

Эпштейн А. Д., д. социол. н., ведущий научный сотрудник World ORT (Иерусалим, Израиль)

В журнале публикуются исследования и документы по истории, внутренней и внешней политике, культуре, религиям, языкознанию стран Востока. Авторами являются представители научно-исследовательских центров и вузов России, стран СНГ, Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов

Дата выхода в свет: 11.11.2024 г.

Формат 70x100/16. Уч.-изд. л. 12,6. Усл.печ. л. 12,9.

Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Тираж 500 экз. Заказ № 191. Свободная цена.

Издательство Уральского университета 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел./ факс +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

© Уральский федеральный университет, 2024

Адрес редакции:

кафедра востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета 620000, Свердловская обл., г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51, к. 367

Телефон: (+7) 343 389–94–27

E-mail: uralorientalstudies@mail.ru

Editor-in-Chief

Vadim A. Kuzmin, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Deputy Chief Editor

Gulnara N. Valiakmetova, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Commissioning Editor

Dmitry V. Vozchikov, PhD in History, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Mikhail G. Agapov, Dr. Hab. (History), Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Alexey A. Antoshin, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Vladimir V. Belyakov, Dr. Hab. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vladimir V. Datsyshen, Dr. Hab. (History), Professor, Department of Russian History of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Alek D. Epstein, Dr. Hab., World ORT, Jerusalem, Israel

Alireza Ghaemini, PhD, Tarbiat Modares University, Tehran, Iran

Sergey V. Golunov, Dr. Hab. (Political Science), Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Hakob Harutyunyan, Dr. Hab. (History), Professor, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Zekeriya Karadavut, PhD, Prof., Akdeniz University, Antalya, Turkey

Vadim A. Kuzmin, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Deputy Chief Editor

Jae-Hyeok Lee, PhD, Professor, Pusan National University, Pusan, Republic of Korea

Alexander I. Lychagin, Dr. Hab., Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Vassili E. Molodiakov, Dr. Hab. (Political Science), PhD, Prof., Takushoku University, Tokyo, Japan

Yulduzkhon M. Rahmonova, PhD in History, Associate Professor, Urgench State University, Urgench, Uzbekistan.

Vladimir P. Rumyantsev, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Oriental Studies, Tomsk State University, Tomsk, Russia

Sergey V. Smirnov, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Gulnara N. Valiakmetova, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Dmitry V. Vozchikov, PhD in History, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Wang Chenxing, PhD, Researcher at Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, People's Republic of China

Wang Xiaoquan, LLD, Secretary General of Chinese Association for the Study of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Deputy Director of the Research Center «Belt and Path», Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, People's Republic of China

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 6

История Китая

<i>Суровень Д. А.</i> Первый и второй этапы генезиса государства в первобытном Китае (IX–III тыс. до н. э.)	8
<i>Ганиев Р. Т.</i> Дипломат и полководец Чжансунь Чэн (长孙晟) на службе суйского Китая (551–609)	24
<i>Хамзин И. Р.</i> Китайское усмирение Синьцзяна и позиция России во второй половине 70-х гг. XIX в.	37
<i>Молодяков В. Э.</i> Тайваньский вопрос во франко-японских переговорах 1882–1885 гг. в контексте колониальной политики	44
<i>Смирнов С. В.</i> Китай в трудах русских ориенталистов Харбина (1909–1917)	53
<i>Аурилене Е. Е.</i> Российские эмигранты в Маньчжоу-диго: «За новый мир!» (1941–1945) ..	68
<i>Смирнов В. В.</i> Реакция советских специалистов в провинции Шэньси на события в Тибете в 1959 г.	75

Современный Китай: политика, общество, культура

<i>Ван Сюй, Хо Цзинъюй.</i> Современное состояние и перспективы лингвистических исследований энергетического дискурса: опыт Китая	81
<i>Иванова Ю. П., Бернгардт Ю. К.</i> Подъем Центрального Китая – приоритет стратегии регионального развития страны (на примере провинции Хубэй)	92
<i>Актамов И. Г.</i> Новые тенденции в образовательной политике КНР в отношении национальных меньшинств (на материале Автономного района Внутренняя Монголия). ..	101
<i>Бонч-Осмоловская О. А.</i> Новое конфуцианство и внешнеполитический дискурс КНР: интеллектуальные основания китайской дипломатии.	107
<i>Герман М. А.</i> Китай в управлении безопасностью на Ближнем Востоке: концепция обеспечения региональной безопасности и дипломатия посредничества ..	116
<i>Новоторкина Д. А.</i> Социальное благополучие женщин в КНР	125
<i>Алексеев И. А.</i> Опыт построения комбинированной переводческой стратегии поэтического текста – на примере стихотворения Цао Сэна «Хахаха».	132
<i>Пономарева В. Е.</i> Архитектурный облик Харбина в романе Чи Цзыцзянь «Дым клубится над огнем»	141
<i>Мышинский А. Л., Сысолятина Ю. С.</i> Китайская Народная Республика: новые времена и новые слова	153

Рецензии

<i>Ульянов М. Ю.</i> Фундаментальный труд по религиозной культуре Древнего Китая периода Шан-Инь (XIII–XI вв. до н.э.). <i>Рец. на: Куликов Д. Е.</i> Религиозные представления и культы в Древнем Китае позднешанского периода (ок. 1250 – 1046 гг. до н.э.). Москва: Институт Востоковедения РАН. 2022. 462 с.	164
Сведения об авторах	174

CONTENTS

Editorial.	6
--------------------	---

History of China

<i>Dmitry A. Suroweñ.</i> Genesis of the State's First and Second Stages in Primitive China (9th – 3rd Thousand B.C.E.).	8
<i>Rustam T. Ganiev.</i> Zhangsun Cheng (长孙晟, 551–609): Sui Dynasty Diplomat and General.	24
<i>Ildar R. Hamzin.</i> Chinese Pacification of Xinjiang and Russia's Position in the Second half of the 1870s.	37
<i>Vassili E. Molodiakov.</i> The Taiwan Issue in the Franco-Japanese Negotiations of 1882–1885 in the Context of Colonial Policy	44
<i>Sergei V. Smirnov.</i> China in the Works of the Russian Orientalists of Harbin (1909–1917) . . .	53
<i>Elena E. Aurilene.</i> Russian Emigration in Manchukuo “For a New World!” (1941–1945) . . .	68
<i>Vadim V. Smirnov.</i> The Reaction of Soviet Specialists in Shaanxi Province to the Events in Tibet in 1959.	75

Modern China: Politics, Society, Culture

<i>Wang Xu, Huo Jinyu.</i> Current State and Prospects of Linguistic Studies of Energy Discourse: China's Experience	81
<i>Yuliya P. Ivanova, Yuliya K. Bernardt.</i> The Rise of Central China – a Priority of the Country's Regional Development Strategy (Based on the Example of Hubei Province).	92
<i>Innokentii G. Aktamov.</i> New Trends in the Educational Policy of the PR China in Relation To National Minorities (Based on the Material of the Inner Mongolia Autonomous Region) . .	101
<i>Olga A. Bonch-Osmolovskaya.</i> New Confucianism and Foreign Policy Discourse of the PRC: Intellectual Foundations of the Chinese Diplomacy.	107
<i>Maria A. German.</i> China in Middle East Security Management: The Concept of Ensuring Regional Security and Mediation Diplomacy.	116
<i>Daria A. Novotorkina.</i> Social well-being of women in China	125
<i>Ivan A. Alexeev.</i> A Variant of Combined Translation Strategy for Rendering Poetic Texts – the Case Study of a Poem “Hahaha” by Cao Seng.	132
<i>Veronika E. Ponomareva.</i> Architectural Image of Harbin in Chi Zijian's novel “Stories of Harbin”	141
<i>Alexey L. Myshinsky, Yuliya S. Sysolyatina.</i> People's Republic of China: New Times and New Words.	153

Reviews

<i>Mark Yu. Ulyanov.</i> A Landmark Study on the Shang-Yin Religious Culture (13 th –11 th Centuries BC). <i>Rev. of: Kulikov D.E.</i> Religioznye predstavleniia i kul'ty v Drevnem Kitae pozdneshanskogo perioda (ok. 1250–1046 gg. do n.e.) [“Religious Ideas and Cults in Ancient China of the Late Shang Period (ca. 1250 – 1046 BC)”]. Moskva: Institut Vostokovedeniia RAN. 2022. 462 p.	164
On the authors.	174

ОТ РЕДАКТОРА

В 2024 г. исполняется 75 лет со дня основания Китайской Народной Республики. За прошедшие годы Китай совершил колоссальный рывок в своем развитии, превратившись в мощную экономическую державу и влиятельную политическую силу на мировой арене. Поэтому вполне закономерно, что очередной номер ежегодного журнала «Уральское востоковедение», который выпускает кафедра востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета (УГИ УрФУ), посвящен 75-летию юбилею КНР.

Преподавание и изучение китайского языка, литературы, культуры, географии, экономики, международных отношений и внешней политики, пяти тысячелетней истории Китая ведется на кафедре востоковедения УрФУ с момента ее создания, фактически четверть века. За прошедшее время на кафедре было подготовлено более сотни китаистов, которые впоследствии стали преподавателями, исследователями, переводчиками или другими специалистами в различных государственных структурах, в сфере частного бизнеса как в Екатеринбурге и других городах России, так и за рубежом, в том числе в Китае.

Динамичное развитие китаистики позволило кафедре инициировать в 2007 г. создание в Уральском университете Института Конфуция. С тех пор на постоянной основе в Институте Конфуция УрФУ работают преподавателями не только специалисты из Китая, но и выпускники кафедры востоковедения.

Подтверждением того, что кафедра востоковедения УрФУ стала авторитетным центром подготовки специалистов с хорошим знанием китайского языка стало открытие в 2022 г. отдельной образовательной программы бакалавриата «Китайский язык и китаистика» в рамках ставшего уже традиционным для Урала направления 58.03.01 «Востоковедение и африканистика». Приемные кампании 2023 и 2024 гг. продемонстрировали, что среди абитуриентов, поступающих в УГИ УрФУ, образовательная программа «Китайский язык и китаистика» стала одной из наиболее востребованных и престижных.

За время своего существования кафедра востоковедения УГИ УрФУ создала большой фонд учебно-методической литературы по китайскому языку, который преподаватели и студенты активно используют в учебном процессе, в ходе аудиторных занятий, для выполнения домашних заданий, при подготовке к зачетам и экзаменам. Следует подчеркнуть, что авторами ряда учебных пособий по китайскому языку являются преподаватели кафедры востоковедения. Студенты кафедры, изучающие китайский язык, неоднократно становились призерами или победителями различных конкурсов и олимпиад на знание китайского языка и литературы.

Немало преподавателей и аспирантов кафедры востоковедения в научном плане занимались и занимаются изучением различной проблематики, связанной с историей, экономикой, философией, религией, географией, литературой, куль-

турой, внешней политикой Китая. По китайской тематике на кафедре были подготовлены и успешно защищены несколько кандидатских диссертаций. В целом спектр научных исследований китаистов кафедры востоковедения весьма широк, он охватывает период от древности до современности.

Новый выпуск журнала «Уральское востоковедение» в значительной степени отражает результаты 25-летнего развития китаистики на Урале. Прежде всего следует подчеркнуть внушительное географическое представительство авторов выпуска – это Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Улан-Удэ, Хабаровск, Токио, Пекин, Гуанчжоу, Шанхай. Такой большой географический охват стал традиционным для всех выпусков журнала.

Диапазон тематики представленных статей тоже весьма внушителен. Это страницы древней, средневековой, новой и новейшей истории Китая, вопросы религии, лингвистики, языкознания, литературы, специфика современного развития китайских регионов, особенности образовательной политики КНР в национальных районах, актуальные проблемы китайской внешней политики и дипломатии. При этом приятно отметить, что из двадцати авторов, представленных в этом номере журнала, девять исследователей были либо являются преподавателями и выпускниками кафедры востоковедения.

*Главный редактор,
доктор исторических наук, профессор
В. А. Кузьмин*

DOI 10.15826/usos.2024.14.1

УДК 94(315)+340.1(09)+930.1/.2+930.2:003.072

Д. А. Суровень

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ЭТАПЫ ГЕНЕЗИСА ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОБЫТНОМ КИТАЕ (IX–III ТЫС. ДО Н. Э.)

Аннотация. В статье предпринята попытка охарактеризовать развитие первобытного китайского общества Южного и Северного Китая на первом и втором этапах генезиса государства (периода существования родовой общины земледельцев и скотоводов и первобытной соседской общины). Выводы исследования основаны на сопоставлении результатов археологических данных со сведениями письменных источников, исходя из общих закономерностей развития первобытного общества.

Ключевые слова: первобытный Китай, генезис государства, предпосылки возникновения государства, родовая община земледельцев и скотоводов, первобытная соседская община

Dmitriy A. Suroweń

GENESIS OF THE STATE'S FIRST AND SECOND STAGES IN PRIMITIVE CHINA (9TH – 3RD THOUSAND B.C.E.)

Abstract. Based on the comparison of the results of archaeological research with information from written sources, based on the general patterns of development of primitive society, an attempt is made to characterize the development of primitive Chinese society in Southern and Northern China at the first and second stages of the genesis of the state (the period of existence of the tribal community of farmers and pastoralists, and the primitive neighboring community).

Keywords: primitive China; genesis of the state; prerequisites for the emergence of the state; tribal community of farmers and pastoralists; primitive neighborhood community

Новейшие археологические исследования опровергли моноцентрическую концепцию возникновения ранней государственности в древнем Китае и показали, что на территории Китая не было единственного центра зарождения так называемой «китайской цивилизации», а со времени перехода к земледелию на территории Великой китайской равнины и за ее пределами в бассейнах Хуанхэ и Янцзы существовало шесть историко-культурных зон Восточной Азии [Деопик, Ульянов, 2012 а, с. 39; см. : ИК, с. 154–156; см. также: Деопик, Ульянов, 2012 б, с. 7–39], развивавшихся неравномерно [Деопик, Ульянов, 2012 а, с. 40, 41–42, 51–52, 53; Деопик, Ульянов, 2011, с. 15–21]. Как показывают результаты археологических исследований, в Китае период *генезиса государства* на юге и на севере страны (в среднем и нижнем течении рек Хуанхэ и Янцзы) начался не одновременно. Первоначально общество бассейна реки Янцзы и Юго-Восточной Азии опережало север [Шилюк, 1991, с. 204–205; Шилюк, 1997, с. 243]. Однако древнекитайские источники, рассказывая о формиро-

вании ранней государственности в Китае, сохранили нам в основном только сказания народа *хуася*, жившего в среднем течении Хуанхэ (в бассейнах рек Вэйхэ, Фэньхэ и верховий Ханьшуй [Деопик, Ульянов, 2012 а, с. 42, 51]). В связи с этим возникает необходимость проанализировать имеющиеся в распоряжении ученых материалы и выяснить в общих чертах, как шел процесс генезиса государства в древнем Китае на его первом и втором этапах.

Первый этап генезиса государства, начало которому положил переход к производящему хозяйству [Шилюк, 1991, с. 6; Шилюк, 1997, с. 5; см. : Васильев, 1995, с. 112–113], в Южном Китае у аустроазиатских и аустронезийских народов [см. : ИК, с. 158, 163], южных монголоидов [ИК, с. 181], начался раньше, чем в Северном Китае [см. : Шилюк, 1991, с. 204–205; Шилюк, 1997, с. 243; Деопик, Ульянов, 2012 б, с. 12–13; Деопик, Ульянов, 2012 а, с. 45]. В бассейне реки Янцзы переход к производящему хозяйству произошел в IX¹–VII тыс. до н.э.², когда возникло земледелие садово-огородного типа, а позднее появилось рисоводство с применением искусственного орошения [Кучера, с. 262, 296, 304, 315, 320; Лаптев, с. 16; Шилюк, 1991, с. 205; Шилюк, 1997, с. 243; Васильев, 1995, с. 113, 117].

Культура Хэмуду 河姆渡文化 возникла в первой половине V тыс. до н. э. в устье Янцзы, когда в низовьях Янцзы появилась южная разновидность риса (сяньдао). Культура Хэмуду положила начало длительному периоду бытования местных земледельческо-рыболовческих культур. Во второй пол. V – первой пол. IV тыс. до н. э. здесь ее сменила культура Цинляньган 青蓮崗文化, на месте которой во второй пол. IV – первой пол. III тыс. до н. э. возникла культура Лянчжу 良渚文化. Во внутреннем районе Южного Китая в второй пол. IV – первой пол. III тыс. до н. э. локализовались культуры Цюйцзялин 屈傢嶺文化 и Паомалин 跑馬嶺文化, первая – на реке Ханьшуй и в левобережье Янцзы, а вторая южнее – на правом берегу Янцзы. Носители всех этих культур с самого начала разводили свиней и собак, занимались рисоводством, которое на первых порах имело, по-видимому, примитивный заливной (лиманый) характер, но со временем была введена подсечно-огневая система [ИПО, с. 302, 303].

Несколько особняком стоял Шаньдун, сначала архипелаг, а после исчезновения Древнего залива – полуостров. Его специфика состояла в том, что географически он располагался ближе к северу, но в этнокультурном отношении тяготел к югу [ИК, с. 153]. Именно поэтому он (особенно северные и западные области) развивался почти столь же интенсивно, как и район Нижнего Янцзы [Деопик, Ульянов, 2011, с. 19; см. также: Деопик, Ульянов, 2012 в, с. 205; Деопик, Ульянов, 2013, с. 15]. Переход к земледелию здесь произошел около 7000 г. до н. э. [ИК, с. 167].

Общество бассейна реки Хуанхэ (восточных монголоидов [ИК, с. 181]) – предков хуася, восточных носителей сино-тибетских языков, постепенно продвигавшихся

¹ О датировке см. : [ИК, с. 161].

² В настоящее время после многих открытий на юге Китая и особенно после обнаружения остатков культурного риса в Юйчаньяне (пров. Хунань), ответ ясен: родиной культурного риса является Южный Китай, а процесс его domestikации происходил где-то в 16–12 тыс. до н. э., т. е. намного раньше, чем предполагалось еще в начале XX столетия, и не там, где его локализовали ранее. – См. : [Кучера, с. 352]. См. также: [ИПО, с. 254–255].

на восток [ИК, с. 159]) перешло к производящему хозяйству (прежде всего к земледелию) в VI тыс. до н. э. (в восточной части: культуры Цзяху-1 и Пэйлиган 裴李崗文化) [ИК, с. 176–177]; западнее: в V– начале IV тыс. до н. э. (археологическая культура Яншао 仰韶文化) [Шилюк, 1991, с. 205; Шилюк, 1997, с. 243; Васильев, 1995, с. 118, 120]. Благодаря работам китайских геологов и археологов, а также трудам гарвардского профессора Чжан Гуанчжи стало известно, что на территории бассейна реки Хуанхэ в IV–II тыс. до н. э. был древний залив (именуемый также проливом), потом гигантское болото, медленно заполняемое из Шаньдун и древнего устья реки Хуанхэ. В результате в IV–II тыс. до н. э. шел процесс формирования огромного массива плодородных земель [Деопик, 2007, с. 111, 114, карты 1, 2, 3; см. : ИК, с. 153, 163, 198, 236]. Освоение Великой равнины происходило со стороны юго-западной части Шаньдун и из двух древних очагов формирования народа хуася: к северу и югу от выхода Хуанхэ на Великую равнину (север и юг древнего Приморья) [Деопик, 2007, с. 111–112]. Единая культура Великой китайской равнины не могла сложиться здесь до конца первой четверти II тыс. до н. э. [Деопик, 2007, с. 111, 114].

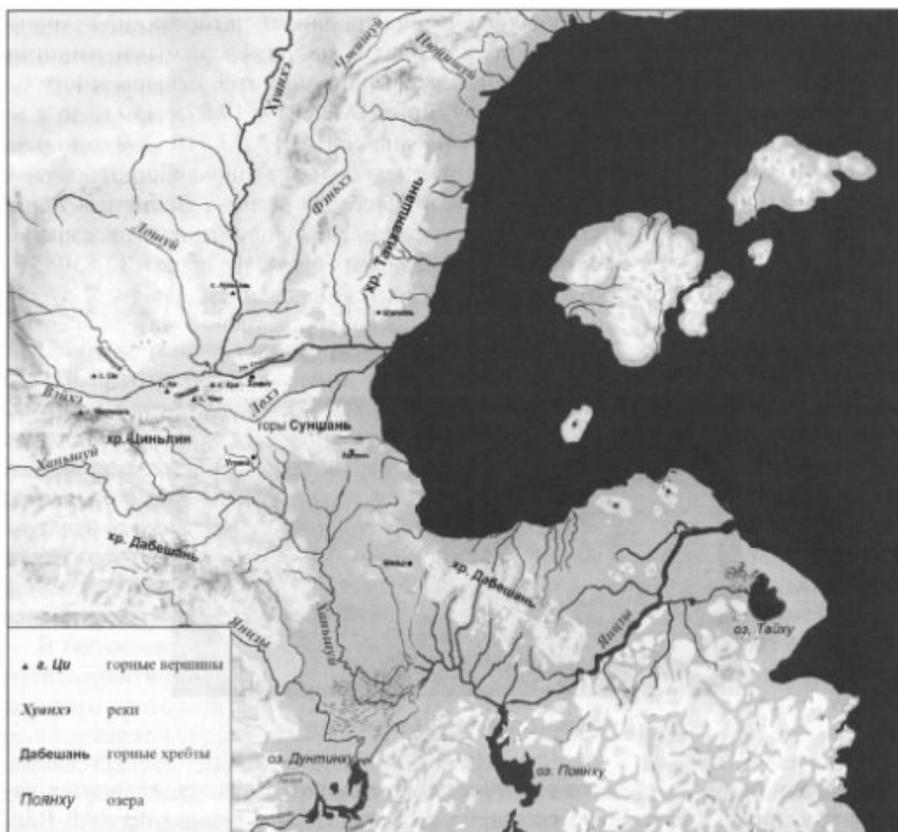

Рис. 1. Древний залив с островами архипелага Шаньдун, ранее 5 тыс. лет до н. э. (сейчас на месте пролива и островов – полуостров Шаньдун) [История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. I. С. 153, 163].

Данные археологии показывают, что на первом этапе генезиса государства в Китае существовали *родовые общины* земледельцев и скотоводов, изначально живших на юге Китая в больших пещерах [Кучера, с. 101, 102, 155] (洞穴類型 дунсюэ лэйсин – пещерного типа [места проживания] [Кучера, с. 304]), а позднее в небольших поселениях на равнинах (廣野類型 куаньье лэйсин – равнинного типа [места проживания] [Кучера, с. 304; см.: ИК, с. 162]), каждое из нескольких десятков домов – сначала «больших домов» (длиной в несколько десятков метров) для группового проживания [см.: Кучера, с. 200–204; особенно: с. 202, 204], а еще позже – отдельных домов, рассчитанных на одну семью (в Баньпо в первом строительном горизонте – 22 дома, во втором – 24), всего – до ста строений в каждом горизонте [Васильев, 1995, с. 121, 121, п. 2]. Поселки этих рисоводов и рыболовов в Нижнем Янцзы занимали площадь от нескольких тысяч квадратных метров до нескольких гектаров. Памятник Пэнтоушань на Среднем Янцзы представляет собой обширное укрепленное поселение земледельцев-рисоводов площадью около 30 тыс. кв. м, окруженное земляным валом и рвом, которые охватывали городище с двух сторон. Внутри находилась крупная платформа, на которой располагались некие сооружения. Шесть сооружений раскопано, пять из них наземные, одно – полуземлянка округлой формы с очагом в северной части [История Китая, т. 1, с. 174]. Один из изученных в провинции Гуандун поселков достигал площади 3 га. Судя по некоторым данным, дома были наземными, прямоугольными, столбовой конструкции, с четырехскатной крышей. Носители культур Цюйцзялин и Паомалин жили в домах площадью от 30 до 70 кв. м, состоявших из 1–2 комнат. Впрочем, иногда здесь встречались и овальные дома размером 25 кв. м. [ИПО, с. 303].

В поселениях культуры Яншао в центральной части Китая, в бассейне реки Вэйхэ, исследователями отмечается высокая плотность неолитических поселков: на лёссовых террасах площадью 21 000 кв. км их обнаружено более 400. Поселки Яншао отличались крупными размерами, занимая в ранний период до 5–10 га (Баньпо). Планы поселков достаточно характерны: в центре располагалась открытая площадка, занятая иногда большим общественным зданием (в Баньпо его площадь достигала нескольких десятков кв. метров); вокруг нее концентрировались жилища, подсобные постройки и ямы-хранилища. За пределами поселка находились могильник и специальный гончарный квартал с печами для обжига. В Баньпо поселок отделялся от них глубоким рвом. Жилища культуры Яншао первоначально представляли собой полуземлянки, круглые или квадратные, со скругленными углами, небольшие по площади (15–20 кв. м). Они имели деревянный каркас, оплетенный прутьями или обшитый досками и обмазанный глиной с соломой [ИПО, с. 309–310].

Родовая община земледельцев и скотоводов обладает следующими признаками:

1) Основана на *производящем хозяйстве* [Шилюк, 1991, с. 6; Шилюк, 1997, с. 6; см.: Кучера, с. 101], земледелии [см.: Кучера, с. 115, 173–174, 351–352], скотоводстве [см.: Кучера, с. 88–90, 115, 174–175 (моллюсководство), 352–353], а также придомном и отчасти стойловом скотоводстве [ИК, с. 360]; со временем – на производстве материалов, ткачестве, изготовлении одежды, изготовлении керамики [см.: Кучера, с. 106–107, 113–114, 167–168, 173, 184–185, 188–191 и сл., 304, 312, 310–311, 314–315, 319, 330, 334, 335, 337, 338, 339, 344, 348, 353, 354–355; Лаптев, с. 16–17]

(появляется в IX – первой пол. VIII тыс. до н. э. на юге Китая [Кучера, с. 114, 145, 150–151]), на строительстве домов [см. : Кучера, с. 353], выплавке металлов и т. д. Все это расширяло производственные возможности человека и создавало основу для роста производительности труда [см. : Шилюк, 1991, с. 6–7; Шилюк, 1997, с. 7].

2) Возможность прокормить большее количество людей [ИПО, с. 267] позволила объединяться в коллективы бóльшего размера. Численность *родовой общины* земледельцев и скотоводов постепенно росла [ИПО, с. 267], достигая в среднем несколько сотен человек [см., например: ИПО, т. II, с. 310]. Как следствие – увеличивается плотность населения [см. : Шилюк, 1991, с. 7; Шилюк, 1997, с. 7].

3) В *родовой общине* земледельцев и скотоводов сохраняется кровное родство. Кровное родство было признаком принадлежности человека к общине.

4) Общине принадлежали пахотные и пастбищные земли. В родовой общине большие, совместно обрабатываемые поля были единственными полями родовой общины, и на них работали все члены коллектива [Васильев, 1961, с. 30]. Права родовой общины на землю определяются учеными как **прямая коллективная собственность**: ни один общинник не имел отдельных прав ни на часть земель, ни на часть произведенного продукта [см. : Шилюк, 1991, с. 7; Шилюк, 1997, с. 8]. Вся землю общины обрабатывали сообща совместными усилиями по причине простоты первых земледельческих орудий труда [Васильев, 1961, с. 30], поэтому нужна была кооперация труда большого количества людей. При коллективных формах труда индивидуальный вклад каждого человека выделить было невозможно.

5) В такой ситуации каждый общинник получал **равную долю** в зависимости от *половозрастного разряда*. Поскольку существовала *прямая коллективная собственность*, то оставались *коллективные* формы распределения и потребления полученного продукта. Следовательно, сохранялось *эгалитарное* общество (общество **равенства**) [Шилюк, 1991, с. 8; Шилюк, 1997, с. 8].

6) Изначально существовало совместное проживание [Кучера, с. 101, 102, 155, 200–204]. Потребление произведенного продукта оставалось совместным и в конце периода *родовой общины* (как обнаружили исследователи в Баньпо [см. : Васильев, 1995, с. 121]; Баньпо-1, 4100–3500 гг. до н. э. [ИК, с. 215]), когда появляются отдельные дома *больших семей* (два–три поколения родственников).

Исследователи обратили внимание на то, как в «Люй-ши чунь-цю» описаны эти древние времена, где отражены особенности общества периода неолита [Кучера, с. 240]: «Когда-то, в глубокой древности, (когда еще [см.: Люйши чуньцю, 2001, с. 333] – С. Д.) [у людей] не было правителей. Тогдашние люди жили группами и селились скученно; [они] знали матерей и не знали отцов (дети, рожденные от парования при дуально-родовой организации, оставались в коллективе матери, отец же принадлежал к другому хозяйственному коллективу [См. : ИПО, т. II, с. 112, 121–122] – С. Д.), [у них] не было различия [между] близкими и дальними родственниками (родственниками по отцовской и материнской линиям [Люйши чуньцю, 2001, с. 333] – С. Д.), старшими и младшими братьями, мужем и женой (не было терминологии описательной системы родства [См. : ИПО, т. II, с. 104–105; Семёнов, с. 24] – С. Д.), мужчиной и женщиной; не было [различного] пути для верхов и низов, для взрослых и детей (нравственного закона старших и младших [Люйши чуньцю,

2001, с. 333] – С. Д.)... не было удобств [от] одежды и украшений, обуви и поясов, дворцов и домов, запасов и накоплений; не было обилия предметов и инструментов, лодок и повозок, внутренних и внешних городских стен, укреплений и застав (рвов и валов [Там же] – С. Д.)» (Люйши чуньцю, кн. 20-я, гл. 1-я) [Цит. по: Кучера, с. 240]; ср. : Люйши чуньцю, 2001, с. 333]. Мы видим описание общества без государственной власти, где люди жили общинами в виде сельских поселений (когда еще не было городов), существовал дуально-родовой брак с классификационной системой родства, было общество имущественного и социального равенства, без накопления богатств.

Таким образом, на первом этапе генезиса государства сохранялись *коллективная форма собственности* (в виде *прямой коллективной собственности*), *коллективные* формы труда, *коллективные* формы распределения и потребления полученного продукта. Мы видим, что, хотя изменился **тип хозяйства (с присваивающего на производящее)**, увеличилась **численность** человеческого коллектива и возросла **плотность** населения, производственные отношения, приспособленные к ограниченной численности коллектива, остались старые: совместное проживание, коллективное потребление всего произведенного продукта. Принципы организации власти также не изменились. *Вождем* общины (на основе принципа *меритократии* – «власти по заслугам», т. е. трудового авторитета) становился самый умелый и знающий человек, который обладал наибольшим уважением. Здесь мы видим такое же общество *равенства*, как и у охотников, собирателей и рыболовов, основанное на прежних нормах поведения и прежних принципах организации власти [см. : Шилюк, 1991, с. 8; Шилюк, 1997, с. 8].

Почему же при переходе к *производящей экономике* начинается *генезис государства*? Во-первых, мы видим, что усложнилась система хозяйствования, теперь земледельцам необходимо было осуществлять весь производственный цикл сельскохозяйственных работ. Во-вторых, увеличился и усложнился человеческий коллектив, насчитывавший теперь несколько сотен человек. Все это ведет к **усложнению функций управления**, а это, в свою очередь, влечет за собой **усложнение системы управления**. В данный период складывается три основных органа управления общины: 1) глава общины (*вождь*); 2) совет общины; 3) народное собрание. Кроме того, существовали также различные должностные лица общины.

1) Глава общины (*вождь*). Первоначально должность вождя была временной – это была **выборная** должность *военного предводителя*, который возглавлял *общинное ополчение* в период военных столкновений. *Вождь* слагал с себя полномочия, когда война заканчивалась. С течением времени из-за роста населения количество военных столкновений (прежде всего, из-за земли) увеличилось. Должность *вождя* становится постоянной, но не пожизненной. Обычно вождь занимал должность, пока физически мог выполнять свои функции – когда вождь старел, выбирали нового вождя.

Поскольку должность вождя становится постоянной, то, помимо *военной* функции, он начинает выполнять *административные* (вождь управляет делами общины), *судебные* (он разбирает споры общинников) и *религиозные* функции (вождь становится *верховным жрецом* общинных культов). Это означает, что начинается процесс **концентрации различных функций управления** в руках *вождя*.

2) Совет общины. Первоначально *совет* общины возникает как *совет старейшин*. *Старейшина* – это старший мужчина рода. Поэтому *совет старейшин* – это не совет стариков, а **совет глав родов**, которые входили в общину³. *Совет общины* – это коллегиальный совещательный орган при *вожде*, который вместе с вождем занимается решением текущих дел. Кроме того, члены *совета* выполняли *административные, жреческие* (*старейшины* были *жрецами* родовых культов, проводили религиозные обряды в своем роду), *судебные* (*совет общины* выполнял функции *коллегиального судебного органа*); а каждый *старейшина* также разбирал споры членов своего рода) и *военные функции* (когда начиналась война, то глава рода – *старейшина* командовал отрядом ополченцев из своего рода).

3) Народное собрание – собрание взрослых общинников, которое собиралось для решения самых важных дел, касающихся интересов всей общины: избрание *вождя*, вопросы войны и мира и т. д. *Народное собрание* не могло быть постоянно действующим органом управления – иначе в поле некому было бы работать. В «Шан шу» есть эпизод, где вождь, собирая общинников (衆庶 *чжүньшү*) «массы, [простой] народ», также 有衆 *ю чжүн* «народ владения», или просто 衆 *чжүн* «народ» [БКРС, т. III, с. 831; *Шан шу*, с. 146, п. 5]), просит прощения за то, что отвлекает их от сельскохозяйственных работ, собирая на народное собрание (Шан шу, гл. 10–5) [*Шан шу*, с. 146].

Кроме того, в общине существовали различные должностные лица.

Таким образом, усложнение системы хозяйствования и усложнение взаимоотношений внутри человеческого коллектива в *родовой общине* земледельцев и скотоводов повлекли за собой усложнение функций управления, что привело к **необходимости в отделении функции управления от производительных функций**, а это – **главная предпосылка возникновения государства** [см. : Шилюк, 1991, с. 5; Шилюк, 1997, с. 5]. Именно поэтому, хотя до появления классов у предков *китайцев* должно было пройти еще три с половиной тысячелетия⁴, с переходом к *производящей экономике* **начался** процесс *генезиса государства*.

Необходимо отметить, что на этапе *родовой общины* земледельцев и скотоводов процесс отделения функций управления от производительных функций только начинается⁵. Завершится отделение функций управления от производительных функций только на этапе *соседской общины*.

Второй этап генезиса государства (связанный с переходом к *соседской общине* и появлением *индивидуальных хозяйств* [см. : Шилюк, 1991, с. 6, 7; Шилюк, 1997, с. 5]) начнется раньше – в регионе нижнего течения реки Янцзы (видимо, в V–IV тыс. до н. э.); и позже – в среднем течении реки Хуанхэ (в первой пол. IV–III тыс. до н. э.; где он, видимо, приходился, в том числе, и на период так называемых «пяти

³ Не следует путать совет старейшин с возникшим в более позднее время (на 3-м этапе генезиса государства) советом знати (сама общинная знать появится только на 3-м этапе генезиса государства). Отличие в том, что в совете знати, хотя и могут быть главы родов, которые, в свою очередь, могут быть и старыми, но в совет знати входит только знать.

⁴ Классы начнут формироваться только на третьем этапе генезиса государства.

⁵ Таким образом, у должностных лиц общины все больше времени уходило на управление и все меньше оставалось на производительный труд.

первопредков» [кит. дү]⁶, XXVII–XXII вв. до н. э. [см. : Вяткин, с. 97], совпадающий с поздним периодом культуры Яншао (или периода «яншаноидных культур» яншаоского ареала [см. : ИК, с. 215]). Таким образом, у предков южнокитайских и северокитайских народов (в разное время) произошел переход к *соседской общине*. Об этом говорит появление графических знаков – т. н. знаков собственности владельцев («тамги») [ИК, с. 251], наносимых на донья керамических сосудов (чаш) [см. : ИК, с. 184–185, 221, 223, 224–227, 233–235], на кувшинах и других предметах [ИК, с. 202–203, 204, 242, 251]. Такие знаки становятся необходимыми при появлении индивидуальных хозяйств для маркировки имущества большой семьи. Кроме того, в селении Хэмуду обнаружен сохранившийся деревянный забор [ИК, с. 185], который также мог обозначать границы земель индивидуального хозяйства.

«Тамги» памятника Цзянчжай

[История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. I. С. 252]

В Баньпо (Баньпо-1, 4100–3500 гг. до н. э. [см. : ИК, с. 246]) обнаружено 27 «тамг» на сосудах, в Цзянчжай – 41 «тамга» [см. : ИК, с. 251, 252]. При этом в основу нескольких знаков положен один общий элемент. Так, например, в основе четырех знаков использован общий элемент 巾. Остальные знаки – 巾, 巾, 巾 – являются его более сложными модификациями, т. е. имеют добавленные к нему элементы. Такое явление присуще для тамг разных семей или поколений внутри одного рода. Общий знак в таком случае означал бы один род, а знаки с модификациями – различные семьи внутри него. Важно отметить и здесь то, что все они процарапаны после обжига на чашах с черной полосой (поверх этой полосы); их не бывает на чашах с сакральными символами и «семантически

⁶ 帝 кит. дү – суц. 1) император... монарх... 3) ...верховный владыка... 4) обожествленная душа предка... [БКРС, т. III, с. 307]. Слово 帝 дү зафиксировано на иньских костях [Сыма Цянь, с. 287, п. 35]. О термине дү см. : [Сыма Цянь, с. 222, п. 3]. Комментаторы текста истолковывают термин 帝 дү для того периода как «главный вождь» [Сыма Цянь, с. 235, п. 65]; дү 帝 “the ancestral lord” (наследственный владыка, владыка–родоначальник) [Nu He, p. 8].

значимыми орнаментами». Нет таких знаков и с внутренней стороны на доньях этих чаш. Кроме того, существуют разные написания одних и тех же знаков. Все это свидетельствует о том, что здесь присутствует отдельная знаковая система [см. : ИК, с. 251–252].

Поселки позднего Яншао отличались очень крупными размерами, занимая в поздний период более 20 га (Мяодигоу-1, 3300–2800 гг. до н. э. [ИК, с. 215; см. также: с. 279]). Планы поселков оставались прежними: в центре располагалась открытая площадка, занятая иногда большим общественным зданием (в нескольких десятков кв. метров); вокруг нее располагались жилища, подсобные постройки и ямы-хранилища. За пределами поселка находились могильник и специальный гончарный квартал с печами для обжига. Поселок обносился глубоким рвом. Со временем с ростом населения площадь жилищ росла (до 30–40 кв. м), квадратные жилища вытягивались и превращались в прямоугольные, постепенно совершался переход к наземным конструкциям [см. : ИПО, с. 310]. На Бяньпо обнаружено 46 жилищ, на Цзянчжае – около 100 (очагов – около 200). Большинство построек – полуземлянки, наземных сооружений значительно меньше. Строения имели разный размер и разную форму: квадратную, прямоугольную и округлую. При линейной планировке поселения вход был ориентирован, как правило, на юг [ИК, с. 247]. Предполагается, что в поселке Бяньпо на 500–600 человек до 200 жилищ [см. : ИПО, с. 310; ИК, с. 247].

В центре селения Бяньпо, общая площадь которого составляла около 5 тыс. кв. м, находилась площадь, поселение было окружено тремя кольцами валов, помимо них обнаружены три окружающие поселение искусственных канала: один большой (глубиной 5–6 м) и два маленьких. На памятнике Цзянчжай (общая площадь около 4 тыс. кв. м) тоже есть три кольца рвов, а в центре, как и в Бяньпо, находилась площадь. Лицевые части построек обращены к ней, отсюда и различная ориентация входов [ИК, с. 247]. Оборонительные валы создавались и на западе региона Средней Хуанхэ. В IV тыс. до н. э. в период Даси на Средней Янцзы начинается строительство крепостных стен [ИК, с. 254].

С ростом населения носители культуры Яншао расселились на запад, в верховья Хуанхэ (культура Яншао в Ганьсу, потом – Мацзяяо), на восток, вниз по Хуанхэ (культура Хоуган), на юг, в долину реки Ханьнуй, где они предшествовали культуре Цюйцзялинь. Повсюду они встречались с местным населением и смешивались с ним, что вело к появлению новых оригинальных культур [ИПО, с. 310; ИК, с. 247].

Появляется новый тип общины – первобытная *соседская община*, которая характеризуется: 1) по-прежнему основана на *производящей экономике* (земледелии и скотоводстве), общество базируется на *производящем хозяйстве*; 2) увеличивается численность коллектива [см. : ИПО, с. 310; ИК, с. 215, 254]: соседская община начинается с численности в несколько сотен человек, и в дальнейшем ее коллектив вырастает до 1000 и более человек. Как следствие – увеличивается плотность населения [см. : ИК, с. 213, 215, 254].

В *соседской общине* сохраняется кровное родство, но теперь оно теряет социально-экономическое значение (кровное родство теперь не означало принад-

лежность человека к общине и не позволяло просто так получать долю продукта). *Соседская община* теперь делила землю на наделы – и каждый общинник получал свою часть земли. Теперь, когда единый хозяйственный коллектив распался, каждая его часть (большая семья) обрабатывала собственное поле [Васильев, 1961, с. 30]. Единственным признаком вхождения человека в общину теперь становится **обладание земельным наделом** в общинном фонде земель [см. : Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 9]⁷.

3) Права соседской общины на землю можно охарактеризовать как **верховную коллективную собственность**⁸. Таким образом, в первобытной *соседской общине* при *верховой коллективной собственности* существуют отдельные права общинников на часть земель и часть произведенного продукта [см. : Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 9–10].

Землю большим семьям общинников давали по количеству едоков в семье (т. е. все находились в равных условиях). И теперь каждый общинник получал продукты со своего надела – все, что он произвел своим трудом на своей земле. Возникает вопрос: как же можно охарактеризовать права этих *индивидуальных хозяйств* (больших семей) на землю? С юридической точки зрения – это *владение* землей. С социально-экономической – право хозяйств больших семей на производимый на своем наделе продукт определяется как *трудовая собственность*, которую не следует путать с *частной собственностью* [Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 9–10].

Таким образом, возникает **новая форма собственности** – *трудовая собственность*, которая означала – собственность на все, что связано с личным трудом: пока общинник работает на этой земле, он имеет право на эту землю и на все, что он производит своим трудом на этом наделе – это его имущество. Однако, например, если часть членов семьи погибала на войне – и часть земли забрасывалась из-за нехватки работников и за отсутствием необходимости обрабатывать такое количество земли (людей в семье стало меньше), то *соседская община* (как *верховный коллективный собственник*) изымала эту пустующую землю и отдавала другому *индивидуальному хозяйству*, в котором подросли дети и существовала потребность в расширении земельного надела, чтобы прокормить большее количество человек в семье, и которая могла обработать землю своим трудом [см. : Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 9–10].

В итоге произошел переход от *коллективного* к *индивидуальному хозяйству*. Распределение земли (проведение переделов) – означает, что произошли **качественные изменения** – превращение индивидуального хозяйства в *экономическую*

⁷ Если общинник совершал какой-нибудь тяжкий проступок, его могли изгнать из общины (он становился «изгоем»). Хотя у изгоя в общине оставались родственники, он теперь не считался членом общины и лишался земли. И наоборот: если в общину принимали человека, который родственником не был, но ему давался надел, то он становился членом общины. Кровное родство утратило прежнее социально-экономическое значение по сравнению с отношением к нему в родовой общине.

⁸ Права всей общины стоят над правами каждого отдельного хозяйства (*индивидуального хозяйства*). Община – это весь *коллектив* общинников. Когда общинники собираются на народные собрания, то теперь они должны были учитывать интересы не только всей общины, но и интересы каждого *индивидуального хозяйства*.

ячейку общества, которая владела и средствами производства, и обладала своей рабочей силой – и *индивидуальное хозяйство* само осуществляло весь цикл работ [см. : Шилюк, 1991, с. 8–9; Шилюк, 1997, с. 9].

4) В результате раздела земли изменились принципы распределения и потребления – возникли *индивидуальные формы* распределения и потребления полученного продукта [Шилюк, 1991, с. 8–9; Шилюк, 1997, с. 9].

5) Отражением существования *индивидуальных хозяйств* было раздельное проживание [Шилюк, 1991, с. 8–9; Шилюк, 1997, с. 9].

Возникает вопрос: почему община сохраняется даже после разделения земли? Причина в том, что для первоначального присвоения земли (расчистка, осушение болот, вырубка леса, строительство *ирригации* и т. д.), а также ее защиты по-прежнему требовались *коллективных усилий* всей общины [см. : Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 10].

Сохранение общины проявлялось в тех функциях, которые она выполняла: 1) *соседская община* как *верховный* коллективный собственник проводила *переделы* земли (семьи наделяются по количеству едоков) [Шилюк, 1991, с. 10; Шилюк, 1997, с. 10]; 2) производила перераспределение произведенного продукта⁹; 3) не допускала к земле того, кто не входил в общину: вне общинного коллектива право *владения* землей получить было **невозможно** [см. : Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 10]. Если человек входит в общинный коллектив – он имеет землю; или если его приняли в общину – он получает землю. Но если человека изгнали из общины, то землю заберут, фактически, обрекая его на смерть.

С переходом к соседской общине, со второго этапа генезиса государства, начинается период так называемой **социальной революции** [см. : Шилюк, 1991, с. 6; Шилюк, 1997, с. 5] – это период глубоких социально-экономических преобразований, итогом которых, в конце концов, стало появление частной собственности, классов и государства.

Почему этот процесс начинается именно со второго этапа генезиса государства? Причина проста: с переходом к *соседской общине* **начинает разрушаться эгалитарное общество** (т. е. **общество равенства**), т. к. именно в этот период начинает появляться *имущественное неравенство* (*имущественная дифференциация*)¹⁰. О начавшемся расслоении общества свидетельствуют изменения в погребальных обрядах периода 4500–3500 гг. до н. э. [ИК, с. 215, 242, 243]. Структура исследованных кладбищ неолитического Китая данного периода указывает на достаточно равноправное положение членов поселковых семейно-хозяйственных групп. В то же время исследователи отмечают, что количество сопроводительного погребального инвентаря в одиночных и коллективных захоронениях далеко не равномерно, т. е. уже проявлялись различия в имущественном статусе сороди-

⁹ Например, наступает праздник: община дает поручение нескольким семьям организовать этот праздник. Эти семьи тратят часть своего продукта на его проведение, и, таким способом, происходит перераспределение полученного продукта.

¹⁰ Следует отличать *имущественное неравенство* (*имущественную дифференциацию*) от *социального неравенства* (*социальной дифференциации*): при *имущественном неравенстве* социальный статус (положение) – одинаковый, но различается количество имущества.

чей [см. : ИК, с. 359–360]. Причина появления имущественного неравенства заключается в том, что **переход к индивидуальному хозяйству** создает основу для *имущественной дифференциации*. Так как в *соседской общине* землю поделили, появились *индивидуальные хозяйства*, то каждая *большая семья* получала доход только со своего *надела*. А урожай у отдельных семей мог быть разным. Причины таковы: (1) люди имеют разные знания и способности; (2) разный численный и половой состав работников семьи; (3) разное плодородие земельных участков.

Появление *имущественного неравенства* создавало в *соседской общине* проблемы, влекло за собой конфликты. Такая ситуация была опасна для коллектива. Поэтому *соседская община* пыталась сглаживать это *имущественное неравенство* (при проведении пределов учитывалось плодородие земли; производилось перераспределение произведенного продукта). Эти меры только сдерживали *имущественную дифференциацию*, но остановить ее не могли [см. : Шилюк, 1991, с. 10–11; Шилюк, 1997, с. 10–11].

Сохранение общинной организации (на этапе *соседской общины*), означало и сохранение общих (общеобщинных) потребностей, которые могли быть удовлетворены только коллективными усилиями [см. : Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 10]: 1) первоначальное присвоение земли (строительство системы мелиорации в северных районах и *ирригации* – системы искусственного водоснабжения и орошения в южных районах [см. : ИК, с. 182, 268], что нашло отражение в сказаниях о деяниях Гуня и Юя¹¹); 2) организация межрегионального обмена [см. : ИПО, с. 340–341]; 3) содержание и развитие ремесленного производства¹²; 4) культовая потребность (жертвоприношения) [см. : ИПО, с. 423]. Таким образом, общинникам были нужны каналы для водоснабжения, плотины, дамбы, изделия ремесла, плодородие земель и плодовитость скота. Для обеспечения всего этого должны быть средства, а в *соседской общине* общинники вели самостоятельные хозяйства. Согласно принципу *трудовой собственности*, все, что семья произвела, – принадлежало данной семье. Откуда взять средства на эти общеобщинные потребности?

Создавался общий (общеобщинный) фонд – так называемый **коллективный фонд**, из которого средства будут тратиться на общие нужды [Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 10]. Исторически в древнекитайском обществе сложился такой вид *коллективного фонда* как «священное поле бога». Данный вид *коллективного фонда* характерен для обществ, где нужна была система мелиорации и ирригации.

¹¹ См. : [Сыма Цянь, с. 138, 145, 147]; см. : [Кучера, с. 317–318]. Юя обычно именуют “сяским” по названию местности, которой он управлял. В комментарии *Чжэнь и* написано: «Ся – [это] название владения (гб), пожалованного в управление правителю–первопредку (т. е. *верховному вождю* – С. Д.) Юю» [正義: 夏者、帝禹封國號也。] [Ши-цзи, 1959, с. 49, п. 1]. По данным средневековых сочинений (например, «Ди ван ши цзи»), местность Ся находилась в области Юйчжоу, т. е. в пределах современной провинции Хэнань [Сыма Цянь, с. 253, п. 2], что соответствовало тогда местности Янди на южной окраине области Юйчжоу пров. Хэнань (帝王紀云: 禹受封爲夏伯、在豫州外方之南、今河南陽翟是也。) «Ди ван цзи говорит: Юй получил земли в управление, став Ся-бо (гегемоном среди князей) [из местности] Ся, [которая] находилась на юг от окраинных земель (досл. ‘отдаленной местности’) области Юйчжоу. Ныне – это [местность] Янди [провинции] Хэнань» – Цит. по: [Ши-цзи, 1959, с. 49, п. 1]; где *外方* кит. *вай-фан* – ...2) отдаленные местности [БКРС, т. II, с. 715].

¹² Об этом свидетельствует появление в общинах специальных гончарных кварталов с печами для обжига. – См. : [ИПО, с. 310].

Поскольку существовала мелиорация и ирригация, то общинники продолжали работать все вместе на строительстве мелиорационных и ирригационных сооружений. В этом случае община выделяла часть земли («священное поле бога»), где общинники совместно обрабатывали землю (как это ранее было в *родовой общине*). Урожай с этого священного поля хранили в коллективных амбарах (строившихся при хозяйстве *вождя*) и тратили на общие нужды. Работу на «священном поле» организовывал *вождь*, и он же руководил работниками «священного поля» [см. : Васильев, 1961, с. 30]. Но *вождь* права собственности на землю и имущество *коллективного фонда* не имел. *Соседская община* являлась *прямым* собственником *коллективного фонда* (хотя по отношению к земле *индивидуальных хозяйств первобытная соседская община* уже выступала как *верховный коллективный* собственник). Позднее в Китае такая система землепользования в идеализированной форме получила название *цзин тянь* – «колодезная [система] полей»¹³.

По археологическим материалам известно, что с переходом к *соседской* общине в первобытном обществе начинают строить большие амбары и хранилища¹⁴, которые были настолько велики, что не могли быть хранилищами отдельной семьи – там хранилось имущество всей общины. *Вождь* как глава общины становится руководителем хранилищ *коллективного фонда*. Собственником имущества *коллективного фонда* общинники считали главного бога – покровителя данной общины. Фактически *прямым коллективным* собственником выступала вся община целиком. *Вождь* был лицом, только управляющим этим имуществом.

Таким образом, по сравнению с *родовой общиной*, в *соседской* – еще более усложнилась система хозяйствования, продолжает расти коллектив (с нескольких сотен человек до 1000 и более человек), усложняются отношения внутри него. Усложнение системы хозяйствования, а также увеличение коллектива ведет к дальнейшему усложнению функций управления [см. : ИК, с. 213, 254] (регулирование распределения *основного средства производства* – земли; решение [урегулирование] конфликтов и споров между отдельными хозяйствами, входящими в общину; обеспечение производственного процесса и регулирование потребления) [Шилюк, 1991, с. 10; Шилюк, 1997, с. 10]. Вожди (*кит. ди* – «первопредки–

¹³ 井田 кит. цзин тянь – «колодезная [система] полей» – девятипольное межевание земли (в форме иероглифа 井 «колодец»), «колодезная» система (землепользования) [БКРС, т. II, с. 981]. Древнекитайские источники дают противоречивое описание системы цзин тянь. По мнению кит. философа Мэн-цзы (ок. 372–289 гг. до н. э.), суть ее заключалась в том, что квадратное поле размером в 900 му (1 му = 0,16 га) делилось на 9 равных участков, из которых центральный участок (гун тянь 公田 «общественное поле») обрабатывался совместно 8-ю семьями и продукты производства с этого поля передавался на общие нужды (что стало прообразом будущей системы налогообложения). Остальные 8 участков по 100 му распределялись поровну среди 8 семейств и обрабатывались каждой семьей для себя. Эти поля назывались сы тянь 私田, т. е. «личные поля» (восемь наделов вокруг общественного, сообща обрабатываемого поля, по «колодезной» системе землепользования 井田). В идеальном виде, как она описана в трудах Мэн-цзы и в др. источниках, цзин тянь, по-видимому, не существовала, но она отражала реальные отношения в древнем Китае – общинное землепользование на той стадии его развития, когда наряду с сохранившимся общим полем появились уже семейные наделы. См. : [Васильев, 1961, с. 24, 25–38]; устаревшей работой по данной теме является монография: [Кокин, Папаян, с. 3–184].

¹⁴ См. : [ИК, с. 206; 285]: (строение на опорных столбах площадью 150 кв. м памятника Дадивань-2, 3400–2900 гг. до н. э.).

правители»¹⁵) избирались (наследования власти не было) в *совете старейшин* (совещательном органе при *вожде*) [см. : Сыма Цянь, с. 134; Вяткин, с. 100] из любого рода исходя из принципа *меритократии* (самые мудрые, умелые, знающие люди). Так же действовало *народное собрание*, существовали должностные лица общины [см. : Сыма Цянь, с. 134].

Должностные лица общины (*вождь, жрецы, старейшины*) прежде всего должны были обеспечить успешное функционирование производства – их организаторский труд был важной частью производственного процесса. Выборный *вождь* должен был обеспечивать защиту общины и организацию межрегионального обмена. *Жрецы* – обеспечение покровительства богов и, как следствие – плодородия земли и плодovitости скота. Кроме того, *жрецы* и *старейшины* (старшие в роду) являлись хранителями накопленного производственного опыта и знаний. Все это повышало роль и значение *организационных функций, функций управления* и объективно вызывало необходимость обособления (отделения) их от физического труда. Теперь каждое должностное лицо занималось управлением [см. : Шилюк, 1991, с. 10; Шилюк, 1997, с. 10–11], а чтобы они могли обеспечить нормальное выполнение функции управления, им выдавалась часть доходов *коллективного фонда* – на прокорм, для содержания [см. : Шилюк, 1991, с. 11; Шилюк, 1997, с. 12].

Некоторые исследователи пытаются говорить, что в это время появилась *эксплуатация* общинников со стороны вождя и других должностных лиц, однако эти утверждения **неверны**. В данном случае действовал так называемый *престижный фактор*, который заставляет общину расходовать часть средств *коллективного фонда* для удовлетворения *престижных потребностей*: внешний вид *вождя*, убранство его жилища выделяли его среди других общинников (с конца периода культуры Яншао и в период культуры Луншань [см. : ИПО, с. 311]), но это не было показателем наличия *эксплуатации* – трата средств на *престиж* общины производится для нужд общинного коллектива и под его контролем. Эксплуатация связана с другими отношениями [см. : Шилюк, 1991, с. 11; Шилюк, 1997, с. 12].

Как же появилась *эксплуатация*? Создание *коллективного фонда* привело к концентрации *средств производства*. Однако на протяжении существования *соседской общины* численность общинников увеличивалась, увеличивались и усложнялись их потребности. Это приводит к тому, что на определенном этапе рост *коллективного фонда* начинает опережать прирост населения в общине, приводит к нехватке в *коллективном фонде рабочей силы*. Однако *индивидуальное хозяйство* ограничено естественным приростом численности людей в семье (землю дают по количеству едоков). Без ущерба для *индивидуального хозяйства* в общине стало негде взять людей. Нехватка людей в *коллективном фонде* стала тормозить развитие *производительных сил* [см. : Шилюк, 1991, с. 12; Шилюк, 1997, с. 13].

Где взять дополнительные рабочие руки? И эта проблема везде в первобытном обществе была решена одинаково – использовать в *коллективном хозяйстве* лиц, не связанных с общинным коллективом [см. : Шилюк, 1991, с. 12; Шилюк,

¹⁵ 帝 кит. *dì* – суц. ...3) ...верховный владыка... [БКРС, т. III, с. 307]; см. : [Сыма Цянь, с. 287, п. 35; с. 222, п. 3]; 帝 *dì* в тот период «главный вождь» [Сыма Цянь, с. 235, п. 65]; *dì* 帝 “the ancestral lord” (наследственный владыка, владыка–родоначальник) [Nu He, p. 8].

1997, с. 13]: 1) захват пленников и обращение их в *рабов*; 2) использование труда так называемых *чужаков*. Новые работники *коллективного фонда* – чужаки и рабы **не являлись общинниками**. А, значит, **прав на землю не имели** и работали **на чужой собственности**. Часть произведенного ими продукта изымалась **собственником земли – общиной**. Получалось, что чужаки и рабы производили уже **не избыточный продукт, а прибавочный продукт**, который связан с отношениями *эксплуатации*. Формирование из людей, лишенных свободного доступа к земле общины (*чужаков* и *рабов*), слоя эксплуатируемых производителей вело к началу развития *классовой дифференциации* общества. А, значит, *первобытное* общество подошло к **третьему этапу генезиса государства** [см. : Шилюк, 1991, с. 11–12; Шилюк, 1997, с. 13].

Исследователи отмечают, что рисоводческие общества субтропической зоны Нижней и Средней Янцзы с их большей плотностью населения в центрах аграрных очагов быстрее достигали сравнительно сложных уровней социального развития и более устойчиво сохраняли на протяжении длительного времени высокие темпы такого развития [см. : Суровень, 2015, с. 214–222]. В обществах просоводов умеренного пояса Среднего Хуанхэ соответствующие процессы шли медленнее. Очаги интенсивного развития в тот период на Средней Хуанхэ многочисленны [ИК, с. 255].

Таким образом, китайское общество в южном Китае в IV тыс до н. э. [см. : Лаптев, с. 34, 35; ИК, с. 262, 264, 270], а в северном Китае в начале III тыс. до н. э. подошло к последнему (третьему) этапу генезиса государства [см. : ИК, с. 254, 301] – периоду классовообразования¹⁶ и политогенеза, связанного с процессом синойкизма¹⁷.

Список литературы

БКРС – Большой китайско-русский словарь. М. : Наука, 1983–1984. Т. I–IV.

Васильев Л. С. Древний Китай: в 3-х тт. М. : Вост. лит., 1995. Т. 1. 379 с.

Васильев Л. С. Проблема цзин тянь // Китай. Япония. История и филология. М. : Изд. вост. лит., 1961. С. 24–39.

Вяткин Р. В. «Основные записи» как исторический источник // Сыма Цянь. Исторические записки (Ши-цзи): в 9-ти тт. М. : Наука, 2001. Т. 1. С. 66–129.

Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты. Ч. 2 // Вопросы эпиграфики. Вып. 6. М., 2012 в. С. 205–249.

Деопик Д. В. Некоторые важнейшие процессы формирования государственности в Восточной

¹⁶ На памятнике Ванвань-1 (3400–2900 гг. до н. э.) в среднем течении реки Лохэ (на востоке региона Средней Хуанхэ) обнаружено погребение человека высокого социального статуса, поскольку в нем найдены искусно сделанные предметы, в том числе три украшения из бирюзы: крупная подтреугольная подвеска, маленькая квадратная подвеска и подвеска в форме клыка [ИК, с. 272]. На памятнике культуры Давэнькоу-2 (3500–2600 гг. до н. э.) Хуатин (в южной части Шаньдуна) среди 62 захоронений обнаружены два самых крупных погребения лиц высокого статуса. В обоих погребениях много изделий из нефрита (указывающих на их высокий статус). В одном из этих погребений в ногах были подзахоронены два человека, там же находится скелет собаки, а в специальном расширении в ногах – многочисленные черепа свиней. В другом погребении, также в ногах, подзахоронены два человека, а в разных местах погребения помещены нижние челюсти свиней [ИК, с. 274–275].

¹⁷ О процессах развития китайского общества на третьем этапе генезиса государства см. : [Суровень, 2018, с. 244–256; Суровень, 2022 а. С. 58–78; Суровень, 2022 б, с. 456–722].

и Юго-Восточной Азии в 3–2 тыс. до н. э. // Ломоносовские чтения: науч. конф., апрель 2007 г. Востоковедение: тезисы док. М. : Гуманитарий, 2007. С. 110–114.

Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты: Ч. 1 // Вопросы эпиграфики. Вып. 5. М., 2011. С. 7–118.

Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты: Ч. 3 // Вопросы эпиграфики. Вып. 7. М., 2013. С. 15–103.

Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Историко-археологическое описание региона Восточной Азии в X–I тыс. до н. э. // Общество и государство в Китае: XLII науч. конф. Уч. зап. отд. Китая. М., 2012 а. Вып. 6. Т. 1. С. 39–62.

Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Исторические процессы в древней Восточной Азии в III – первой половине II тыс. до н. э. : складывание «двуединого» региона // Общество и государство в Китае: 42-я науч. конф. Уч. зап. отд. Китая. Вып. 7. Т. 42. Ч. 3. М., 2012 б. С. 7–39.

ИК – История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10-ти тт. М. : Наука–Вост. лит., 2016. Т. I: 974 с.

ИПО – История первобытного общества. М. : Наука, 1986. Т. II. С. 572 с.

Кокин М. Д., Папаян Г. К. «Цзин тянь»: Аграрный строй древнего Китая. Л. : Ленингр. вост. ин-т им. А. С. Енукидзе, 1930. [2], LXXIV, 3–184 с.

Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая: ранний неолит юга страны. М.–СПб. : Нестор-История, 2020. 596 с.

Липтнев С. В. Предыстория и история народов Вьет. М. : ГОУ ВПО МГУЛ, 2006. Т. 1. 608 с.

Люйши чуньцзо: Вёсны и осени господина Люя // Философское наследие. Т. 132. М. : Мысль, 2001. С. 69–456.

Семёнов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М. : Мысль, 1974. 309 с.

Суровень Д. А. К вопросу о династии Ся: сложное вожество Ся // Древний мир: история и археология: сб. науч. ст. М.: МПГУ, 2022. С. 58–78.

Суровень Д. А. Процесс генезиса государства в древнем Китае // Китай: история и современность: материалы XI междунар. научно-практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 октября 2017 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 244–256.

Суровень Д. А. Ранняя форма государства в древнем Китае // Россия – Китай: История и культура. Сборник статей и докладов участников VIII научно-практ. конф. (Казань, 8–11 октября 2015 г.). Казань: Ин-т Конфуция КФУ, 2015. С. 214–222.

Суровень Д. А. Сложное вожество Ся древнем Китае // **Проблемы** истории общества, государства и права: Сб. науч. тр.. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2022 б. Вып. 18-й. С. 456–722.

Сьма Цянь. Исторические записки (Ши-цзи): в 9-ти тт. М. : Вост. лит., 1972. Т. I. 415 с.

Шан шу 尚書 // Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй»). М. : ИДВ РАН, 2014. 1149 с.

Шилюк Н. Ф. История древнего мира: древний Восток. 2-е изд. Екатеринбург: УрГУ, 1997. 288 с.

Шилюк Н. Ф. История древнего мира: древний Восток. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. 244 с.

Ши-цзи 史記 (в 10-ти тт. 全十冊). Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1959. Т. I. 339 с.

Ni He. Taosi: An archaeological example of urbanization as a political center in prehistoric China // Archaeological Research in Asia. 2018, January. Vol. 14. P. 1–13.

The article was submitted on 20.06.2024

Р. Т. Ганиев

ДИПЛОМАТ И ПОЛКОВОДЕЦ ЧЖАНСУНЬ ЧЭН (长孙晟) НА СЛУЖБЕ СУЙСКОГО КИТАЯ (551–609)

Аннотация. Статья посвящена биографии и деятельности выдающего суйского дипломата и полководца Чжансунь Чэна, сыгравшего ключевую роль в отношениях Восточнотюркского каганата и империи Суй. После объединения Китая под властью династии Суй новый каган тюрков Шэту начал военную кампанию против Китая, к которой империя оказалась не готова. С целью выстраивания дальнейших отношений с восточными тюрками император Ян Цзянь привлек наиболее опытных дипломатов из своего окружения, знающих сильные и слабые места восточных тюрков. Одним из них оказался Чжансунь Чэн, прежде много раз бывавший с дипломатическими миссиями у кочевников. Китайский дипломат, используя свои связи и знакомства в каганате, вступил в тайные переговоры с ближайшим окружением и родственниками кагана Шэту, в результате чего многие из них перешли на сторону суйского Китая (Або и Чулохоу). Чжансунь Чэн способствовал расколу Тюркского каганата на два лагеря – западный и восточный, ослаблению его и заключению вассального договора между восточными тюрками и суйским Китаем. Очередное задание Чжансунь Чэну поручили в 593 г., когда при дворе суйского императора появились сведения о готовящемся мятеже против империи при участии нового правителя тюрков – Дулань кагана и его супруги принцессы Да-и. Чэн отправился с миссией к тюркам, в результате которой внес раздор в личные отношения кагана и супруги. Он уличил принцессу Да-и в измене с высокопоставленным согдийцем Ань Суйцзя, а позже спланировал ее убийство, так как она представляла угрозу империи из-за стремления объединить усилия Западного и Восточнотюркского каганата против империи Суй. Позже Чэн выступил инициатором создания альтернативного политического центра на территории каганата под руководством Циминь кагана, в результате чего империя Суй на многие годы обезопасила свои северные границы (до 609 г.) и получила подконтрольного соседа в лице северных кочевников.

Ключевые слова: империя Суй, древние тюрки, восточные тюрки, Циминь каган, дипломатия

Rustam T. Ganiev

ZHANGSUN CHENG (长孙晟, 551–609): SUI DYNASTY DIPLOMAT AND GENERAL

Abstract. The article is devoted to the biography and activities of the outstanding Sui diplomat and commander Zhangsun Cheng, who played a key role in the relations between the Eastern Turkic Khaganate and the Sui Empire. After the unification of China under the rule of the Sui dynasty, the new Qaghan of the Turks (Shetu) began an active military campaign against China (582), for which the Sui Empire was not ready. In order to build further relations with the Eastern Turks, Emperor Yang Jian attracted the most experienced diplomats from his entourage, who knew the strengths and weaknesses of the Eastern Turks. One of them turned out to be Zhangsun Cheng, who had previously been on diplomatic missions with the nomads many times. The Chinese diplomat, using his connections and acquaintances in the Khaganate, entered into secret negotiations with the closest circle and relatives of Qaghan Shetu, as a result of which many of them went over to the side of Sui China (Abo and Chulokhou). As a result of his activities, Zhangsun Cheng contributed to the split of the Eastern Turkic Khaganate into two camps – western and eastern, its weakening and the

conclusion of a vassal agreement between the Turks and Sui China in 584. Zhangsun Cheng was entrusted with the next task in 593, when information appeared at the court of the Sui emperor about the impending rebellion against the empire with the participation of the new ruler of the Turks – Dulan Qaghan and his wife Princess Da-yi. Cheng went on a mission to the Turks, as a result of which he brought discord into the personal relations of the Qaghan and his wife. He caught Princess Da-yi in treason with the high-ranking Sogdian An Suijia, and later planned her murder, since she posed a threat to the empire due to her desire to unite the efforts of the Western and Eastern Turkic Khaganates against the Sui Empire. Later, Cheng initiated the creation of an alternative political center on the territory of the Khaganate under the leadership of Qimin Qaghan, as a result of which the Sui Empire secured its northern borders for many years (until 609) and received a controlled neighbor in the person of the northern nomads.

Keywords: Sui Empire, ancient Turks, Eastern Turks, Qimin Qaghan, diplomacy

Взаимоотношения восточных тюрков и китайских империй в VI в. представляют одну из самых интересных и малоизученных страниц истории не только для отечественной синологии, но и тюркологии. Одной из немногих работ, в которой уделяется внимание начальному периоду тюрко-китайских отношений в VI в., является монография Л. Н. Гумилева «Древние тюрки» [Гумилев]. В своей работе Л. Н. Гумилев использовал ограниченный список источников – переводной труд известного синоведа И. Бичурина [Бичурин, т. 1, 1950, с. 220–279] и фрагментарно – династийную хронику «Суй шу» (разделы бэньцзи) в переводах Лю Маоцяя [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 40–65], Ст. Жюльена [Julien, p. 200–241] и Э. Шаванна [Chavannes]. В настоящей статье используются материалы биографии (лечжунань) суйского дипломата Чжансунь Чэна из династийной хроники «Суй шу» [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 97–110; Биография Чжансунь Чэна. Суй шу. Глава 51], которые позволяют расширить наши представления об особенностях проводимой политики суйского Китая в отношении Восточнотюркского каганата, а также пополнить источниковую базу отечественного востоковедения.

Будущий суйский дипломат и полководец Чжансунь Чэн (Цзи Чэн, Чэн) родился в 551 г. в городе Лоян провинции Хэнань. Он приходился правнуком вана Вэньсюань исторической области Шандан (Шэньси) Чжансунь Чжи (455–535), имеющим сяньбийское происхождение, а также являлся сыном аристократа (хоу) уезда Пинъюань (Шаньдун) Чжансунь Сы (517–566). Оба его предка и, в целом, клан Чжансунь на протяжении долгого времени играли заметную роль в политической жизни Северной Вэй (386–535), Западной Вэй (535–556) и Северной Чжоу (557–581).

Согласно его биографии в династийной истории «Суй шу» [Биография Чжансунь Чэна. Суй шу. Глава 51], свой карьерный путь Чжансунь Чэн начал в империи Северная Чжоу во время правления императора Сюань-ди (578–579), хотя сведения о его первом военном назначении относятся еще к 570 г. В 579 г. тюркский каган Табо попросил династию Северная Чжоу о свадьбе с китайской принцессой. Император согласился и выдал ему в жены дочь принца Чжао Юйвэнь Чжао. В 580 г. Чжансунь Чэну поручили подстраховать посланников, которые сопровождали принцессу Цяньцзинь к тюркам. Всего к тюркам послали несколько десятков гонцов империи Северная Чжоу, но тюркский каган обходился с ними грубо и среди всех посланников лишь только Чжансунь Чэн удостоился его милости. Кроме

того, Табо очень часто любил ходить с ним на охоту, и поэтому Чэн подолгу гостил у кочевников, иногда в течение года. Можно с уверенностью сказать, что это была не первая миссия для Чэна, так как к тому времени (580) Чэн уже не раз бывал желанным гостем среди тюрков, а также являлся близким другом тюркского кагана. Поскольку Чэн был искусен в стрельбе из лука и арбалета, то зачастую удивлял своим мастерством окружающих. Так, например, однажды, когда Чэн гостил в ставке у кагана, они увидели в небе двух борющихся орлов за кусок мяса. После этого каган дал Чжансунь Чэну две стрелы и сказал: «Пожалуйста, подстрели птиц!» – Чжансунь Чэн взял стрелу и убил одной стрелой двух орлов. Табо в очередной раз удивился способностям Чэна, обрадовался и приказал своему окружению уважительно обходиться с Чжансунь Чэном, чтобы ближе с ним познакомиться и научиться у него мастерству и меткости [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 97].

Примерно в это же время, по сведениям источников, у Чжансунь Чэна установилась связь с одним из родственников кагана (Чулохоу), который тайно объединился с ним, шпионил в пользу империи Северная Чжоу и сообщал ему обо всех событиях и происшествиях в Тюркском каганате. По возвращении в империю (580) Чжансунь Чэн доложил обо всем канцлеру, которым тогда был будущий суйский император Ян Цзянь – за заслуги Чэна назначили ответственным по транспортным повозкам (фэнцзюйдувэй).

В следующем году (581) внутриполитическая ситуация в Китае и степи изменилась. В результате государственного переворота в Северной Чжоу к власти пришел полководец Ян Цзянь и основал новую династию Суй (581–617). В Тюркском каганате на смену кагану Табо пришел его преемник Шэту каган (581–587).

Характерными для древнего и средневекового Китая можно считать два основных типа межгосударственных отношений: в основе первого – лежит концепция «ди го» – «равных государств», второй базируется на конфуцианской доктрине «мироустроительной монархии», которая рассматривала все другие страны в качестве потенциальных данников по отношению к Китаю [см. подробнее: Думан, 1970а; Думан, 1970b; Кроль, 1973; Кроль, 1978; Мартынов; Переломов; Древние китайцы в эпоху централизованных империй; Гончаров]. Теория равных партнеров исходила из практики взаимоотношений «срединных царств» и имела длительную и прочную традицию отношений равноправных государств, однако нередко этот же принцип использовался и при заключении договоров с кочевниками (хунну и др.). В рамках этой концепции взаимоотношений с соседними и отдаленными государствами распространяются такие формы внешнеполитических связей как «клятвенные договоры» (мэн), заключенные «перед лицом духов», закрепление добрососедских межгосударственных отношений путем заключения равноправных династических браков, а также заложничество сыновей правителей обеих сторон. Другой принцип исходил из конфуцианской доктрины «мироустроительной монархии», которая была непосредственно связана с теорией неполноценности «варваров» и рассматривала все другие страны в качестве данников по отношению к Китаю. В основу учения Конфуция о Сыне Неба как мироустроителе и владыке Вселенной легла идея об исключительности жителей «срединных царств». В ней предлагалась схема односторонних

внешнеполитических отношений императора с ближними и дальними народами и царствами, которые должны были выражать ему покорность. Неподчинение рассматривалось как преступление. Со временем синоцентрическая концепция и теория этнокультурного превосходства жителей «срединных царств», населявших центр Вселенной над окружающим окраинным миром «варваров четырех стран света» стала распространяться на межгосударственные отношения и дипломатию Китая со странами и народами, расположенными за его пределами [Баринава, с. 23–26].

Если предыдущие империи Северная Чжоу и Северная Ци в основном использовали элементы внешнеполитической доктрины равных государств по отношению к тюркам (де-факто тюрки их превосходили и империи зависели от них), то новая империя Суй заимствовала внешнеполитический курс империи Хань, т. е. «мироустроительной монархии», согласно которой все кочевники являлись «неполноценными» народами и по определению считались данниками Срединной империи. Таким образом, империя Суй взяла новый курс на перезагрузку отношений с тюрками, и кочевники не могли этого не заметить.

Сразу после воцарения династии Суй Шэту сказал своим подчиненным: «Я родственник императорскому дому Северная Чжоу через принцессу Цяньцзинь. Если я сейчас не помогу династии Северная Чжоу победить династию Суй, то как я тогда смогу показаться катун (принцессе Цяньцзинь) на глаза?» [Liu Mau-Tsai, B.1, S. 97–98]. После этого вместе со взбунтовавшимся против династии Суй наместником Инчжоу Гао Баонином он атаковал (582) гарнизон Линьюйчжэнь и захватил его. Далее он заручился поддержкой других северных кочевников, чтобы вместе с ними пойти на юг против новой династии (Суй). Император Гао-цзу только взошел на трон и опасался этого вражеского вторжения, поэтому он приказал укрепить Великую Стену и отправил солдат для обороны северной границы.

В этот трудный час на помощь новому императору пришел Чжансунь Чэн. Ему было хорошо известно, что руководители тюрков – Шэту, Датоу, Або, Чулохоу приходились друг другу родственниками, располагали большим количеством солдат и господствовали в степи. Также он знал, что они очень недоверчивы по отношению друг к другу, но на публике держатся вместе, поэтому силой их очень трудно победить, а хитростью разъединить легко. Чэн сказал императору: «Я понял, что мир следует после того, когда беспорядки достигают высшей точки. При этом Небо раскрывает свое тайное намерение, а Святой Император осуществляет его. Я почтено верю, что Ваше Величество взошел на трон, следуя за сотней правителей, и сможет удержать его тысячи лет. Сейчас в Китае господствует порядок, но варвары строптивы. Сейчас неподходящее время, чтобы поднимать солдат и победить варваров! Но если мы их оставим без внимания, то они нас снова побеспокоят. Поэтому мы должны втайне готовиться, чтобы их постепенно прогнать. Если план битвы (т. е. война) провалится, тогда народ страдает; если план удастся, то это будет означать счастье для десяти тысяч поколений. Так как речь идет о счастье и беде, то я прошу, Ваше Величество, поразмыслить о тщательном плане. В конце династии Северная Чжоу я был посланником у тюрков, поэтому знал обо всех их родственных от-

ношениях. Датоу имел больше солдат, чем Шэ-ту, но рангом стоял ниже его. Внешне они держались вместе, но между собой враждовали. Если их натравить, то они столкнутся друг с другом. Кроме этого, есть младший брат Шэту Чулохоу. Он хитрый, но имеет более слабую позицию. Он ловко умеет завоевывать сердца людей, подчиненные любят его, поэтому Шэту ненавидит его. Есть еще Або, который колеблется между ними обоими. Он очень боится Шэту и зависит от него, поэтому он непостоянен и придерживается сильного. Теперь нужно объединиться с живущими вдали (от Суй) и атаковать живущих вблизи, чтобы разделить власть сильного и объединить слабых. Нужно послать гонца к Датоу и рекомендовать ему, чтобы он объединился с Або. Затем Шэту отведет от границы своих солдат, чтобы защищать правую (западную) область. После этого мы сделаем так, чтобы Чулохоу объединился с племенами хи и си (татабы). Шэту разделит свои силы и уйдет обратно, чтобы защищать свой левый (восточный) фланг. Так возникнет недоверие и ненависть между правителями и подчиненными, и их самые верные друзья отвернутся от них. Если спустя 10 лет мы неожиданно нападём на них, то мы сможем уничтожить их страну за один раз!» [Liu Mau-Tsai, В. 1, S. 98–99].

Император рассмотрел прошение и потребовал к себе Чэна, чтобы посоветоваться с ним. Чэн снова привел свои доводы в поддержку своего плана, и император согласился со всеми его предложениями.

К реализации плана по расколу силы тюрков приступили незамедлительно. Император приказал начальнику службы по повозкам и лошадям (тайпу) Юань Хою отправиться в военный округ И-у (Хами), где он позже разыскал Датоу и вручил ему по поручению императора штандарт с головой волка, чтобы выразить оказание почести. Когда посланник Датоу прибыл, император предложил ему более высокое почетное место, чем посланникам Шэту. Вскоре, благодаря усилиям и плану Чэна, между двумя каганами зародилась вражда и недоверие.

Самого Чэна назначили цзюйци цзянцзюнем (командующим конницей) и отправили в степь, чтобы доставить подарки кочевым племенам хи, си и киданям. После успешной миссии он отправился к Чулохоу и уговорил его подчиниться империи Суй.

Супруга кагана Шэту была дочерью императорского дома Юйвэнь (бывшей Северной Чжоу) и называлась принцессой Цяньцзинь, доставшейся ему по обычаю левирата у тюрков еще от Табо. Она была настроена враждебно к империи Суй, поэтому подговорила Шэту, и в 582 г. он напал на пограничную китайскую область с 400 000 солдатами. Шэту вторгся через округ Ланьчжоу в Чжоупань и разбил армию суйского генерала Дахи Чанжу. Он намеревался продолжить победную кампанию и планировал идти дальше на юг, но Датоу неожиданно отказался следовать за ним и развернул своих солдат обратно. К этому времени Чэн подговорил Циминя (сына Чулохоу) передать Шэту ложную информацию о том, что племена телэ и другие стали мятежными и намереваются атаковать его ставку, поэтому Шэту увел своих солдат от границы. Таким образом, план Чжансунь Чэна давал свои первые положительные результаты.

В 583 г. тюрки отправились через горный перевал Шимынь и Муся¹ и атаковали Увэй, Тяньшуй, Аньдин, Цзиньчэн, Шанцзюнь, Хунхуа и Яньань (Карта 1)².

Карта 1. Карта провинций, округов и уездов империи Суй

После этого император издал указ, в котором представил свою программу борьбы с кочевниками. Он предлагал использовать сложное положение у тюрков, причиной которого являлись частые природно-климатические катаклизмы в степи: «Каждую зиму там гремит гром, и пылающие молнии ударяются о землю. Жизнь орд тюрков зависит от травы и воды. За весь прошлый год не было ни дождя, ни снега, так, что реки высохли, и налетела саранча; растения и деревья были полностью уничтожены огнем; половина людей и животных умерли от голода и болезней. Их прежнее местожительство стало выжженной землей, на которой нельзя больше жить. Они потянулись на юг пустыни, чтобы перебиться на некоторое время. Это было, вероятно, наказанием Неба, которое они получили от нашего оружия! Сейчас самое подходящее время что-то предпринять против тюрков, чтобы Земное и Небесное привести в соответствие! Поэтому я выбрал командующих, завербовал солдат, заготовил провиант и оружие. Надежные и сильные мужчины хотят выместить злость на туцзюэ; их раздражает то, что они будут вражеским сановникам рубить головы и сечь спины предводителям варваров. Они собрались, как облака и туман; их очень много. Если я введу в бой уверенных в победе солдат в большом количестве между

¹ Расположение к юго-западу от округа Линьсясянь в Ганьсу [Liu Mau-Tsai, B. 2, S. 523].

² Гарнизон (чжэнь) Увэй соответствует Увэйсянь в Ганьсу; провинция (цзюнь) Тяньшуй сегодня является округом Тяньшуйсянь в Ганьсу; провинция (цзюнь) Аньдин соответствует Чжэньюаньсянь в Ганьсу; Цзиньчэн располагается к северо-западу от Гаоланьсянь в Ганьсу; Шанцзюнь – округ Суйдэсянь в Шэньси, Хунхуа – округ Аньхуасянь в Ганьсу, а Яньань – округ Фушисянь в Шэньси [Liu Mau-Tsai, B. 2, S. 523–524].

Цанхай³ на Востоке и пустыней на Западе и прикажу им преследовать тюрков до северных диких мест и прогнать их на край земли, тогда варвары, как однажды сказал Ван Хой⁴, так легко будут побеждены, как попадают в опухоль стрелой! Какой враг может быть лучше наших солдат? И какое далекое государство нам не покорится?» [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 48–49]

После этого в 583 г. император Вэнь-ди приказал своим командующим идти через границу и атаковать тюрков. Шэту пришел им навстречу с двумя каганами Або и Таньхань, но тюрки были разбиты и обращены в бегство. Основной причиной поражения тюрков источники называют голод и эпидемию среди кочевников: «Они не могли себе достать пропитания, поэтому мололи муку из костей и ели ее. Кроме этого, вспыхнула эпидемия, так что многие из них погибли» [Liu Mau-Tsai, B.1, S. 49].

В 584 г. тюрки снова вторглись в суйский Китай. Або сражался в округе Лянчжоу против суйского генерала Доу Юндина и потерпел очередное поражение. Чжансунь Чэн отправил курьера к Або и предостерег его: «Каждый раз, когда Шэту приходил и боролся, он достигал большого успеха, но как только вторгался Або, он тотчас же проигрывал. Это стыд для Туцзюэ! Разве не стыдно? Относительно военной мощи, то Або превосходит Шэту. Шэту побеждает день за днем и его уважают люди, а Або (напротив) побежден и приносит стране только стыд. Шэту взвалит всю вину на Або, чтобы осуществить свой старый план уничтожить северную резиденцию Або. Я желаю, чтобы Або подумал в состоянии ли он отразить Шэту?!» Або прислушался к словам Чэна и послал гонцов к нему. Чэн предложил план действий: «Теперь Датоу объединится с Суй, а Шэту не сможет этому воспрепятствовать. Почему ваш каган Або не подчиняется Сыну Неба, чтобы объединиться с Датоу и усилиться таким образом? Это же самый надежный план. Разве не лучше, чем ваш каган потеряет своих солдат и как преступник будет обвинен и оскорблен, как только он вернется к Шэту?» [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 101] Або согласился с предложением Чэна, но сам остался на границе, чтобы не привлекать к себе внимание, а его посланники вместе с Чэном пришли на императорский двор и выразили ему свою поддержку.

Позже Шэту узнал, что Або его предал. Он неожиданно захватил его ставку, взял в плен всех его людей и убил его мать. Вскоре Або бежал на запад к Датоу и попросил у него 100 000 солдат, чтобы выступить с ними против Шэту. При этом Або удалось вернуть свою прежнюю область. Там он собрал своих солдат в несколько десятков тысяч человек и снова атаковал Шэту. Постепенно его сила крепла и власть в степи возрастала.

В условиях политической и военной изоляции Шэту отправил посланников в империю Суй, чтобы заплатить дань и предложить условия перемирия, а его супруга принцесса Цяньцзинь попросила императора разрешения поменять свою

³ Провинция (цзюнь) Цанхай находилась вблизи современного округа Синцзинсянь и окружала область обеих рек Сюньцзян и Ялуцзян в Ляонин [Liu Mau-Tsai, B. 2, S. 524].

⁴ Ван Хой во время императора У-ди (140–87 гг. до н. э.) империи Хань был посланником в Лоулань. Лоулань (или Шаньшань) находился к югу от Лобнора недалеко от округа Чоцянсянь в Синьцзяне [Liu Mau-Tsai, B. 2, S. 525].

фамилию (Юйвэнь) на другую (императорского дома Ян) и считать себя дочерью императора. В 584 г. император отправил Чжансунь Чэна вместе с посланником Юй Цинцзэ к Шэту для вручения вассальной грамоты. Император присвоил принцессе имя Ян и новый титул – Принцесса Да-и (Великая Справедливость). Во время вручения императорского указа произошел казус. Шэту не захотел приподняться и поклониться, как этого требовал регламент. Однако Чжансунь Чэн выступил вперед и проявил свою дипломатическую смекалку: «Каган тюрков и император династии Суй являются государями Великих империй. Если каган не хочет приподниматься, как я могу иметь что-либо против этого? Но катун (супруга кагана) стала дочерью императора, поэтому каган является зятем (императора) Великой династии Суй. Тогда нельзя не уважать тестя!» Шэту засмеялся в ответ и сказал своим сановникам: «Если нужно поклониться перед своим тестем, то я это сделаю!» После этого он взял указ и поклонился [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 102].

Таким образом, благодаря усилиям Чжансунь Чэна, за три года была полностью решена проблема безопасности северных границ молодой империи Суй от вторжений восточных тюрков, а вместо непредсказуемого соседа суйский Китай получил надежного торгового партнера. После смерти Шэту (587) император снова отправил Чжансунь Чэна к тюркам с полномочиями назначить младшего брата Шэту Чулохоу Мохэ каганом, а сына Шэту Юннойлюя назначить Еху (Ябгу) каганом. После этого Чулохоу сообщил Чэну, что он готов схватить Або и выдать его суйскому императору. После этого император собрал всех сановников гражданских и военных должностей и обсудил с ними предложение Чулохоу. Многие сановники его поддержали. Тогда император поинтересовался мнением Чэна, но он возразил: «Если тюрки стали строптивыми, то они должны быть наказаны по закону. Сейчас речь идет о борьбе на уничтожение между братьями. Або ничего не натворил против нашей империи. Если мы все-таки используем его осажденное положение, захватим и убьем, то это будет, я опасаясь, не та политика, с помощью которой в отдаленных странах можно будет склонять племена на свою сторону. Было бы лучше оставить жизнь обоим!» [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 102].

Следующая угроза влиянию суйского Китая в степи последовала в 593 г. В этом году беглец по-имени Ян Цинь пришел к тюркам и распространил слух, что хоу Пэнчэн Лю Чан с супругой из семьи Юйвэнь планируют смуту против династии Суй. Также он выразил надежду, что принцесса Да-и (супруга кагана) поддержит их. Каган тюрков Дулань поверил ему и перестал платить дань суйскому императору. Разобраться в ситуации снова поручили Чжансунь Чэну, которого при дворе тюрков к тому времени особо не жаловали. Принцесса Да-и при встрече с ним в ставке кагана даже оскорбила его. Но Чэн через своих шпионов узнал, что принцесса поручила своему любовнику согдийцу Ань Суйцзя посоветоваться с Ян Цинем о том, как можно настроить Дулань кагана против династии Суй. Вскоре Чэн вернулся в столицу и доложил обо всем императору. Позже его снова отправили к тюркам, чтобы потребовать выдачи Ян Циня, но Дулань не захотел его выдавать и утверждал, что он велел проверить всех иностранцев и не нашел такого человека. После этого Чэн с помощью подкупа узнал, где скрывается Ян Цинь, поэтому ночью неожиданно захватил его и предъявил Дулань кагану.

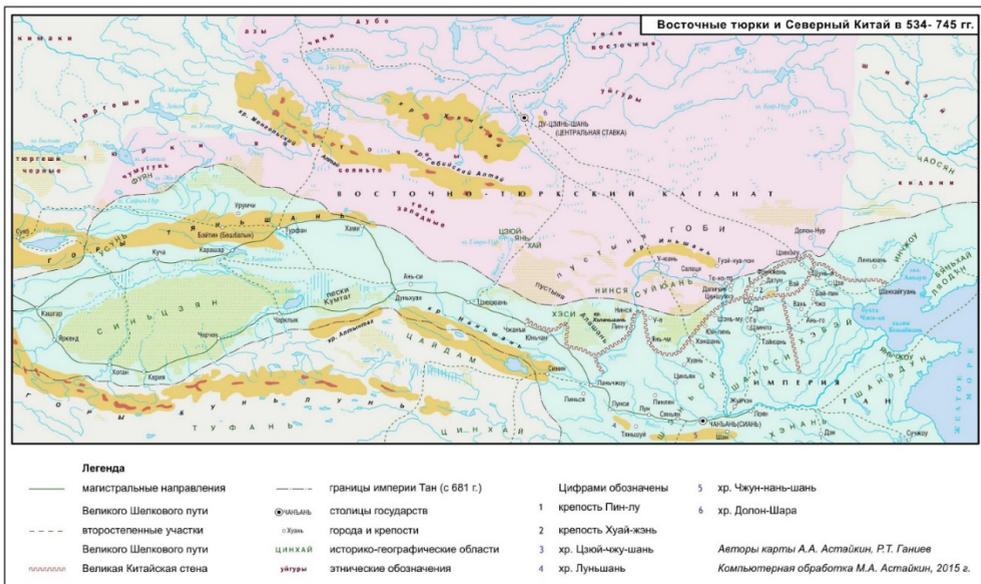
Вместе с этим он раскрыл любовную связь принцессы Да-и с Ань Суйцзя. Тогда Дулань каган распорядился взять в плен Ань Суйцзя, выдать его Чэну, а свою супругу каган в припадке ярости убил в своем шатре. Таким образом, благодаря действиям Чэна, удалось окончательно ликвидировать угрозу для империи со стороны принцессы Да-и, а по итогам этой успешной миссии император наградил его титулом главнокомандующего гвардии (кайфу).

После убийства своей супруги, Дулань каган вновь попросил императора о свадьбе (с принцессой). Император склонялся выполнить желание кагана, но вмешался Чжансунь Чэн и сказал императору: «Я считаю, что Дулань непостоянен. Он подчинился нашему государству, так как он враждует с Датоу! Даже если мы согласимся на свадьбу, то однажды он опять восстанет против нас. Если он сейчас получит в жены принцессу, то он будет опираться на Вашу силу и Датоу и Циминь окажутся под его властью. Он снова станет сильным и изменит нам. Я боюсь, что мы не сможем его укротить. Кроме этого, Циминь является сыном Чулохоу, и они верно служат нам уже два поколения. Циминь тоже недавно просил о свадьбе. Было бы лучше всего дать ему согласие и поселить на юге. Он имеет немного солдат, и его власть не так сильна. Им к тому же легко управлять. Его нужно поставить для обороны границы против Дулань кагана!» [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 104]

В 597 г. Циминь отправил 500 всадников для сопровождения Чэна, чтобы привезти в свою ставку китайскую невесту. Император присвоил дочери из императорского дома титул Ань-и и выдал ее в жены Циминю. Также Чэн уговорил Циминя переселиться на юг и расположиться на прежнем месте тюрков на горе Дуцзинь, поэтому Циминь мог наблюдать за передвижениями Дулань кагана и вовремя информировать императора об этом.

В 599 г. Циминь сообщил Чэну, что Дулань планирует захватить город Датун (см. карту 2), поэтому Суйской империей были приняты необходимые меры для его обороны. Однако Дулань объединился с Датоу и объединенными силами неожиданно напал на Циминя. В ожесточенной битве у Великой стены Циминь был разбит, а его братья, сыновья и племянники убиты, племена разбежались. Сам Циминь и Чэн смогли с пятью всадниками бежать в южном направлении и таким образом спастись, по пути к ним приєднались еще сотня солдат. После этого Циминь посоветовался со своими людьми и сказал: «Мои солдаты оказались разбитыми. Если я теперь вернусь на двор императора, то Сын Неба династии Суй едва ли меня встретит с почетом. Датоу меня тоже атаковал, но первоначально мы не враждовали друг с другом. Если я сейчас к нему приеду и покорюсь, то он, наверное, оставит мне жизнь и поможет!» [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 105]

Чэн опасался возможной измены Циминя, поэтому тайно приказал его сопровождающим поспешить в гарнизон и зажечь там предупреждающий огонь. Когда Циминь увидел в четырех местах сигнальный огонь, то он спросил Чэна: «Почему зажгли огни в крепости?» Чэн ответил: «Крепость высокая, а страна низменная. Чтобы достоверно могли видеть (из крепости) врагов, идущих вдалеке. Наши инструкции такие: если мало врагов пришло, то огонь зажигаем в 2-х местах, при большем появлении врагов – в 3-х местах, а если грозит большая опасность,

Карта 2. Восточные тюрки и Северный Китай в VI–VIII вв.

то огонь зажгут в 4-х местах, – это в качестве знака, что враги многочисленны, и они уже близко!» Циминь испугался и сказал своим людям: «Преследователи уже близко. Мы должны двинуться в гарнизон» [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 105].

После этого Чэн собственноручно сопроводил Циминя во дворец. Вскоре император назначил Циминя Илимидоуцижэнь каганом и устроил в его честь праздник стрелков из лука во дворце Уаньдянь. При этом отобрали 12 лучших стрелков и разделили на две команды. Циминь каган сказал: «Через посланника Чэна я имею честь познакомиться с Вашим Величеством, поэтому я прошу разрешения сегодня быть на его стороне!» У Чэна было шесть стрел, и все стрелы попали в цель, поэтому команда Циминя выиграла. В этот момент в воздухе летела стая коршунов. Император сказал Чэну: «Вы очень опытни в стрельбе из лука. Сбейте мне нескольких!» Чэн взял десять стрел, и все попали в цель, а на земле оказались 10 коршунов. За свои успехи Чэн получил щедрую награду [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 106].

Позже император поручил Чэну командование 50 000 армией в Сочжоу, где Чэн построил город Дали (см. карту 2) для расселения орды Циминя. Он предложил императору: «Орда Циминя умножалась благодаря покорениям. Хоть она и живет внутри Великой китайской стены, но Дулань регулярно нападает на них. Их орда страдает от этого и не находит себе покоя, поэтому я предлагаю их переселить в Уюань, где их защитой будет Желтая река. Между префектурами Сячжоу и Чэнчжоу, в области, что простирается на востоке и западе до Желтой реки и с юга до севера до реки на 400 ли, необходимо вырыть длинный канал, и расселить орду Циминя внутри этой области (между Желтой рекой и каналом). Там они смогут пасти свои стада, сколько душе угодно. Этим они обезопасят себя от набегов и обретут покой!» [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 106]

В следующем году (600) Дулань каган был убит своими же подчиненными, Чэн предложил: «Теперь императорская армия стоит на границе и борется с большим успехом. Бандиты раскололись, и их главарь убит. Если мы используем это положение, чтобы присоединить их к нам, то они все придут, чтобы покориться. Я прошу Ваше Величество направить людей Циминя в разные направления, чтобы они победили для нас тюрков!». Император последовал его совету, и вскоре многие тюрки пришли, чтобы покориться. В ответ Датоу каган начал готовиться к военной кампании. Когда армия Датоу и принца Цзинь Ян Гуана (будущий император Ян-ди) оказались друг против друга, то Чэн предложил: «Тюрки пьют воду из источников. Можно легко бросить яд в воду!» После этого взяли разные яды и отравили верхнее течение реки. Когда люди и животные Датоу кагана пили эту воду, то многие умирали. Каган Датоу испугался и сказал: «Небо послало плохую воду. Оно хочет меня уничтожить?» Ночью Датоу бежал с поля боя. Чэн преследовал его, обезглавил более тысячи солдат, взял в плен более ста человек и захватил несколько тысяч голов скота. Принц был очень доволен и пригласил Чэна на празднование. Один из сановников тюрков, который подчинился, также был за столом. Он рассказал, что тюрки боятся Чэна: если они слышат звук его стрелы, то они думают, что это гром; если они видят его мчащуюся лошадь, то они считают, что это молния! Принц засмеялся и сказал: «Сравнивают господина Чэна с громом, потому что он может проявить свой авторитет по ту сторону границы, когда он буйно и сердито командует. Как это великолепно!». После очередной победы Чэн получил почетный титул и его снова отправили командующим в город Дали [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 107–108].

В 601 г. Чэн докладывал императору: «Когда я ночью взошел на крепостную башню, то увидел на севере пустыни на расстоянии 100 ли красный туман; он был похож на дождь, и его нижняя часть висела и покрывала землю. После этого я отыскал книги о ведении войны и выяснил, что это явление называют «кровавым дождем», и что страна, подверженная ему, обречена на скорую гибель! Если мы хотим уничтожить варваров, то теперь самое время!» [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 108]. В следующем году Чэн и дацзянцзюнь (главнокомандующий) Лян Мо атаковали тюрков и преследовали их с боями 60 ли. Много врагов сдалось и Чэн побудил Циминя отправить посланников на север к телэ и другим племенам, чтобы переманить их на сторону династии Суй. Вскоре в орде западнотюркского кагана Датоу (603) взбунтовались более десяти племен телэ: сыцзэ, фулицзюй, хунь, сеса, аба, пугу и другие. Они попросили разрешения покориться династии (Суй), а сам Датоу бежал на запад к туюйхуням. После этого территория, где господствовал Датоу каган, оказалась свободной и Чэн распорядился Циминю занять ее и разместить там свою орду.

Таким образом, в 603 г. Циминь каган при поддержке суйского Китая и Чжансунь Чэна устранил угрозы со стороны Дулань кагана, а также Датоу кагана и под его контроль перешли огромные территории и кочевые угодья Восточнотюркского и частично Западнотюркского каганата (до Хами и Турфана), на которых Циминь каган являлся единоличным правителем. Со временем его сила и власть становилась все крепче в регионе, но вплоть до смерти Циминь кагана тюрко-китайские вассальные отношения не подвергались пересмотру.

В конце своей жизни Чжансунь Чэн обладал огромным авторитетом и множественными титулами. О том, какое влияние и вес имел Чжансунь Чэн, свидетельствует показательный и интересный эпизод, произошедший незадолго до его смерти. В 607 г. новый император Ян-ди для демонстрации своей силы намеревался провести военный маневр за границей, который должен был проходить через область Циминь кагана на восток до провинции Чжоцзюнь. Он опасался, что при виде марширующей армии, Циминь каган мог испугаться и поэтому отправил к нему Чэна, чтобы посвятить его в планы императора. Когда Чэн прибыл, то он увидел, что на шатровом дворе Циминя растут сорняки, поэтому он распорядился устранить их, чтобы показать силу и важность императора. При этом он спросил с иронией: «Это очень душистая трава, не так ли?» Циминь понюхал и ответил: «Но пахнет не очень хорошо!» Чэн продолжил: «Когда Сын Неба посещает подчиненного вана, то дороги, по которым идет император, нужно окропить водой, подмести и очистить от сорняков, чтобы показать императору свое уважение. Я считаю, что эта душистая трава находится здесь умышленно!» Циминь осознал свою ошибку и сказал: «Я, раб, виновен! Как я могу, который обязан своими костями и мясом Сыну Неба, отважиться воспротивиться, когда я имею возможность быть вам пригодным со своими силами. Так как я живу вне Великой стены, то не знаю предписаний, поэтому я не выполнил свою обязанность. Я претендую на доброту господина Чэна, меня научить, и эта милость означает мое счастье!» [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 109] Тотчас же он взял свой меч и лично выкосил сорняки, а его сановники последовали его примеру. После этого по приказу Чэна императору проложили дорогу, начиная от северной границы Юйлинь до двора Циминя и далее в восточном направлении длиной около 3000 ли (1 ли = примерно 500 м) и шириной 100 шагов.

Согласно источникам, Чжансунь Чэн умер в 609 г. в возрасте 58 лет. В этом же году скончался Циминь каган, а его преемник Шиби не отличался лояльностью к империи, поэтому продолжительный период дружественных отношений между Восточнотюркским каганатом и империей Суй подошел к концу. Когда позже (615) тюрки осадили императора в крепости Яньмэнь, Ян-ди с сожалением сказал: «Если бы Чэн был жив, то варварам бы это не удалось!» [Liu Mau-Tsai, B. 1, S. 110]

Таким образом, история тюрко-китайских отношений в последней трети VI в. неразрывно связана с деятельностью Чжансунь Чэна, оказавшимся в эпицентре военно-политических событий этого периода. По сути, Чэн являлся ключевой фигурой и определял основные направления внешней дипломатии суйского Китая по отношению к восточным тюркам. К заслугам Чжансунь Чэна следует отнести его весомый вклад в разлад между тюркскими правителями Шэту, Або, Датоу, Циминь и Чулохоу в 582–584 гг. и разделению каганата на западную и восточную части, а также заключению вассального договора в 584 г. между Шэту каганом и императором Вэнь-ди. Также огромную роль Чэн сыграл по предотвращению сближения Западнотюркского и Восточнотюркского каганата в 593 г. и их возможной агрессии против суйского Китая при участии Дулань, Датоу и супруги кагана принессы Да-и. Появление нового политического центра под руководством Циминь кагана в 593–597 гг., соперничающего за власть в регионе с Дулань каганом, а позже и с Датоу каганом, также оказалось возможным благодаря диплома-

тическим усилиям и прозорливости Чжансунь Чэна. Именно благодаря его деятельности империя Суй в период с 584 по 609 гг. имела надежного соседа в лице восточных тюрков, контролировала огромные территории на западе до Хами и Турфана и без особых опасений развивала международную торговлю по маршрутам Великого шелкового пути, во время которого, по сообщению летописи «Цзы чжи тун цзянь» [Сыма Гуан], «было самое цветущее время Суйского дома» [Бичурин Н. Я. Летопись китайской империи, с. 5, 514].

Список литературы

Барينو́ва Е. Б. Влияние культуры Китая на процессы инкультурации Средней Азии и Южной Сибири в домонгольское время. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 23–26.

Биография Чжансунь Чэна. Суй шу. Глава 51. 隋書/卷51 // 维基文库, 自由的图书馆 (wiki-source.org) [Электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E9%9A%8B%E6%9B%B8/%E5%8D%B751#%E9%95%B7%E5%AD%AB%E6%99%9F> [дата обращения 14.06.2024].

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Летопись китайской империи, называемая Юй-пъхи цзы чжи тхун-цзянь ган-му. Разделенная на три части, летопись древнюю, среднюю и новейшую. Пер. с кит. И. Бичурина. Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 7. Ед. хр. 7–8. Тетр. 34, 37–39. С. 5, 514.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. С. 220–279.

Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127–1142). М.: Наука, 1986. 295 с.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М. : Наука, 1967. 504 с.

Думан Л. И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970. С. 13–36.

Думан Л. И. Внешнеполитические связи Китая с сюнну в I–III вв. // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970. С. 37–50.

Кроль Ю. Л. Китайцы и «варвары» в системе конфуцианских представлений о вселенной (II в. до н. э. – II в. н. э.) // Народы Азии и Африки. 1978, № 6. С. 45–57.

Кроль Ю. Л. О концепции «Китай-варвары» // Китай: общество и государство. М., 1973. С. 13–29.

Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983. 416 с.

Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 282 с.

Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. 333 с.

Сыма Гуан 司馬光. Цзы чжи тун цзянь 資治通鑑 (Всепроницающее зеркало, управлению помогающее) [Электронный ресурс]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/資治通鑑/卷181> [дата обращения 14.06.2024].

Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (turks) occidentaux. P.: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve, 1903. 378 p. (Сборник трудов Орхонской экспедиции Академии наук. Вып. 6).

Julien S. Documents historiques sur les tou-kioue (turcs), extraits du pien-i-tien // Journal Asiatique. Serie 6. b. 4. Juillet-decembre 1864. P. 200–241.

Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Gottinger Asiatische Forschungen, Band 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhang. Index) // Gottinger Asiatische Forschungen, Band 10. Wiesbaden, Otto Harrasowitz Verlag, 1958. 831 S.

The article was submitted on 17.06.2024

И. Р. Хамзин

КИТАЙСКОЕ УСМИРЕНИЕ СИНЬЦЗЯНА И ПОЗИЦИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 70-Х ГГ. XIX В.

Аннотация: в течение 1875–1877 гг. реализуется военная компания китайской армии под командованием Цзо Цзунтана в Синьцзяне с целью восстановить власть Пекина после дунганского восстания середины 1860-х гг. В это же время северо-западная часть Синьцзяна, конкретно Илийская долина и город Кульджа, с 1871 г. находились под контролем российской армии, а вопрос о возвращении этой территории Китаю был основным в диалоге двух стран рассматриваемого периода. Приход Цзо Цзунтана в Синьцзян обострил ситуацию в Кульджинском вопросе так как создавал риск решения проблемы военным путем. В статье рассматривается российская реакция, позиция и варианты выхода из ситуации на фоне китайской реконквисты в Синьцзяне. Основой для исследования стали материалы российского посланника в Китае Е. К. Бюцева. Проведен анализ предлагаемых вариантов отклика России на китайские военные мероприятия в Синьцзяне, позиций относительно кашгарского государства Йеттишар, успешного стать фактором геополитической игры в Центральной Азии между Россией, Британией и Китаем. Проведен анализ записки Е. К. Бюцева 1878 г. о возможном решении Кульджинского вопроса в связи с фактом возвращения Китая в регион. Показаны две альтернативные точки зрения на указанную проблему, сопутствующая аргументация, точка зрения самого Е. К. Бюцева. Мнение о необходимости удержания Кульджи, как правило, отстаивало Военное ведомство России, основываясь на соображениях военно-стратегических выгод, общей политической и социальной устойчивости в регионе, сохранения престижа Российской империи в Центральной Азии. Посланник в Пекине отражал точку зрения Министерства иностранных дел России на необходимость возвращения занятого края, в качестве основного аргумента приводя риски для торгово-экономических отношений России с Китаем. Поскольку в 1881 г. Илийская долина была возвращена Китаю, можно говорить о том, что еще в 1878 г. были сформированы ключевые предпосылки данного решения вопроса.

Ключевые слова: Илийский кризис, Кульджа, Центральная Азия, Цзо Цзунтан, Синьцзян

Idar R. Hamzin

CHINESE PACIFICATION OF XINJIANG AND RUSSIA'S POSITION IN THE SECOND HALF OF THE 1870S

Abstract. During 1875–1877 a military campaign of the Chinese army under the command of Zuo Zongtang was being implemented in Xinjiang with the goal of restoring Beijing's power after the Dungan uprising of the mid-1860s. At the same time, the northwestern part of Xinjiang, namely the Ili Valley and the city of Gulja, had been under the control of the Russian army since 1871, and the issue of returning this territory to China was the main one in the dialogue between the two countries during the period under review. The arrival of Zuo Zongtang in Xinjiang aggravated the situation in the “Kulja Question” as it created the risk of solving the problem by military means. The article examines the Russian reaction, position and options for exiting the situation against the backdrop of the Chinese reconquest in Xinjiang. The basis for the study was the materials of the Russian envoy to China E. K. Byutsev. An analysis of the proposed options for Russia's response to Chinese military measures in Xinjiang, positions regarding the Kashgar state of Yettishar, which has managed to become a factor in the geopolitical game in

Central Asia between Russia, Britain and China, has been carried out. An analysis was carried out of E. K. Byutsev's note of 1878 on a possible solution to the Kuldzha issue in connection with the fact of China's return to the region. Two alternative points of view on this problem, accompanying argumentation, and the point of view of E. K. Byutsov himself are shown. The opinion on the need to retain Gulja was usually defended by the Russian Military Department, based on considerations of military-strategic benefits, general political and social stability in the region, and preserving the prestige of the Russian Empire in Central Asia. The envoy in Beijing reflected the point of view of the Russian Ministry of Foreign Affairs on the need to return the occupied region, citing risks for trade and economic relations between Russia and China as the main argument. Since in 1881 the Ili Valley was returned back to China, we can say that back in 1878 the key prerequisites for this solution to the issue were formed.

Keywords: Ili crisis, Ghulja, Central Asia, Zuo Zongtang, Xinjiang

В 1864 г. в самой западной части империи Цин – наместничестве Синьцзян, вспыхнуло восстание местного мусульманского населения против власти Пекина. В течение нескольких лет власть маньчжуров была уничтожена, а на территории наместничества было создано несколько государств: Таранчийский султанат в Илийской долине (северо-запад), государство Йттишар в Кашгарии (юго-запад), Хотанский союз городов в пределах Таримского бассейна [Исиев; Kim; Millward, p. 116–117]. Появление независимого Синьцзяна резко изменило геополитический ландшафт Центральной Азии: Китай оказался фактически вытесненным из региона, Россия получила новый фактор риска для только что созданного русского Туркестана (1867), а Британская империя – новый инструмент для продвижения своих интересов в «Большой игре» [Дубровская, 2021]. Последнее обстоятельство в наибольшей степени касалось государства Йттишар, правитель которого, Якуб-бек, взял курс на лавирование в англо-русских амбициях в Центральной Азии, пытаясь найти защитника от Китая [Boulger, p. 212–220].

Все это вынудило Российскую империю ввести свои войска на территорию Синьцзяна. Весной 1871 г. Таранчийский султанат был ликвидирован, а город Кульджа и Илийская долина оказались подконтрольны российской армии [Зиборов]. Эта ситуация автоматически поставила вопрос о передаче занятой области Китаю, который объективно считался ее собственником. Период 1871–1881 гг. ряд исследователей обозначают как Илийский кризис в русско-китайских отношениях [Hsu; Маланов; Дубровская, 2021], хотя, пожалуй, правильнее было бы говорить о «Кульджинском вопросе» – длительном процессе русско-китайских переговоров о передаче Илийской долины, сопровождавшегося в отдельные годы милитаристским обострением [Гуревич; Севостьянова]. Одно из таковых наблюдалось в течение 1875–1878 гг., когда китайская армия Цзо Цзунтана организовала карательный поход в Синьцзян.

Настоящая статья ставит перед собой цель изучить реакцию, мнения и предлагаемые варианты действий, сформировавшиеся в российской элите, прежде всего в МИДе, на изменение ситуации в Синьцзяне в связи с походом Цзо Цзунтана. Данный аспект нельзя назвать неизвестным исторической науке, в том или ином виде к нему обращались Д. В. Дубровская, А. Д. Воскресенский, В. А. Моисеев, И. Сю, В. Бэйлс и другие ученые [Дубровская, 1998; Воскресенский, 1993, 1995; Моисеев; Hsu; Bales]. Однако привлечение новых материалов, в частности писем и записок

главы российского посольства в Китае Е. К. Бюцова из фондов ГАРФ и РГВИА помогает существенно расширить научное понимание Кульджинского вопроса. Бюцов был дипломатическим лицом, наблюдавшим ситуацию фактически «изнутри», его рассуждения о последствиях реконкисты в Синьцзяне, судьбе Кульджи и Илийской долины легли в основу будущей позиции России в русско-китайских переговорах 1879–1880 гг., соответственно представляются важными для понимания предыстории заключения Санкт-Петербургского договора 1881 г. [Воскресенский, 1995].

Исследование базируется на системно-историческом подходе, который актуален в данном случае как метод, позволяющий понимать многофакторность русско-китайских отношений в Центральной Азии в связи с проблемами политических и экономических отношений, исламского фактора, британских интересов, судьбы местного мирного населения. Нельзя не отметить также теорию фронта, весьма уместной для изучения пограничного столкновения интересов России и Китая в центральноазиатском регионе [Почекаев].

Карательная экспедиция маньчжурской армии против антикитайских движений в Западном Китае началась еще в 60-е гг. XIX в., но ее пик пришелся только на вторую половину 1870-х. К этому времени генерал Цзо Цзунтан окончательно подавил мятеж в провинциях Ганьсу и Шэнси и стал готовить поход на Синьцзян, начало которому было положено в апреле 1875 г. [Bales, p. 266–294; Моисеев, с. 149]. Уже в августе 1876 г. войска Цзо Цзунтана взяли Урумчи, а в ноябре того же года пала оборона Манаса. На очереди было кашгарское государство Йеттишар, куда должен был направиться удар китайских войск в самое ближайшее время [Bales, p. 294].

Происходящие события в Синьцзяне находились под пристальным вниманием Санкт-Петербурга, так как реставрация власти Китая напрямую сказывалась на ходе переговоров о возвращении Кульджи [Воскресенский, 1993]. Стоит отметить, что во второй половине 70-х гг. XIX в. все более значимую роль в ходе решения вопроса о Кульдже стала приобретать императорская дипломатическая миссия в Пекине, которую возглавлял на тот момент Евгений Карлович Бюцов. Он же выступал в роли информатора Санкт-Петербурга о продвижении китайской армии в Синьцзяне.

В 1876 г. Е. К. Бюцов в письме Д. А. Милютину сообщал, что китайские силы «намериваются атаковать Якуб-бека с тыла в случае удачных действий со стороны Турфана; по крайней мере, министры сказали одному из моих (сотрудников – И. Х.), что для вторжения в Турфан из Западного Ганьсу будут двигаться войска дорожную прямо в Хотан» [ГАРФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 165. Л. 1]. Посланник отметил, что, по полученным им географическим сведениям, дороги, соединяющей провинцию Ганьсу и Йеттишар, не существовало. С другой стороны, Цзо Цзунтан мог воспользоваться караванным трактом, который был показан на одной из русских карт: «на картах Средней Азии, изданной Главным Штабом, показана древняя дорога, пролегающая из Ганьсу в Хотан по пустой окраине Гоби» [ГАРФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 165. Л. 1 об.]. Однако несмотря на то, что указанная дорога «служила караванным трактом, это еще не доказывает, что она приспособлена для движения армии» [ГАРФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 165. Л. 1 об.]. Вне зависимости от того, какой маршрут выберет для движения китайская армия, Е. К. Бюцов не сомневался, что китайцы «напрягут все силы, чтобы

восстановить господство свое по южному склону Тянь-Шаня, и какие бы они не испытали неудачи на первых порах, они не упадут духом и возьмут терпением, вероломством и подкупом» [ГАРФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 165. Л. 1 об.].

Вариант возможного сотрудничества Якуб-бека и Китая отвергался посланником в Пекине, если только армия Йттишара не нанесла бы поражение Цзо Цзунтану и тем самым получила бы прямой выход на Китай. Правда, такое развитие событий виделось маловероятным. Е. К. Бюцов упомянул и возможное посредничество России в примирении Кашгара и Пекина [ГАРФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 165. Л. 1 об.], но в то же время писал, что русская сторона не нуждается в подобном дипломатическом ходе, так как Якуб-бек не был способен создать что-либо «прочное» в Кашгаре, а его преемник вряд ли бы сохранил введенный кашгарским правителем порядок. Наконец, автор задался вопросом: «не согласно ли более всего с интересами нашими отказаться от одного самостоятельного магометанского соседа и приобрести вместо него китайцев, с которыми мы можем сойтись в стремлениях относительно мусульманства в Средней Азии?» [ГАРФ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 165. Л. 2].

Последнее замечание показывает нацеленность России сдерживать расширение воинственных исламских настроений в центральноазиатском регионе, центром которых мог стать Кашгар. Кроме того, Якуб-бек являлся весьма непредсказуемой политической фигурой, что подтверждается его ориентацией на сотрудничество с Англией и Турцией во второй половине 70-х гг. XIX в. В то же время Китай, не смотря на все текущие противоречия с Россией, был хорошо знакомым соседом в Восточном Туркестане. Таким образом, названные Е. К. Бюцовым позиции определили курс Санкт-Петербурга на невмешательство русской стороны в процесс реконквисты Синьцзяна.

Компания Цзо Цзунтана по подчинению Йттишара продолжалась с апреля по декабрь 1877 г., когда зимой были взяты основные города дунганского государства, включая город Кашгар. В результате к началу 1878 г. практически весь Синьцзян, за исключением Илийской долины, вернулся под контроль империи Цин [Vales, p. 353–391]. Сформировалась ситуация, когда откладывание решения проблемы Илийского края уже грозило более серьезными осложнениями в русско-китайских отношениях. Обусловлено это было концентрацией китайских военных сил в Синьцзяне и ростом антирусских настроений в Пекине.

В специальной записке, составленной в ноябре 1878 г., Е. К. Бюцов изложил своеобразное резюме текущей ситуации в рамках Кульджинского вопроса и возможные пути его решения [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 25–29]. Дипломат выделил две основные точки зрения на проблему Илийского края, существовавших внутри царского правительства: 1) позицию, настаивающую на том, что Илийский край необходимо оставить в составе Российской империи; 2) мнение о необходимости возвращения занятой территории империи Цин.

Первая из названных позиций отстаивалась преимущественно Военным ведомством, которое еще с начала 70-х гг. XIX в. выступало за удержание Кульжи и Илийской долины. Аргументировалось это рядом обстоятельств. К примеру, отмечалось, что «Кульджинский край граничит с нашей стороны горным хребтом с немногими перевалами через них, представляя чрезвычайно выгодную страте-

гическую позицию, не только с точки зрения нашего положения относительно Китая, но и в связи с интересами нашими в Средней Азии» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 25]. Удержание Илийской долины за Российской империей могло быть оправдано также из соображений сохранения русского авторитета среди народов Средней Азии. Данное утверждение основывалось на том, что в глазах среднеазиатского населения передача Илийского края Китаю выглядела бы проявлением слабости со стороны России, неспособной отстоять свои интересы [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 25 об.]. Наконец, «необходимость удержания мотивируется чувством человеколюбия к населению этого края, которое в случае возвращения оно к китайцам, подвергнется поголовному вырезанию» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 26]. Карательная политика Китая по отношению к населению Синьцзяна в свою очередь могла сказаться и на авторитете России в Туркестане: «какими бы глазами стали смотреть на нас подчиненные нам мусульманские народы после отдачи нами единоверцев их?» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 26].

Второй из названных подходов к решению Кульджинского вопроса предполагал продолжение переговоров с Пекином и возвращение Илийской долины. Этой позиции придерживался и сам Е. К. Бюцов, апеллируя к особенностям русско-китайских политических и экономических отношений. Дипломат указывал, что «мы имеем огромную границу с Китаем от восточных границ Туркестана до Карши, и благодаря мирным сношениям с Китаем можем содержать в пределах этой области малое количество войск» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 26]. Замечание Е. К. Бюцова было вполне справедливым, так как, имея самую протяженную сопредельную границу в мире, Россия и Китай никогда не вступали в военные конфликты¹, продолжая оставаться дружественными соседями. Сохранение подобного характера отношений позволяло России не уделять слишком большое внимание защите своих азиатских рубежей, концентрируя военные силы на европейской границе. Одновременно империя Цин продолжала оставаться главным внешнеэкономическим партнером России в Азии.

Удержание Кульджи шло вразрез с указанными положительными особенностями русско-китайских отношений при том, что «нет не только признаков того, что Китай готов отказаться от претензий на Илийский край, но и напротив, есть основания считать, что отказ удовлетворить их домогания в этих отношениях вызовет открытую угрозу» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 26 об.]. В этой связи Е. К. Бюцов рассматривал возможный вариант военного столкновения России и Китая, считая, правда, что любая попытка китайской армией силой вытеснить российских военных из Кульджи с легкостью была бы отражена. Не верил дипломат и в то, что Китай мог бы нанести удар и успешно его развивать в какой-либо другой точке русско-китайской границы [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 26 об.].

Однако преимущество Китая в 1878 г. виделось Е. К. Бюцову вовсе не в военной силе: «китайскому правительству нет надобности объявлять нам войну, чтобы нанести ущерб нашим интересам и поставить нас в затруднительное положение.

¹ Речь идет о крупномасштабных конфликтах, в то время как локальные инциденты, в частности осада маньчжурскими войсками Албазина в конце XVII в., имели место быть.

Оно могло бы прервать торговые сношения с нами и остановить нашу торговлю в Китае и Монголии» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 27].

Следует согласиться, что разрыв торговых отношений Китая с Россией нанес бы последней урон куда больший, чем военные победы в Центральной Азии. Российская империя в данном случае сразу лишилась бы главного торгового азиатского партнера, существенно сократив доход казны от внешней торговли. Значительными были бы последствия и для регионов Российской империи, ориентированных на торговлю с империей Цин, конкретно Восточной Сибири и Дальнего Востока: до появления Транссиба сухопутные и речные пути сообщения здесь жили практически полностью за счет китайской торговли. Огромные потери понесли бы и русские фабрики, поставляющие товар на китайские рынки и русское купечество, ведущее торговлю с Китаем. Таким образом, решительные меры со стороны китайского правительства могли более чем негативно сказаться на русской экономике в целом.

Ввиду сказанного посланник в Пекине считал, что более разумным шагом со стороны царского правительства будет возвращение Илийского края Китаю: «если домогательства наши будут удовлетворены, отдача Кульджи не будет бесплодной жертвой, потеря стратегической позиции будет вознаграждена возможностью развития нашей торговли» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 28]. Под «домогательствами» подразумевались требования и условия со стороны России к Китаю за возвращение занятого края. Среди таковых должны были быть «существенные гарантии для ограждения тамошнего населения от мести китайцев» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 28 об.]. Е. К. Бюцов таким образом пытался разрешить противоречия, связанные с точкой зрения о необходимости удержания Илийской долины. И в этой же связи подчеркивается: «Что касается ущерба, который может быть нанесен нашему обаянию в Центральной Азии уступкою Кульджи, то остается еще решить, что может больше отозваться на наших интересах и что потребует от нас больше обременительных мер предосторожности – среднеазиатский ущерб или последствия натянутых отношений с Китаем?» [РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 28 об.].

Исходя из вышесказанного, очевидно, что вопрос о дальнейшей судьбе русско-китайских отношений в Центральной Азии среди русской военной и политической элиты рассматривался весьма неоднозначно. Представители военных кругов, особенно пограничных властей, склонялись к позиции удержания Илийской долины, аргументируя это стратегическими преимуществами для русской стороны в рассматриваемом регионе и политико-социальными соображениями, связанными со степенью влияния России в азиатских частях империи. Русские дипломаты, с большим вниманием относящиеся к проблеме межгосударственных связей, считали, что Кульджу необходимо вернуть Китаю на определенных условиях, которые должны были предотвратить негативные последствия для России в центральноазиатском регионе. Сохранение дружественных отношений с Китаем в глазах дипломатов выглядело намного более значимым исходом Кульджинского вопроса, чем поддержание русского авторитета в глазах народов Центральной Азии. В целом, именно позиции, сформулированные российским МИДом и отдельными его представителями, легли в основу будущих русско-китайских переговоров.

Список литературы

- Воскресенский А. Д.* «Илийский кризис» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // И не распалась связь времен. К 100-летию со дня рождения П. Е. Скачкова : Сб. ст. М. : Наука, 1993. 392 с.
- Воскресенский А. Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М. : Памятник исторической мысли, 1995. 439 с.
- Гуревич Б. П.* История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М. : Мысль, 1982. С. 423–459.
- Дубровская Д. В.* The Xinjiang Sino-Anglo-Russian Ili crisis of 1871–1881 resolution according to some Russian archival sources // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. № 4 (18). С. 173–176.
- Дубровская Д. В.* Судьба Синьцзяна: Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М. : Институт востоковедения РАН, 1998. 202 с.
- Зиборов Д. М.* Кульджинская кампания генерала Г. А. Колпаковского и завоевание Илийского края в 1871 г. // Клио. 2023. № 9 (201). С. 48–56.
- Исиев А. Д.* Уйгурское государство Йеттишар. М. : Наука, 1981. 90 с.
- Маланова А. В.* Восточная Сибирь в годы Илийского кризиса (1871–1881) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 5 (88). С. 251–255.
- Моисеев В. А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. 345 с.
- Почекаев Р. Ю.* Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг. : между традициями и фронтальной модернизацией // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. № 2. С. 531–542.
- Севостьянова Е. В.* «Вот уже третий год Кульджинский вопрос водит нас за нос ...»: Россия и Китай в разрешении Илийского кризиса на страницах газеты «Восточное обозрение» // Genesis: исторические исследования. 2020. № 1. С. 21–36.
- Bales W. L.* Tso Tsungtang: Soldier and statement of old China. Shanghai: Kelly and Walsh, limited. 1937. 436 p.
- Boulger D. C.* The life of Yakoob beg ameer of Kashgar. London: W. H. Allen & Co. 1978. 344 p.
- Hsu I.* The Ily crisis. A study of Sino-Russian diplomacy 1871–1881. Oxford: Oxford university press, 1965. 230 p.
- Kim H.* Holy war in China: the Muslim rebellion and state in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford: Stanford University Press, 2004. 295 p.
- Millward J. A.* Eurasian crossroad: A history of Xinjiang. New York: Colombia University Press, 2007. 250 p.

The article was submitted on 8.06.2024

В. Э. Молодяков

ТАЙВАНЬСКИЙ ВОПРОС ВО ФРАНКО-ЯПОНСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 1882–1885 ГГ. В КОНТЕКСТЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В 1882 г. Япония инициировала переговоры с западными державами, включая Францию, о пересмотре неравноправных договоров 1854–1858 гг. Их частью стали франко-японские переговоры, на которых был поставлен вопрос о возможном союзе двух держав против Китая. Главный проводник политики колониальной экспансии в Восточной Азии Жюль Ферри (Jules Ferry; 1832–1893), занимавший в 1883–1885 гг. посты премьер-министра и министра иностранных дел, готов был предложить не-«белой» Японии союз, чтобы с ее помощью обеспечить полный контроль Франции над Аннамом и Тонкином. В ходе войны с Китаем в 1884–1885 гг. Франция вела боевые действия на Тайване, но рассматривала возможность уступки его Японии в обмен на союз. Япония отказалась от французского предложения о союзе, сделав ставку на отношения с Великобританией, от которой главным образом зависел пересмотр неравноправных договоров.

Ключевые слова: Франция, Япония, Тайвань, неравноправные договоры, союз, колониальная политика

V. E. Molodiakov

THE TAIWAN ISSUE IN THE FRANCO-JAPANESE NEGOTIATIONS OF 1882–1885 IN THE CONTEXT OF COLONIAL POLICY

Abstract. In 1882 Japan initiated negotiations with Western powers, including France, for the revision of the unequal treaties of 1854–1858. Franco-Japanese negotiations became part of them, at which the question of a possible alliance of the two powers against China was raised. The main conductor of the policy of colonial expansion in East Asia, Jules Ferry (1832–1893), who held posts of Prime Minister and Minister of Foreign Affairs in 1883–1885, was ready to offer an alliance to non-“white” Japan in order to ensure full French control over Annam and Tonkin with its help. During the war with China in 1884–1885 France conducted military operations in Taiwan, but was considering possible to cede the island to Japan in exchange for an alliance. Japan declined French offer of an alliance, betting on relations with Great Britain, on which the revision of unequal treaties mainly depended.

Keywords: France, Japan, Taiwan (Formosa), unequal treaties, alliance, colonial policy

Введение. Постановка проблемы

В 1882 г. Япония инициировала переговоры с западными державами о пересмотре неравноправных договоров 1854–1858 гг. Они проходили в Токио между представителями внешнеполитического ведомства (с 1885 г. – министерство иностранных дел) Японии во главе с министром Иноуэ Каору (1836–1915), занимавшим этот пост в 1879–1887 гг., и иностранными посланниками. История

этой важной дипломатической акции тщательно документирована и изучена, поэтому мы остановимся лишь на одном частном аспекте – тайваньском вопросе во франко-японских переговорах, который необходимо рассматривать в контексте колониальной политики. До сих пор этому сюжету не уделяли должного внимания исследователи как франко-японских, так и франко-китайских отношений, ограничиваясь беглыми упоминаниями, хотя в колониальных планах и Франции, и Японии в 1880-е годы «прекрасный остров» занимал хоть и второстепенное, но несомненное место [Молодяков 2024].

Тайваньский вопрос во франко-японских переговорах? Как он мог там возникнуть, если остров Тайвань был частью цинского Китая и не принадлежал ни Франции, ни Японии? Ответ на это дал историк Л. Гордон: «Изолированный остров вне побережья Китая, без сильного китайского военного присутствия и политического контроля, Тайвань был открыт для освоения заинтересованными силами или странами, искавшими финансовых или политических выгод. [...] Несмотря на растущий интерес иностранных держав к Тайваню, Китай еще не оценил стратегическое и коммерческое значение острова и не принял должных усилий к закреплению контроля над ним» [Gordon 2007, p. 1, 77].

Позиция держав и игры дипломатов

Вспомним позицию держав и соотношение сил на переговорах. Зная историю позднейшего англо-японского союза, можно удивиться тому, что самой жесткой позиции в отношении японских предложений о превращении договоров в равноправные придерживался британский посланник Гарри Паркс (Harry Parkes; 1828–1885) (подробнее [Daniels]). Ветеран-дипломат Паркс, склонный к самочинным действиям и обладавший авантюрными наклонностями, занял пост посланника еще в Эдо в 1865 г., а до того с 13 лет жил и затем служил в Китае переводчиком и консулом. Деятельный участник событий Второй опиумной войны, удостоившийся упоминания К. Маркса, он оказался необычным дипломатом: «Приехав в Японию, Паркс сразу принял активное участие в борьбе между сторонниками сёгуна и сторонниками императора, став на сторону последних и разойдясь со своим французским коллегой, который поддерживал сёгуна (Леон Рош (подробнее [Sims, p. 48–72]) – *В. М.*). [...] Паркс посещает важнейшие центры анти-сёгунского движения (Симоносэки, Кагосима, остров Сикоку), вступает в тесную связь с руководителями кланов Сацума, Тёсю, Тоса, организует снабжение этих кланов оружием (при этом провозглашая свой нейтралитет в конфликте [Sims, p. 49–51, 57–59] – *В. М.*). Совершенно естественно, что, когда правительство капиталистической Японии после революции 1868 г. (консервативной революции *Мэйдзи исин* – *В. М.*) стало формироваться почти исключительно из представителей этих кланов, Паркс как английский представитель имел на это правительство немалое влияние», – отметил А. Л. Гальперин [Гальперин, с. 17–18].

К началу переговоров «среди иностранных дипломатов в Токио Паркс являлся и формально, и по существу старшиной дипломатического корпуса» [Гальперин, с. 18]. Почему же именно он занял столь жесткую позицию по вопросу, столь

важному для национального престижа Японии? А. Л. Гальперин верно указал: «Британская политика в Японии в [18]70 и [18]80-е годы добивалась сохранения зависимости Японии от Англии, и Англия тогда еще препятствовала осуществлению такого рода мероприятий, которые могли бы содействовать превращению Японии в самостоятельную державу. [...] В многочисленных выступлениях, меморандумах Паркса, который и на конференции занял положение лидера, причем чрезвычайно активного, явно видно его абсолютное нежелание пойти на какие-либо уступки Японии» [Гальперин, с. 18–20].

Другие иностранные представители следовали за Парксом, в том числе французский посланник Артюр Трику (Arthur Tricou; 1837–1893), занявший пост в 1882 г. и бывший новичком в японских делах. Исключение составил американский посланник Джон Бингэм (John Bingham; 1815–1900), опытный юрист (участвовал в расследовании убийства А. Линкольна) и политик (конгрессмен с 16-летним стажем), служивший в Токио с 1873 г. На переговорах он «настаива[л] на принятии японского предложения, всячески подчеркива[л] стремление американской дипломатии пойти навстречу японским пожеланиям. В столкновениях на конференции между Парксом и Бингхеймом (устаревшая транслитерация – *В. М.*) ярко отразилось англо-американское соперничество на Дальнем Востоке и в Японии в частности, в котором в те годы перевес был на стороне Англии» [Гальперин, с. 20].

В дипломатической игре на переговорах в Токио, помимо геополитического, присутствовал расовый момент. Для европейских колониальных держав признание неравенства «белых» и не-«белых» являлось фундаментальным принципом, отказ от которого мог быть чреват ростом национального движения, а то и волнениями в колониях. Этого придерживались и Паркс, и Трику, который по ироническому замечанию премьер-министра Франции Жюль Ферри (Jules Ferry; 1832–1893), «обращался с китайцами, как с арабами» [Power, p. 166], поскольку ранее служил в Бейруте, Константинополе, Каире и Тегеране [Sims, p. 370]. Сказанное относится к следующей службе Трику: в 1883 г. и он, и Паркс были переведены в Пекин, – но характеризует стиль работы французского дипломата. Зато «великая заокеанская демократия» колоний не имела и стремилась укрепить свои позиции в Японии, для чего поддержка отмены неравноправных договоров представляла хорошую возможность.

Соперничество «великих держав» продолжалось за кулисами токийских переговоров. Столкновение англо-французских интересов в южном Китае усилилось после того, как Франция в 1883–1884 гг. сделала протекторатами Аннам и Тонкин. Цинский Китай считал их своими вассалами, что в итоге привело к франко-китайской войне 1884–1885 гг. – «Япония внимательно наблюдала за действиями Франции, но не потому что в то время имела какой-то прямой интерес к Индокитаю. В большей степени это объяснялось тем, что успех Японии мог умерить претензии Китая на сюзеренитет над Кореей и Рюкю» [Sims, p. 121]. Франция нуждалась в укреплении позиций в регионе, для чего решила сыграть на расхождениях других стран. Об этом удачно написал Л. Гордон, исследователь колониального соперничества «великих держав» за Тайвань: «Поскольку интересы Британии и Соединенных Штатов расходились с французскими целями в отно-

шении Тайваня, Франция искала помощи повсюду. Среди всех держав, искавших политических и экономических выгод в Китае, Япония казалась наиболее подходящей для присоединения к Франции в общем деле. [...] Французы рассудили, что если предложить Тайвань Японии в качестве военного трофея, японцы будут готовы предоставить использование его (Тайваня – *В. М.*) портов для пополнения запасов и материально помогут в Тонкине, который оставался для Франции главной сферой интересов. К удивлению французов Япония осталась глуха, зато Китай опасался сближения между Францией и Японией» [Gordon, p. 159].

Жюль Ферри и идея франко-японского союза

Активизация колониальной политики Франции в Восточной Азии связана с именем Жюль Ферри, премьер-министра в 1880–1881 и 1883–1885 гг. и по совместительству министра иностранных дел в своем втором кабинете, апологета колониальной экспансии (подробнее [Aldao] [Power]): «Ферри был первым французским премьером, готовым действовать решительно и отправить в регион значительные силы» [Sims, p. 120]. В колониальной политике, как во внешней, так и во внутренней, Ферри был оппортунистом, то есть не руководствовался заранее определенными глобальными планами, но «умел извлекать пользу из всех возможностей, предоставлявшихся ему» [Aldao, p. 12].

Первым французским дипломатом в Токио, уверявшим правительство, что Япония готова пойти на сотрудничество с Францией ради общей цели, – в данной ситуации против Китая – оказался не посланник Трику (вопреки утверждению [Тодер, с. 149]), переведенный в мае 1883 г. в Пекин, а его преемник – поверенный в делах (до октября 1883 г.) Ульрик де Вьель-Кастель (Ulric de Viel-Castel). В докладе министру иностранных дел Полю-Аману Шальмель-Лакуру (Paul-Amand Challemel-Lacour; 1827–1896) от 13 июня 1883 г. он утверждал: «Более не как зрители, но как товарищи по оружию, японцы готовы пойти бок-о-бок с нами в борьбе, в которой они видят нас против Поднебесной империи» [Sims, p. 122]. В доказательство он привел просьбу вице-министра иностранных дел о допуске японских офицеров в зону боевых действий в Тонкине и разговоры о намерении Японии отправить три военных корабля в китайские воды для защиты японских граждан. Вьель-Кастель, не имевший, по замечанию Р. Симса, должного дипломатического опыта, принимал желаемое за действительное и уже 3 июля был вынужден доложить, что «эти переменчивые люди, похоже, оставили мысль не только о действенном союзе, но даже о соглашении, основанном на общих интересах» [Sims, p. 123]. Впрочем, переменчив был и он сам, стараясь и позднее увидеть у японской стороны стремление к сотрудничеству с Францией [Sims, p. 330].

Слухами земля полнится. В июле 1883 г. японский посланник в Пекине Эномото Такэаки (1836–1908), выдающийся государственный деятель и дипломат, был вынужден официально опровергнуть слухи о возможном союзе Франции и Японии против Китая [Gordon, p. 159]. Фредерик Маршалл (Frederick Marshall), британский советник японской миссии в Париже (распространенная тогда практика привлечения иностранных советников), сказал Шальмель-Лакуру, что «япон-

ское правительство, озабоченное событиями в Китае, намерено объединиться с другими заинтересованными правительствами в совместных действиях для формального разрешения различных вопросов» [Sims, p. 123]. Глава МИД предписал поверенному в делах в Токио «не отступать от исключительной сдержанности, которую диктует ситуация», но тот в ответ представил оптимистический доклад об армии и флоте Японии, практически открытым текстом говоря, что они могут помочь Франции [Sims, p. 123–124]. В беседах с японским посланником Хатисука Мотиаки (1846–1918), бывшим *даймё* княжества Токусима, Шальмель-Лакур говорил о возможности пересмотра неравноправных договоров, но делал это неспешно, неконкретно и с явной оглядкой на Лондон. Поэтому о переходе к полностью равноправным отношениям речь пока не шла.

Шальмель-Лакур – «унылый мизантроп [...] которого легко было обескуражить», по характеристике Т. Пауэра [Power, p. 27], – был выбран Ферри на пост главы МИД в силу внутривластных расчетов, но премьер «с самого начала не только определял внешнюю политику, но в основном и руководил ей, даже когда Лакур номинально занимал пост» [Power, p. 27]. Полагаю, что Ферри, более всего озабоченный успешным продолжением экспансии в Индокитае, читал донесения из Токио и что именно они побудили его к решительным шагам. 1 сентября 1883 г. Вьель-Кастель «неофициально» сказал главе МИД Иноуэ, что «Китай может напасть на Аннам и Рюкю, поэтому Японии и Франции следовало бы выработать план сотрудничества и взаимной помощи. В тот же самый день, когда этот разговор состоялся в Токио, японский консул в Шанхае Синагава Такамити доложил, что местный французский представитель так же предупредил его о китайской угрозе в отношении Рюкю» [Gordon, p. 159]. Совпадение? Едва ли. Несомненно, столь ответственное заявление было сделано по инициативе высшего руководства Франции – самого премьера.

Цена союза и вопрос о Тайване

Предложив Токио – пусть даже неофициально – союз, Ферри, что называется, «зашел с козырей»: от этого был один шаг до признания Японии равноправной стороной в отношениях, чего не собирались допускать англичане. В воздухе повис вопрос о возможных взаимных компенсациях, хотя конкретно о Тайване речь пока не шла. Понимали это и дипломаты других стран. В конце 1883 г. российский поверенный в делах в Париже И. А. Капнист спросил Ферри, который 20 ноября 1883 г. официально возглавил МИД для полного контроля над проведением своей внешней политики, о возможности французской оккупации Тайваня. Премьер «уклончиво ответил на вопрос [...] ограничившись замечанием об огромной протяженности острова (так! – В. М.) и о том, что “остров этот является предметом спора между Китаем и Японией” (обратим внимание! – В. М.)» [Тодер, с. 149].

Ферри был склонен к смелым решениям, продиктованным менявшейся ситуацией, но подчинявшиеся ему дипломаты действовали медленно и по старинке. Таков был и новый посланник в Токио Жозеф-Адам Синкевич (Joseph-Adam Sienkiewicz; 1836–1898), прибывший к месту службы в октябре 1883 г. Ранее слу-

живший в Смирне, Панаме, Гонконге, Бейруте и Каире [Sims, p. 370], Сенкевич в духе времени свысока относился к «азиатам», каковыми считал всех не-«белых», и к тому же «подобно многим французским дипломатам, служившим в Китае перед приездом в Японию, был невысокого мнения о японцах и не доверял им. [...] Позднее он писал, что как союзники японцы стоят немногого в силу их тщеславия, непостоянства и ненадежности» [Sims, p. 129]. Не испытывая ни малейшего энтузиазма к союзу с Токио, посланник, как отметил Р. Симс, «на деле явно сопротивлялся подготовке почвы» для него и впоследствии саботировал указания Ферри о поиске возможностей сотрудничества с Францией против Китая [Sims, p. 129, 135–137]. Холодом веяло и с японской стороны, но об этом далее.

Переговоры активизировались в 1884 г., после начала боевых действий французов на Тайване: «Сначала Франция надеялась использовать Нагасаки как военно-морскую базу, но японское правительство не собиралось положительно отвечать на эту просьбу. Хотя французскому флоту было позволено закупать уголь и провизию в японских портах, даже это разрешение оказалось под угрозой, когда китайское правительство 30 августа 1884 г. известило японское правительство, что Китай находится в состоянии войны с Францией (война была объявлена Китаем в одностороннем порядке – *В. М.*) и потребовало от Японии строгого нейтралитета» [Sims, p. 330]. Совпадение: в тот же день, 30 августа французский посол в Берлине Альфонс Шодрон де Курсель (Alphonse Chodron de Courcel; 1835–1919) говорил японскому посланнику Аоки Сюдзо (1844–1914), будущему министру иностранных дел, о желательности франко-японского сотрудничества против Китая. Неофициальное предложение состояло в следующем: Франция может оккупировать стратегически важный остров Хайнань, предоставив Японии «свободу рук» на Тайване [Gordon, p. 160].

Тогда же японский посланник в России Ханабуса Ёсимото (1842–1917) советовал правительству оккупировать Тайвань, указав, что переход острова под контроль Франции или любой другой западной державы поставит под возможную угрозу южные острова Японии, т. е. Рюкю [Gordon, p. 160]. Это мнение, не получившее поддержки, будет актуализировано одиннадцать лет спустя, в 1895 г., когда Япония формулировала территориальные требования к побежденному Китаю. Японский историк К. Табохаси писал: «Захват Тайваня Ито (Хиробуми, премьер-министр – *В. М.*) считал совершенно необходимым. [...] “Некоторые опасаются, – говорил Ито, – что захват острова Тайвань может вызвать осложнения с великими державами. Но это всего лишь предположение, не более. Правда, великие державы сами не прочь укрепиться на Тайване и, вероятно, будут недовольны оккупацией его нашими войсками. Однако мы не собираемся препятствовать их торговле”. [...] Проект отторжения острова Тайвань и островов Пенхуледао (Пескадорских – *В. М.*) известен как “военно-морской проект” (т. е. проект морского министерства – *В. М.*). Военно-стратегическое значение Тайваня и островов Пенхуледао было признано после того, как во время франко-китайской войны 1884–1885 годов командующий французским дальневосточным флотом вице-адмирал Курбе использовал Цзилун на Тайване и Магун на островах Пенхуледао в качестве своих баз и блокировал Южно-Китайское море. Представители военно-морского флота понимали,

что, если третья держава захватит Тайвань и острова Пенхуледао, оборона всей западной части Японии будет поставлена под угрозу. Поэтому они особенно упорно настаивали на отторжении этих островов» [Табохаси, с. 448–449, 452–453].

Державы волновал вопрос: что именно Франция собирается сделать на Тайване? – поскольку укрепление ее позиций там ничем более интересам не соответствовало. В Токио Сенкевич, весьма оригинально выполняя инструкции Ферри от 15 декабря 1884 г. о выяснении возможностей сотрудничества с Японией против Китая, через несколько дней заявил министру иностранных дел Иноуэ: «Мы будем энергично продолжать кампанию в Тонкине, но прежде всего мы придаем особое значение оккупации Тайваня. Этот остров вскоре будет полностью в нашей власти. Что мы будем делать с Тайванем, еще не решено, но совершенно точно, что мы начнем с его захвата». «Вишенкой на торте» стало то, что Сенкевич не поехал к министру, но дождался, когда тот сам посетит его [Sims, p. 135–136]. Следует добавить, что посланник в официальных докладах в Париж продолжал именовать Токио его старым названием – Эдо, отмененным в 1868 г. [Sims, p. 137].

Несмотря на провокационное заявление Сенкевича, захватить Тайвань Франция не могла по недостатку сил, хотя англичане и китайцы распускали такие слухи [Gordon, p. 156–157]. Занять несколько ключевых портов, начиная с Цзилуна, в форме многолетней аренды она могла лишь с согласия цинского правительства в случае признания Пекином своего поражения в войне. Оставался вариант оккупации Цзилуна до окончания выплаты требуемой Францией от Китая компенсации в качестве гарантии (эту меру Германия применила к побежденной Франции по условиям Франкфуртского мира 1871 г., оккупировав часть Лотарингии в залог уплаты контрибуции). Однако события сложились по-другому. Мирный договор между Францией и Китаем был подписан 9 июня 1885 г. По нему Китай отказался от претензий на Аннам и Тонкин и дал Франции ряд торговых преференций, но о контрибуции речь не шла. Франция обязалась в месячный срок вывести войска с китайской территории, включая Тайвань и Пескадорские острова. На «прекрасном острове» французам не досталось ничего.

Отказ Японии от союза с Францией

«Союз с Францией не отвечал интересам Японии, поскольку пересмотр договоров зависел не столько от нее, сколько от Англии», – сделала вывод Ф. А. Тодер [Тодер, с. 149]. Вывод верный, но слишком краткий и потому нуждающийся в раскрытии.

На переговорах о пересмотре неравноправных договоров Япония оказалась в парадоксальном положении. Ей требовалось запустить процесс *рабочих* переговоров, которые могли, пусть через несколько лет и постепенно, дать желаемый результат. Главным противником этого был наиболее влиятельный участник переговоров – британский посланник Паркс, имевший влияние на японское правительство. Тактическая логика подсказывала Японии поиск влиятельных союзников против Паркса, однако даже американский посланник Бингэм не мог составить ему конкуренцию. Французский посланник Трику плыл в фарватере Паркса как в Токио, так и позднее в Пекине. Его преемник Сенкевич откровенно саботировал указания

своего шефа Ферри и делал провокационные заявления, как приведенное выше о Тайване, призванные вызвать у японцев раздражение. Между тем предложение о союзе со стороны Франции было сделано и на него требовалось отреагировать.

Главный переговорщик с японской стороны Иноуэ Каору, начавший свою бурную жизнь с участия в нападении на британскую миссию в Эдо в январе 1863 г., а затем вместе со своим другом Ито Хиробуми некоторое время учившийся в Англии, придерживался тактики, которую можно передать русской поговоркой «вода камень точит», что вызывало критику в его адрес в Японии. Понимая нежелательность франко-японского союза для Великобритании, Иноуэ изначально был настроен против него (хотя не демонстрировал этого открыто), в чем ему помогли некомпетентность Трику и саботаж со стороны Сенкевича.

Однако не все в японской элите думали так, как Иноуэ. Ито, посетив 10 мая 1883 г. в Берлине посланника Аоки (оба были выходцами из клана Тёсю, что имело значение), сказал ему: «Я категорически возражаю против отказа от французского предложения. Мы должны принять его с распростертыми объятиями и напасть на Китай в союзе с Францией» (запись Аоки цит. по [Sims, p. 331], где приведен и японский оригинал). В том же духе высказывались в беседах с высокопоставленными французскими офицерами, включая военного министра, посетившие Европу в 1884 г. японский военный министр генерал Ояма Ивао (1842–1916) и влиятельный генерал Миура Горо (1847–1926) [Sims, p. 129–131].

Трику, побывавший в Токио в конце 1883 г. проездом из Пекина на родину, отметил охлаждение японской стороны к Франции [Sims, p. 331]. В марте 1884 г. в Париже британский советник японской миссии Маршалл «поинтересовался» у директора политического бюро МИД Альбера Бийо (Albert Billot; 1841–1922), «будет ли Франция расположена присоединиться к коллективному демаршу, иницируемому Японией, с указанием Китаю на несостоятельность заявляемых им прав на Корею, Тайвань и Аннам». В ракурсе колониальной политики это можно рассматривать как фиксацию раздела сфер влияния: Аннам – Франции, Тайвань – Японии, Корея оставалась объектом соперничества держав. Однако Бийо ответил, что французской стороной «подобный демарш будет расценен как неподходящий / несвоевременный». Изложив этот сюжет, Р. Симс добавил: «В японских документах нет свидетельств того, что зондаж Маршалла был авторизован Токио» [Sims, p. 331]. Это был четкий и недвусмысленный отказ.

В конце того же года Ферри вновь попытался прозондировать вопрос о сближении с Японией через посланника в Китае и своего племянника Жюля Патенотра (Jules Patenôtre; 1845–1925). Поводом стала попытка антикитайского переворота в Корее 4–8 декабря 1884 г., организованного партией реформаторов при поддержке японцев, но и на сей раз сближение не состоялось. Данный сюжет лежит за пределами настоящей статьи, как и предшествовавшие этому контакты корейских реформаторов и лидеров японской оппозиционной партии *Дзюто* Гото Сёдзиро (1838–1897) и Итагаки Тайсукэ (1837–1919) с французским посланником Сенкевичем. Посланник рекомендовал поддержать их против Китая, но Ферри остался глух к его авантюрным советам (подробнее [Хо Такуюсу 1962] [Sims, p. 131–134]).

Заключение

«Хотя франко-китайский конфликт из-за Индокитая не привел к франко-японскому союзу, он по-новому привлек внимание французского правительства к Японии. Париж впервые осознал, что поддержка со стороны Японии в Восточной Азии может иметь реальную ценность», – суммировал Р. Симс [Sims, p. 177]. Союз не состоялся и позднее, в том числе из-за перемен в британской политике в отношении Японии, в которой Лондон увидел возможный противовес не только против России, но и против Франции, соперничество с которой в колониях и в Китае достигло опасного уровня во второй половине 1890-х годов. Тайвань оставался разменной монетой в Большой Игре «великих держав», но его значение уже нельзя было игнорировать.

Список литературы

- Гальперин А.* Англо-японский союз. 1902–1921 годы. М.: Госполитиздат, 1947. 448 с.
- Молодяков В. Э.* Тайвань и колониальная политика Франции в 1880-е годы // Вестник Института востоковедения РАН. 2024. № 4 (в печати).
- Табохаси К.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894–1895 гг.). М.: Издательство иностранной литературы, 1956. 608 с.
- Тодер Ф. А.* Тайвань и его история (XIX в.). М.: Наука, 1978. 340 с.
- Хо Такую.* Фэри найкаку то Нихон. (Кабинет Ферри и Япония) // Сирин. 1962. Т. 45. № 3. С. 353–386.
- Aldao M.* Les idées coloniales de Jules Ferry. Thèse pour le doctorat. Paris: Domat-Montchrestien, 1933. 111 p.
- Daniels G.* Sir Harry Parkes: British Representative in Japan, 1865–83. Richmond Surrey: Japan Library, 1996. 239 p.
- Gordon L. H. D.* Confrontation over Taiwan. Nineteenth-Century China and the Powers. Plymouth UK, 2007. 305 p.
- Power, Jr. T. F.* Jules Ferry and the Renaissance of French Imperialism. New York: King's Crown Press, 1944. 223 p.
- Sims R.* French Policy Toward the Bakufu and Meiji Japan, 1854–95. Richmond Surrey: Japan Library, 1998. 394 p.

The article was submitted on 11.07.2024

С. В. Смирнов

КИТАЙ В ТРУДАХ РУССКИХ ОРИЕНТАЛИСТОВ ХАРБИНА (1909–1917)

Аннотация. Статья посвящена исследованию образа Китая, представленного на страницах выпускавшегося харбинским Обществом русских ориенталистов журналом «Вестник Азии» в период 1909–1917 гг. Сложившийся в сознании российского образованного общества к началу XX в. образ Китая, несмотря на его диаметрально противоположные сущностные оценки, в целом находился в русле западоцентризма с преобладанием негативного подхода в восприятии «отсталых» и «застывших» азиатских обществ. Харбинские ориенталисты, являясь частью российского «колониального» аппарата в Маньчжурии, реализовавшего здесь имперские культуртрегерские задачи России, далеко не всегда разделяли официальный имперский ориенталистский дискурс и неоднозначно трактовали государственные интересы России на Дальнем Востоке – идею, занимавшую центральное место в их публикациях, имевших общественно-политический характер. Образ Китая в публикациях «Вестника Азии» в целом выдержан в контексте западнического ориенталистского дискурса, но в то же время имеет ряд вариантов. В период, предшествовавший Синьхайской революции, важнейшей характеристикой в презентациях Китая являлась метафора «пробуждения», «обновления» страны по западному образцу, сочетавшаяся с антиимперской направленностью ориенталистского дискурса. Синьхайская революция принесла разочарование харбинским ориенталистам и заставила их усомниться в возможности кардинальных преобразований в китайском обществе. В годы Первой мировой войны ориенталистский дискурс публикаций «Вестника Азии» приобрел ярко выраженный имперский характер. Китай позиционировался как страна «недружелюбная», неспособная к прогрессивному «обновлению» и едва ли не потенциальный союзник Германии, чем оправдывалась империалистическая политика России и Японии по разделу Северо-Восточного Китая на сферы влияния.

Ключевые слова: ориенталистский дискурс; образ Китая; Общество русских ориенталистов; «Вестник Азии»; Харбин; Маньчжурия

Sergei V. Smirnov

CHINA IN THE WORKS OF THE RUSSIAN ORIENTALISTS OF HARBIN (1909–1917)

Abstract. The article is devoted to the study of the image of China presented on the pages of the “Bulletin of Asia” published by the Harbin Russian Orientalists’ Society in the period 1909–1917. The image of China that had developed in the consciousness of Russian educated society by the beginning of the twentieth century, despite its diametrically opposite essential assessments, was generally in line with West-centrism with a predominance of a negative approach in the perception of “backward” Asian societies. The Harbin orientalist, being part of the Russian “colonial” apparatus in Manchuria, which realized the imperial cultural and managerial tasks of Russia here, did not always share the official imperial orientalist discourse. They ambiguously interpreted the state interests of Russia in the Far East, an idea that occupied a central place in their political publications. The image of China in the publications of the “Bulletin of Asia” is generally sustained in the context of Western Orientalist discourse, but at the same time has a few options. In the period preceding the Xinhai Revolution, the most important characteristic in China’s presentations was the metaphor of the “awakening”, renewal of the country according to the Western model, combined with the anti-imperial orientation of orientalist discourse. The

Xinhai Revolution disappointed Harbin Orientalists and made them doubt the possibility of radical transformations in Chinese society. During the First World War, the orientalist discourse of the publications of the “Bulletin of Asia” acquired a pronounced imperial character. China was positioned as an “unfriendly” country, incapable of progressive “renewal” and almost a potential ally of Germany. This justified the imperialist policy of Russia and Japan in dividing Northeast China into spheres of influence.

Keywords: orientalist discourse; the image of China; The Society of Russian Orientalists; Bulletin of Asia; Harbin; Manchuria

Введение

«Поворот на Восток» внешнеполитического курса Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. стимулировал развитие востоковедческих исследований и рост интереса к странам Востока в российских общественных кругах. В это время российское востоковедение вышло за рамки академических и ведомственных структур, результатом чего стало появление неформальных востоковедческих обществ, часть из которых имела свои печатные издания. Одним из таких объединений явилось созданное летом 1908 г. в Харбине Общество русских ориенталистов (ОРО, 1908–1927), приступившее уже весной 1909 г. к выпуску собственного журнала «Вестник Азии».

История харбинского Общества ориенталистов, в том числе его публикационная деятельность, неоднократно становилась объектом исследований. Первым историком Общества считается один из его участников – правовед Н. П. Автономов, опубликовавший в 1926 г. в 53-м номере «Вестника Азии» исторический очерк, посвященный ОРО [Автономов]. В современной историографии история ОРО и деятельность его отдельных представителей достаточно подробно изложена в исследованиях А. А. Хисамутдинова [Хисамутдинов, 1996; Хисамутдинов, 2013], М. А. Павловской [Павловская], Р. П. Тамазановой [Тамазанова], С. А. Баубековой [Баубекова], и др. обстоятельная характеристика «Вестника Азии» – количественные показатели, жанровые и стилистические особенности, тематический и содержательный анализ опубликованных материалов, – дана в диссертационных работах М. А. Павловской, Р. П. Тамазановой, Ю. Г. Благодар [Благодар]. Учитывая вклад исследователей Общества русских ориенталистов и его журнала, мы ставим перед собой другую задачу, а именно – выявление и анализ особенностей ориенталистского дискурса в отношении Китая начала XX в. в трудах авторов «Вестника Азии».

Здесь мы исходим из положения о том, что на протяжении Нового времени (XVI–XIX вв.) в европейском сознании сформировалась особая система суждений, презентаций колониально осваиваемого и подчиняемого Востока, который в своих основополагающих характеристиках противопоставлялся идеализируемому Западу. Ориенталистский дискурс, заимствованный в ходе развернувшейся в России в XVIII в. модернизации в составе европейского идейного «багажа», вошел в сознание образованных слоев российского общества. В то же время западный ориентализм претерпел на русской почве определенные трансформации, связанные с неоднозначностью положения России в дихотомии «Запад – Восток» и неопределенностью в понимании российской политической и интеллектуальной элитой родовых корней и исторической судьбы России, что позволило отдель-

ным исследователям [Ремнев; Схиммелпенник ван дер Ойе] выдвинуть тезис об особом российском ориентализме.

Образ Китая в России на рубеже XIX–XX вв.

Формирование представлений о Китае в России, начавшееся в XVIII в., заметно активизировалось во второй половине XIX в. на фоне российского дальневосточного «прорыва» – дипломатического закрепления за Россией Приамурья и Приморья, способствовавшего более интенсивному освоению империей этих территорий и продвижения в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию), связанного с реализацией проекта строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Как отмечают исследователи, взгляд российского образованного общества того периода на Китай (и на Азию в целом) мог варьироваться от диаметрально противоположных «символа цивилизации и культуры», «хранителя высшей мудрости» до «оплота консерватизма и дикости», «царства застоя», но в целом оставался в рамках европоцентризма, «нечувствия Востока» [Лукин, глава 1; Самойлов, с. 244; Усманов, с. 304].

В оценках российских либералов и радикалов китайское общество позиционировалось как «безбожное», «бездуховное», «консервативное» и «застывшее» с деспотическими порядками управления и презрением к личности, поэтому путь развития России неизменно связывался с Европой, символом прогресса и цивилизованности. На страницах своих печатных изданий (прежде всего «Вестника Европы») либералы вели постоянную борьбу с «азиатчиной», ожесточенно критикуя отдельных профессиональных востоковедов (например, С. М. Георгиевского), посмеявшихся усмотреть в жизни китайцев «только хорошее» [Усманов, с. 169].

Славянофилы и консерваторы, признавая Китай в качестве самостоятельной и самодостаточной цивилизации («культурно-исторический тип» Н. Я. Данилевского), достигшей высокого уровня развития в прошлом, никогда не призывали заимствовать китайские порядки и считали, что Россия, как особый мир (В. И. Ламанский – «греко-славянский мир») или культурно-исторический тип, ближе к романо-германскому миру нежели к азиатскому. Странники особой миссии России рисовали картины становления Православной империи с центром в Царьграде, хранильницы истинной религии (всемирного православия) и связующего звена между Западом и Востоком (К. Н. Леонтьев), или продвижения Россией в Азию идеей «цивилизации и прогресса» [по сути своей европейских – С. С.], обретения там «нашего Востока», где и русские будут европейцами (Ф. М. Достоевский).

Только небольшая группа т. н. «восточников» (Э. Э. Ухтомский, П. А. Бадмаев и др.) видела родовые корни России в Азии, предлагая России, по словам А. В. Лукина, признать хоть бы частично собственную азиатскую сущность и слиться с Азией в самодержавно-антизападное пространство [Лукин, с. 97]. Поиск родственных связей между Россией и Востоком с их религиозно-мистическими смыслами был характерен и для деятелей Серебряного века [Чач].

Либералы и радикалы, а также часть консерваторов и сторонников регионализма (например, деятель сибирского областничества – историк П. М. Головачев)

критиковали государственную политику продвижения на Восток, особенно на Дальний Восток, усматривая в этом либо проявление империализма с его стремлением к колониальным захватам (социал-демократы), либо один из негативных факторов (в отличие от реформ по европейскому образцу в ходе начавшегося процесса модернизации в отдельных азиатских странах), способствовавших «пробуждению» Азии. Всколыхнувшая российскую общественность на рубеже XIX–XX вв. идея «желтой опасности» имела широкий диапазон характеристик от апокалиптических видений скорого пришествия Антихриста и последней битвы христианского мира с антихристовыми «желтыми» полчищами, где России выпадет ключевая роль (В. С. Соловьев), до признания мирового значения революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии (В. И. Ленин).

Массовая часть российского общества на рубеже XIX–XX вв. черпала основные сведения о Китае из массовых изданий, включая энциклопедические словари, имевших в целом европоцентристскую основу [Усманов, с. 245–247].

Сообщество российских востоковедов, разделяя убеждение о самобытности и высоком уровне развития в прошлом китайской цивилизации, по-разному смотрело на современное состояние Китая. Спектр мнений был весьма широк. На его крайних полюсах находились те, кто отвергал «миф о застойности» Китая, демонстрируя своим читателям идеализированную версию страны (С. М. Георгиевский), и их оппоненты, обвинявшие китайцев в суеверности, неискренности, крайнем консерватизме и распущенности нравов, и полагавшие, что даже использование западного опыта не принесет коренных изменений в жизнь страны (Н. М. Пржевальский). Однако большинство китаеведов, указывая на отставание Китая в отдельных областях (например, современная наука и образование), считали, что «усвоение европейских усовершенствований» позволит китайцам в недалеком будущем занять достойное место в мире (В. П. Васильев) [Лукин, с. 101–104]. Многие представители востоковедных слоев критиковали деятельность западных держав в Китае, оценивая ее как экспансионистскую и колониальную и считая, что России не только не стоит использовать западный имперский опыт и участвовать в колониальном дележе Срединной империи, но необходимо развивать с ней дружественные отношения.

Общество русских ориенталистов в Харбине и журнал «Вестник Азии»

История образования Общества ориенталистов в Харбине до сих пор сохраняет ряд неясных моментов. Предпосылки появления Общества нужно видеть прежде всего в активной экспансии России в Северо-Восточный Китай, главным инструментом которой являлась Китайско-Восточная железная дорога, строившаяся с 1897 по 1903 г. Тридцативерстная полоса по обе стороны железнодорожного полотна на протяжении всей железной дороги была выделена в особую зону – «полосу отчуждения» КВЖД с центром в построенном русскими практически на пустом месте городе Харбин. В этой зоне русские осуществляли административное управление и имели правовые привилегии. По мнению ряда авторов, изучающих

российское присутствие в Маньчжурии до 1917 г., «полоса отчуждения» имела все черты концессионной колонии [Друзьяка; Казанцев].

Экономическое освоение Россией Маньчжурии привело к притоку на эту территорию многочисленных российских подданных, включая профессиональных востоковедов. Являясь сотрудниками различных российских структур в Маньчжурии и выполняя свои непосредственные обязанности, востоковеды в то же время стремились к изучению страны, которую избрали объектом своей профессиональной деятельности, а также к объединению на основе профессиональных интересов в сообщество. Первой общественной организацией в Харбине, объединившей интересующихся китаеведческой проблематикой, стало Харбинское отделение созданного в 1900 г. в Санкт-Петербурге Русского Императорского общества востоковедов (РИОВ). Отделение начало свою работу в 1903 г. под руководством штаб-ротмистра Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) А. М. Баранова, хотя и не имевшего востоковедческого образования, но уже прославившегося своими трудами о Монголии [Русский Харбин, с. 99].

Однако неудачные проекты по развитию школ китайского языка на Дальнем Востоке и начавшаяся вскоре русско-японская война привели к прекращению деятельности общества и только в 1908 г. оно развернуло по-настоящему активную работу, возглавляемую в это время начальником штаба Заамурского округа ОКПС полковником Н. Г. Володченко. Основными направлениями деятельности общества являлись изучение китайской и японской колонизации в Маньчжурии, практика добычи полезных ископаемых, исправление ошибок в трудах о Дальнем Востоке, повышение уровня образования в странах Азии, сбор и составление картографических материалов [Баубекова, с. 87, 88]. В 1910 г. общество учредило свой печатный орган – журнал «Известия Харбинского отделения Императорского общества востоковедов», имевший только два выпуска.

Как отмечает М. А. Павловская, в составе Харбинского отделения РИОВ не было профессиональных востоковедов, к тому же его цели имели в основном прикладной и узко ориентированный характер [Павловская, с. 66]. Вероятно, эти обстоятельства, а также увеличение количества русских востоковедов в Китае после русско-японской войны, чему в немалой степени способствовала работа открытого во Владивостоке в 1899 г. Восточного института, поставили на повестку дня организацию нового общества ориенталистов. Вопрос об организации общества обсуждался в 1908 г. в кругах русских востоковедов в Пекине, но никаких решений принято не было, и неожиданно в июне того же года новое объединение востоковедов под названием «Общество русских ориенталистов» было создано в Харбине. Устав общества был официально утвержден в январе 1909 г.

Главными задачами ОРО провозглашалось изучение Восточной и Центральной Азии в общественно-политическом, географическом, лингвистическом и прочих отношениях; содействие сближению России с народами Восточной и Центральной Азии на почве взаимных интересов; освещение в печати и обществе вопросов научного и практического характера, связанных со служением организации первым двум целям [Вестник Азии. 1910. № 6. Форзац]. Первоначально в качестве членов общества принимали только людей, имевших востоковедческое образование.

Учредителями ОРО являлись выпускники Восточного института – коммерческий агент Управления КВЖД А. П. Болобан, редактор официальной русско-китайской газеты «Юаньдунбао» («Дальневосточная газета») А. В. Спицин, его помощник – А. И. Доброловский и редактор газеты «Харбинский вестник» П. С. Тишенко.

В организации нового общества востоковедов, в то время как Харбинское отделение РИОВ продолжало действовать, явно проступал своеобразный «сепаратизм» дальневосточных профессиональных ориенталистов, стремившихся дистанцироваться от центра, а также «засилье» в руководстве обществом востоковедов представителей администрации КВЖД и военных кругов. Позднее на страницах «Вестника Азии» члены ОРО будут неоднократно пенять Восточному факультету Санкт-Петербургского университета за «несправедливую» критику их деятельности, подчеркивать недостаток внимания центра к Восточному институту, который, по мнению его выпускников, должен был играть первенствующую роль в изучении Дальнего Востока и подготовке востоковедческих кадров. Члены ОРО будут даже обвинять «носителей светильников востоковедения» (петербургские академические и университетские круги) в том, что они прячут эти «светильники», «считая недостойным вынести науку на форум общественной деятельности», но «сохраняют за собой право судить любого дерзающего использовать слабый свет, полученный от этих светильников и усиленный впоследствии пытливым отношением к окружающему» [Заметки об изучении, с. 249].

Позднее, когда в Петербурге в 1910 г. сторонники практического востоковедения создадут Общество русских ориенталистов, альтернативное Императорскому обществу востоковедов и предложат дальневосточникам с ними объединиться, перенеся центр деятельности из Харбина во Владивосток, члены Харбинского ОРО ответят отказом. В то же время общество изменит положение о членстве, открыв двери для тех, кто, не имея востоковедческого образования, уже получил известность своими трудами по Востоку [Павловская, с. 69].

Численность членов ОРО, в момент открытия общества составившая 66 человек, достигла пика в 1911–1912 гг. – 144 человека, а в годы Первой мировой войны резко упала, сократившись до 50 и меньше человек [Там же, с. 72].

Большая часть членов общества была так или иначе связана с русскими административно-военными, экономическими и образовательными институтами в Маньчжурии. По подсчетам М. А. Павловской, в начале 1910-х гг. до 15% состава членов ОРО представляли сотрудники КВЖД [Там же]. Часть ориенталистов состояли на службе по Заамурскому округу ОКПС, в образовательных учреждениях, в основном содержавшихся железной дорогой. Так, Болобан занимал должность коммерческого агента Управления КВЖД, а позднее являлся сотрудником Российского генерального консульства в Урге (1913–1916). Спицин и Доброловский возглавляли редакцию единственной в Маньчжурии русско-китайской газеты, издававшейся на китайском языке, – «Юаньдунбао», в задачи которой входило содействие развитию торгово-промышленных отношений и культурного обмена между русскими и китайцами. Тишенко являлся редактором официоза КВЖД – газеты «Харбинский вестник», а с 1917 г. – председате-

лем Городского совета Харбина. Из тех, кто занимал должность ответственного редактора «Вестника Азии» и возглавлял ОРО, Н. П. Мацокин, П. В. Шкуркин (офицер), И. Г. Баранов являлись сотрудниками КВЖД, Н. К. Новиков преподавал в Коммерческом училище, которое содержалось железной дорогой и имело статус образцового, подполковник М. А. Полумордвинов служил в штабе Заамурского округа ОКПС [Котенко; Тамазанова, с. 53; Хисамутдинов, 2013].

Таким образом, можно утверждать, что наиболее активные члены общества, чьи публикации и размещались прежде всего на страницах «Вестника Азии», являлись частью российского «колониального» аппарата в Северной Маньчжурии, участвуя в реализации экспансионистских задач империи на территории Китая. В то же время было бы опрометчивым заявлять, что все эти люди полностью разделяли идеи официального имперского ориентализма и являлись его проводниками.

Российский востоковед на службе империи уже неоднократно попадал в объём актив зарубежных и отечественных историков, сторонников постструктуралистской концепции М. Фуко «власть – знание» и идей Э. Саида. Анализируя ориенталистский дискурс, представленный в письменном наследии российских востоковедов-чиновников о Востоке, исследователи расходятся во мнениях относительно его характера, который характеризуется и как имперский, и как антиимперский и даже как антиориенталистский [Абашин]. Не являлись исключением здесь и члены харбинского ОРО.

Весной 1909 г. Общество ориенталистов приступило к публикации собственного журнала, печатавшегося до 1911 г. в типографии «Юаньдунбао». Сразу отметим, что издание было убыточным при небольшом тираже (первые номера – 440–450 экз., 1910 г. – порядка 700 экз., в дальнейшем резкий спад). В 1911 г. обществу пришлось поменять дорогую типографию «Юаньдунбао» на более дешёвую «Товарищества Бергут и сын», уменьшить объём номеров. С 1914 г. журнал стал издаваться в типографии КВЖД. Администрация железной дороги покрывала долги редакции журнала и даже оказывала ей финансовую поддержку.

Как следует из редакционной статьи в первом номере «Вестника Азии», журнал был ориентирован на узкий круг «искренне интересующихся Востоком» специалистов, административных и общественных деятелей, для которых знание Востока являлось необходимым условием успешной работы и должно было способствовать сближению России и Китая. Члены редколлегии сетовали, что иностранцы на этом пути далеко опередили русских, между тем как «в соседних с Китаем, Кореей и Японией русских владениях возникает “желтый вопрос”, и принимает направление, которое сеет вражду к России, готовую перейти в роковое недоразумение». И если «интеллигентные туземцы», по мнению автора статьи, разделяли идею развития взаимоотношений с русскими «путем взаимного осведомления и изучения», то «невежественные туземцы» стояли на шовинистических позициях в отношении России [Новиков, 1909, с. 17, 18], и члены ОРО должны были способствовать изменению этой ситуации.

В отношении массовой части российского общества харбинские ориенталисты были настроены скептически, указывая, что «не обольщают себя радужными надеждами на активное сочувствие широких слоев русского общества», которое

практически ничего не знает о Востоке и не стремится узнать. Отвергая возможные обвинения в тенденциозности, редакция журнала заявляла, что свобода мнения сотрудников и беспартийность редакции будут служить лозунгами журнала, гарантирующими научность и полноту практического освещения жизни Востока [От редакции, С. I–III].

Образ Китая на страницах «Вестника Азии»

Образ Китая, представленный на страницах журнала «Вестник Азии», не являлся чем-то единым и неизменным. Претерпевая определенные трансформации на протяжении 1909–1917 гг., этот образ в то же время стабильно воспроизводился в рамках ориенталистского дискурса, на что указывала хотя бы апелляция авторов к «Европе» и «Востоку» как отдельным и противоположным мирам, использование термина «туземец» для обозначения коренных жителей, имперских метафор «сна», «пробуждения», «желтой опасности», и т. п.

Анализируя материалы «Вестника Азии», можно выделить три этапа, различающиеся особенностями презентации Китая: 1909–1911, 1912–1914, 1914–1917 гг. В 1917 г. на фоне революционных событий в России активность ОРО практически прекратилась.

В период 1909–1911 гг. основное внимание авторов было сконцентрировано на современных событиях предреволюционного Китая, характеризовавшихся в терминах «пробуждение», «обновление», «кипение», «реформы», и т. п. Харбинские ориенталисты писали о глубоком умственном повороте в мировоззрении азиатов, способствовавшем их отказу от вековых устоев своей цивилизации и вступлению на новый путь общественно-политического строительства, в соответствии с «общим естественным законом эволюции», о том, что Китай с каждым днем «делается все интереснее, приобретая все более и более европейскую, или вернее, международную физиономию» [Новиков, 1909, с. 1, 14]. Указывали на разрыв Китая с собственным прошлым: «Занавес, сотканный из невежества и суеверия, упал и десятки тысяч людей увидели пустоту, скрывающуюся за ним... Боги похоронены, Конфуций развенчан! Мы стоим лицом к лицу с Китаем, отвергнувшим богов, материалистическим и не верующим ни во что» [Хроника Востока, с. 208, 209].

Императорский указ о подготовке к введению в стране представительной формы правления в 1916 г. (август 1908 г.) позиционировался как «решительный поворот от тысячелетних устоев деспотии к свободному самоопределению и развитию национальных сил» [Китай накануне, с. 57]. Указывалось, что «страна буквально кипит, общественный механизм ни на минуту не прекращает работать над обновлением своей родины, с каждым днем увеличивая интенсивность своей полезной работы» [Спицин, с. 29].

Еще одним признаком «пробуждающегося» Китая для членов ОРО являлось зарождающееся в стране феминистское движение, о чем редакция журнала сообщала своим читателям, разместив на страницах «Вестника Азии» переводную работу француза А. Майбона [Майбон].

Главной причиной коренных перемен в Китае, по мнению авторов журнала, стали современные европейские достижения. Как пишет А. В. Спицин, огромную роль в обновлении страны играет студенчество, обучавшееся за границей: «Запад наглядно убеждал студенчество в отсталости Китая. Студенты возвратились домой убежденными западниками с единственной мыслью – возможно скорее пересадить все лучшее, что заключает в себе культура Запада, на родную почву» [Спицин, с. 13]. В то же время насильственное вторжение европейцев в Китай и превращение империи в зависимое государство («бесцеремонное хозяйничанье») спровоцировали стремительный рост национального самосознания, нередко перерастающего в шовинизм под лозунгом «Китай для китайцев!» [Там же, с. 15], чреватый новым «боксерским восстанием».

Критикуя западный «военно-колониальный путь» проникновения в Китай, отдельные харбинские ориенталисты явно противопоставляли ему российский путь «мирного коммерческого завоевания» страны, при этом указывая на отсутствие «определенных, ясно осознанных и твердо поставленных задач России на Азиатском Востоке» [К десятилетию, с. 5; М., 1910, с. 8].

При описании изменений в Китае члены ОРО обращали внимание на противостояние консерваторов и реформаторов в политических кругах страны и усиливающую роль революционеров во главе с Сунь Ятсеном, оплотом которых является юг, и чьи печатные издания будят «дремлющую мысль азиата» подобно Герценовскому «Колоколу» [Новиков, 1909, с. 4]. Интерес к революционному движению способствовал размещению в двух номерах «Вестника Азии» переведенной с китайского языка поручиком Е. В. Грегори брошюры «Революционная армия», где разъяснялся смысл термина «гэмин» (революция), отвергавший самодержавный образ правления [Революционная армия].

Приветствуя происходившие в Китае изменения, авторы журнала указывали, что, возможно, в скором времени Китай займет место среди великих держав мира и сделается конкурентом многих культурных наций, поэтому для России «было бы непростительной ошибкой остаться равнодушной к своему соседу» [Брандт, с. 35]. Одним из важнейших инструментов успешного развития взаимоотношений между Россией и Китаем русские ориенталисты считали систематическую и расширенную подготовку специалистов-востоковедов и популяризацию изучения китайского языка в кругах российского дальневосточного общества. В качестве практических шагов в этом направлении предлагалось учреждение в Харбине финансируемой КВЖД Семинарии восточных языков, в состав контингента учащихся которой рекомендовалось включить офицеров, командированных Военным министерством в страны Дальнего Востока, офицеров пограничной стражи, чиновников почтово-телеграфного ведомства, служащих различных отделов Управления КВЖД и торгово-промышленных предприятий, действовавших в Северной Маньчжурии [Новиков, 1910, с. 211, 212].

В качестве другой меры предлагалось передать владивостокский Восточный институт под руководство Министерства иностранных дел. Ратовавший за это А. П. Болобан писал: «Если “желтая опасность” имеет теперь реальную почву, то кадры работников-ориенталистов в планомерной борьбе с ней должны быть

мобилизованы всеми Министерствами на Восток, под руководящими указаниями опытных лиц, работающих на Дальнем Востоке [Болобан, с. 86], вероятно, намекая здесь на особую роль харбинских востоковедов.

Материалы «Вестника Азии», посвященные обновлению Китая, которые с большим воодушевлением воспринимались некоторыми членами ОРО, перемежались со статьями, отражавшими обеспокоенность авторов вопросом сохранения русских интересов в Китае, прежде всего в его северо-восточной части – Маньчжурии, выведенной, по мнению русских ориенталистов, из состояния «пустынности» и «дикости».

Сторонников сохранения русского дела тревожило усиливающееся стремление китайской властью нарушить законные с точки зрения тогдашних международных норм права русских в Китае путем пересмотра российско-китайского договора 1881 г. («извращая точный смысл договорных постановлений, стремятся свести на нет предоставленные русскими подданным и русской торговле договорные права») [К русско-китайским отношениям, с. 116], введения новых таможенных тарифов в Северной Маньчжурии [М. Н. К., с. 4–12] или попыток поставить под сомнение право иностранцев на экстерриториальность [Доброловский, с. 136–188]. По мнению одного из авторов, упрочнению русского дела и точному определению задач России на Дальнем Востоке, что поможет русским «успокоиться самим и перестать нервировать соседей», будет способствовать учреждение в пределах Приамурья и Северной Маньчжурии единого административного руководства [М., 1910, с. 9, 10].

Активная колонизационная политика китайских властей в Северной Маньчжурии, имевшая отголоски на российской дальневосточной окраине, в отдельных случаях увязывалась с проблемой «желтой опасности», которая представлялась не апокалиптическими картинами нашествия на христианский мир антихристовых «желтых» полчищ из глубин Азии В. С. Соловьева, а угрозой растворения Славянства, имеющего мягкую «антропологическую скалу» в «мощных антропологических глубинах монголизма». По мнению автора статьи «Научно-государственные задачи в Приамурье и Восточный Институт», характер русского колонизационного движения на восток, результатом которого стала метисация славянского населения в Сибири и на Дальнем Востоке, коренным образом отличался от колониальной практики англичан и немцев, отгораживавших себя от туземцев, и тем самым сохранявших свою этническую «чистоту». Российское правительство, взяв на себя роль «миссионера и просветителя народов Азии», только облегчило процессы скрещивания Славянства с желтой расой. В качестве одного из средств борьбы с «желтой опасностью» автор предлагал введение в программу подготовки студентов Восточного института обязательный курс «Народоведение», который освещал бы отечественную этнографию Славянства, тем самым поставив институт «непосредственно у своей научно-служебной государственной задачи» [М., 1911, с. 137–152].

Другой автор в качестве оплота панмонголизма на Дальнем Востоке рассматривал Японию, главную угрозу европейским интересам в этом регионе, и предлагал «помочь Китаю подняться на ноги», изолировав его от тлетворного влияния

Японии, и даже сформировать антияпонскую коалицию в лице России, Англии, Франции и Италии [Ираклевский, с. 12–21].

Период 1912–1913 гг. в деятельности «Вестника Азии» пришелся на время Синьхайской революции в Китае, приведшей к падению Цинской династии и замене двухтысячелетней империи республикой. Революция стала одним из важнейших событий для харбинских ориенталистов, имевших возможность наблюдать за ее ходом только издалека, поскольку революция первоначально мало затронула территорию Маньчжурии. Из тех немногочисленных аналитических материалов, касающихся Синьхайской революции (ход революции освещался главным образом в разделе «Хроника»), создается впечатление, что революция разочаровала ожидания членов ОРО, которые столь восторженно описывали реформы предсиньхайского периода.

Как пишет М. А. Полумордвинов, революция не принесла «немедленного чуда» улучшения жизни, которого от нее и республики ждали массы. Вместо этого разгорелись противоречия между севером и югом. «Главари юга», зачинатели революции, показали всю свою непрактичность, пытаясь реализовать утопические планы. Армия, почувствовавшая вкус к революционным изменениям, грозит похоронить республику. По мнению автора, пример Китая лишний раз показал, что «армия, втянутая в политику и призванная решить силою своего оружия внутренние вопросы, весьма скоро превращается в самое ужасное орудие бесправия». Единственный реалистичный политик в стране – Юань Шикай, не будучи сторонником республики, в скором времени «сбросит с себя республиканскую тогу, чтобы одеться в мантию диктатора», что будет означать помимо прочего выход Китая на путь «империализма», сулящего немало тревог его ближайшим соседям [Полумордвинов, 1913, с. 3–12].

Отдельные авторы отмечали рост враждебности Китая к России в период Синьхайской революции, связанный прежде всего с поддержкой русскими «законного» стремления монголов Халхи к самостоятельности, основанием для чего якобы являлся хранящийся в Урге цинский документ о прекращении отношения монголов к Китаю после прекращения династии. М. Воллосович, характеризуя отношения между Россией и Монголией в 1912–1913 гг., критикует российское правительство за непоследовательность в вопросе поддержки создания Монгольского государства путем объединения всех монгольских территорий, указывая, что оно могла бы стать для России буфером между ее территориями и Китаем [Воллосович, с. 42–49].

«Неудачи» Синьхайской революции, отбросившей Китай назад по сравнению с предсиньхайским периодом реформ – в состояние диктатуры, подтолкнули некоторых харбинских ориенталистов к поиску их причин. По мнению Г. Г. Авенариуса, непреодолимые трудности по утверждению в Китае представительной формы правления были связаны с особенностями развития китайской цивилизации, долгое время оторванной от других культурных центров мира, и особой ролью конфуцианства в оформлении китайского государства и общества. Рациональное в природе своей, чуждое религиозным исканиям, конфуцианство, краеугольным камнем которого являлось почитание родителей, было не чуж-

до определенному демократизму. Конфуций якобы приписывал происхождение монархической власти в равной степени небесному промыслу и воле народа, подобно чему китайские монархи считали себя ответственными перед народом за успешное управление страной и подчинялись тем же законам, по которым жили и их подданные. Однако, воспитав в народе сознание верховенства, ни Конфуций, ни его последователи не указали китайцам мирных путей к осуществлению этого верховенства; укрепив убеждение народа в совершенстве древних форм общежития и заставив искать политический идеал в прошлом, они не создали выборных коллегиальных установлений. Естественным следствием этого стали восстания, потрясавшие Китай столетиями, – «китайцы как бы надеялись найти среди своих новых избранников личность, приближавшуюся к идеальным монархам Яо и Шунь, и такой находкой – разом исцелить все свои государственные недуги». Синьхайская революция мало чем отличалась от прежних народных движений – «борьба в массах шла не за идею, но за личность». Обвиняя конфуцианское учение в той роковой роли, которую оно сыграло в прошлом, – гибели миллиардов человеческих жизней во время хронических голодовок и восстаний против часто сменявшихся правительств, автор указывал, что в итоге эти два фактора создали наиболее приспособленную к борьбе за существование человеческую расу [Авенариус, с. 145–149].

С 1914 г. важное место в статейном разделе «Вестника Азии» заняли материалы, посвященные различным формам традиционной китайской культуры и китайскому фольклору, за авторством И. Г. Баранова, П. В. Шкуркина и П. М. Гладкого. Другим новшеством стало увеличение количества публикаций о Японии, ее литературе и культуре.

Коренной перелом в характере презентации Китая в работах харбинских ориенталистов произошел в годы Первой мировой войны, существенно изменившей международную политическую ситуацию на Дальнем Востоке. Вступление японцев в войну на стороне Антанты, захват германских владений в Шаньдуне и принуждение китайского правительства к принятию своих требований сделали Японию едва ли не важнейшим политическим игроком в регионе и подтолкнули Россию к дальнейшим шагам по сближению с нею, что, в частности, выразилось в заключении в июле 1916 г. русско-японского союзного договора. Ориенталистский дискурс публикаций «Вестника Азии» в конце 1914–1916 гг. приобрел ярко выраженный имперский (империалистический) характер.

Основное внимание авторов сосредоточилось на российско-японском сближении, позиционируемом как «единственно правильный путь, который гарантировал бы правильное осуществление государственных задач» [Межак, с. 13; Полумордвинов, 1914, с. 18–20] России на Дальнем Востоке, а Россия и Япония воспринимались как «бесконтрольные распорядительницы судеб Дальнего Востока» [Штейнфельд, с. 58]. Китай в новой ситуации оказывался лишь объектом государственных интересов России и Японии, которые имели право, не считаясь с мнением китайцев, делить их территорию на сферы влияния и осуществлять ее экономическое освоение. Главное для России заключалось в том, чтобы отстоять свои интересы в Китае, добившись паритета с Японией во всех сферах [Шкуркин, с. 192].

Изменение отношения России к Китаю оправдывалось не только его «недружелюбием» и предвоенным сотрудничеством с Германией в военной области, но и неспособностью последнего к прогрессивному «обновлению»: «никакие потуги на смогут сдвинуть Китай с мертвой точки», даже при активной помощи ему западных стран [Штейнфельд, с. 59]. Востоковеды давали неутешительные оценки деятельности президента республики Юань Шикая, потерпевшего полный крах в деле восстановления монархии во главе с самим собой и обуздания власти военных губернаторов, указывая, что страна катится в пропасть безвластия. Своеобразным приговором Китаю звучат строки П. В. Шкуркина: «У каждого, знакомого с историей Востока и знающего современное положение вещей, невольно сложится убеждение, что начинается переоценка материальных, политических и исторических ценностей на Востоке; и горько будет сожалеть тот, кто не предъявит к оплате свои счета теперь, в тот момент, когда муза истории ставит точку над самостоятельным существованием древнейшей и величайшей в мире нации» [Шкуркин, с. 192].

Заключение

Анализ публикаций журнала харбинского Общества русских ориенталистов «Вестник Азии» показал, что презентации Китая российскими востоковедами осуществлялись главным образом в рамках западоцентрического ориенталистского дискурса. При этом характер ориенталистского дискурса членов ОРО мог носить как имперскую, так и антиимперскую направленность. Одновременное присутствие имперского и антиимперского ориенталистского дискурса (соотношение которых менялось на протяжении 1909–1917 гг.) объясняется, по нашему мнению, помимо индивидуальных установок авторов, прежде всего тем, что в центре внимания харбинских ориенталистов всегда находились государственные интересы России на Дальнем Востоке – вопрос наиболее жизненно важный для формирующейся российской дальневосточной (включая и харбинскую) интеллигенции, для которой Дальний Восток являлся «своим» и имперские интересы имели собственное региональное измерение. Именно приоритет русского дела, государственных интересов России на Дальнем Востоке в сознании дальневосточной востоковедной интеллигенции способствовал формированию образа Китая как «пробуждающегося» и вестернизирующегося азиатского государства, требовавшего к себе уважительного внимания и выстраивания добрососедских связей, либо малоспособного к изменениям и враждебного государства, в отношении которого его более развитые соседи имели основанное на международных имперских нормах право осуществлять практически любые действия.

Список литературы

Абашин С. Н. В. П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...». Кризис ориентализма в Российской империи? // Азиатская Россия. Люди и структуры империи: Сб. науч. статей / под ред. Н. Г. Суворовой. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 43–97.

- Автономов Н.* Общество русских ориенталистов: Ист. очерк // Вестник Азии. 1926. № 53. С. 413–448.
- Авенариус Г. Г.* Краткий очерк истории Китая в связи с учением Конфуция о существовании государственной власти // Вестник Азии. 1913. № 19–22. С. 1–149.
- Баубекова С. А.* Научные и культурно-просветительские общества Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX в. : Исторический опыт деятельности: Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2016. 266 с.
- Благодер Ю. Г.* Китай в российской периодической печати второй половины XIX – начала XX в. : эволюция представлений в изменяющихся исторических условиях: Дис. ... докт. ист. наук. Краснодар, 2019. 697 с.
- Болобан А.* Восточный Институт, Министерство Народного Просвещения и Министерство Иностранных Дел // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 78–86.
- Брандт Я.* Вдовствующая Императрица Цы-си и Император Гуань-суй // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 20–35.
- Воллосович М.* Россия и Монголия // Вестник Азии. 1914. № 31–32. С. 42–49.
- Добролюбовский И.* Внеземельность иностранцев в Китае // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 136–188.
- Друзьяка А. В.* Квантунская область и полоса отчуждения КВЖД: «русские колонии» или «арендованные территории»? // Россия и АТР. 2021. № 3. С. 94–105.
- Заметки об изучении Азии* // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 248–286.
- Ираклевский А.* Восток и Запад // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 12–21.
- К десятилетию Восточного Института* // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 5–19.
- К русско-китайским отношениям* // Вестник Азии. 1911. № 8. С. 106–116.
- Казанцев В. П., Салогуб Я. Л.* Русская Маньчжурия: опыт освоения и управления (1890-е гг. – 1905 г.). СПб. : Наука, 2012. 285 с.
- Китай накануне конституции* // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 57–74.
- М. К текущему моменту* // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 5–11.
- М. Научно-государственные задачи в Приамурье и Восточный Институт* // Вестник Азии. 1911. № 10. С. 137–152.
- М. Н. К. Еще о Сунгари* // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 4–12.
- Майбон А.* Феминизм в Китае // Вестник Азии. 1911. № 8. С. 44–57.
- Котенко А. Л., Андреева Е. А.* Михаил Аркадьевич Полумордвинов: к биографии военного востоковеда // Вестник ТГПУ. 2018. № 3 (192). С. 157–165.
- Лукин А. В.* Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII–XX веках. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 608 с.
- Межак Л.* Русско-японское согласие // Вестник Азии. 1916. № 38–39 (Кн. II–III). С. 10–15.
- Новиков Н.* Задачи Общества Русских Ориенталистов в связи с общественно-политическим состоянием Дальнего Востока // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 1–19.
- Новиков Н. К.* вопросу об учреждении Семинарии восточных языков // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 211–217.
- От редакции* // Вестник Азии. 1909. № 1. С. I–III.
- Павловская М. А.* Харбинская ветвь российского востоковедения (начало XX в. – 1945 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1999. 327 с.
- Полумордвинов М.* 1912 год на Дальнем Востоке // Вестник Азии. 1913. № 14. С. 1–21.
- Полумордвинов М.* О влиянии современных мировых событий на положение дел на Дальнем Востоке // Вестник Азии. 1914. № 31–32. С. 7–22.
- Революционная армия (Гэ-мин-цзюнь)* // Вестник Азии. 1910. № 5. С. 5–67; № 6. С. 14–42.
- Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Омский гос. ун-т, 2004. 552 с.
- Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта* / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Левашко, А. А. Хисамутдинов. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с.
- Самойлов Н. А.* Россия и Китай в XVII – начале XX века: Тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2014. 368 с.
- Спицин А.* Современные общественно-политические течения в Китае // Вестник Азии. 1910. № 4. С. 5–32.
- Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Идеологии империи в России имперского периода // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 211–227.

Тамазанова Р. П. Журнал «Вестник Азии» в системе русскоязычных периодических изданий в Маньчжурии (Харбин, 1909–1917 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 199 с.

Усманов С. М. Восток в общественно-политическом сознании русской интеллигенции XIX – начала XX вв. : Дис. ... докт. ист. наук. Иваново, 2000. 353 с.

Хроника Востока // Вестник Азии. 1910. № 4. С. 195–215.

Чач Е. А. Ориентальный контекст Серебряного века // Омский научный вестник. 2010. № 1 (85). С. 59–62.

Хисамутдинов А. А. Синолог П. В. Шкуркин: «...не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбив» // Известия Восточного института. 1996. № 3. С. 150–160.

Хисамутдинов А. А. Содействие сближению России с Китаем: русские востоковеды-эмигранты, их судьбы и труды // Восток. 2013. № 6. С. 48–61.

Шкуркин П. Японо-китайский конфликт // Вестник Азии. 1915. № 34 (Кн. II). С. 170–192.

Штейнфельд Н. Новый фазис русско-японских отношений // Вестник Азии. 1914. № 31–32. С. 57–63.

The article was submitted on 13.06.2024

Е. Е. Аурилене

РОССИЙСКИЕ ЭМИГРАНТЫ В МАНЬЧЖОУ-ДИГО: «ЗА НОВЫЙ МИР!» (1941–1945)

Аннотация. В статье рассматривается положение русских эмигрантов в Маньчжоу-диге в условиях ужесточения японского оккупационного режима в 1941–1945 гг. Несмотря на пакт о нейтралитете, Япония считала СССР своим противником в войне за господство в Восточной Азии. Территория марионеточного государства была превращена в военно-экономический плацдарм для будущей войны. На основании документальных источников показаны попытки японской военной миссии интегрировать политически аморфное эмигрантское население, подготовить его к борьбе за «новый порядок», который приведет к крушению Коминтерна и советской власти, возродит национальную Россию. В начале 1940-х гг. активную работу среди эмигрантов развернула советской разведка. Великая Отечественная война СССР вызвала у россиян подъем патриотизма, обусловившего провал усилий японской пропаганды и успех советской резидентуры. В годы советско-японской войны ЯВМ не решилась использовать белоэмигрантские воинские подразделения в боевых действиях как неблагонадежные.

Ключевые слова: российская эмиграция в Маньчжоу-диге, Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, «новый порядок в Восточной Азии», «оборонцы» и «пораженцы», белоэмигранты в советской разведке, операция «Отчизна»

Elena E. Aurilene

RUSSIAN EMIGRATION IN MANCHUKUO “FOR A NEW WORLD!” (1941–1945)

Abstract. The article considers the position of the white Russian emigration in Manchukuo under a strict occupation regime in 1941–1945. In spite of the neutrality pact Japan considered the USSR its enemy on the way of dominance over the East Asia. The puppet state territory was prepared as a military base for the future war. On the base of archival documents, the author represents the Japanese Military Mission attempts to integrate politically indifferent White Russians to prepare them to fight for “the new order in the East Asia”. This “new order” was supposed to crash Komintern and revive the former national Russia. The Great Patriotic War of the USSR against Fascist Germany motivated patriotic feelings of Russian emigrants and ruined Japanese Military Mission plans. In the struggle for White emigration the Soviet intelligence took advantage. During the Soviet-Japanese war the Japanese military command didn't use Russian military detachments as unreliable.

Keywords: Russian emigration in Manchukuo, The Bureau of Russian Emigrants Affairs in Manchurian Empire, Pacific war, “the new order in the East Asia”, “oborontsy” and “porazhentsy”, White Russians in Soviet intelligence, special operation “Otchizna”

История русской эмиграции стала предметом объективного научного исследования более 30 лет назад. Сегодня в обширном спектре ее проблематики вряд ли остались темы, не вызвавшие интереса историков, филологов, культурологов и т. д. Накопленный историографический опыт открывает возможности для уточнения, а, возможно, и переосмысления сложившихся взглядов и шаблонных оценок, которые часто свойственны раннему этапу изучения новой

научной проблемы. В этом смысле история русской эмиграции в Маньчжурии не стала исключением.

В спектре данной проблематики, пожалуй, самой противоречивой является освещение в отечественной литературе антисоветской деятельности эмигрантов. Во многом это объясняется особенностями источниковой базы, основу которой составили отчеты советских органов разведки и контрразведки. Здесь следует учесть два обстоятельства: во-первых, до сих пор не все архивные дела рассекречены; во-вторых, на корректность данных в отчетных документах влияет человеческий фактор. В годы репрессий и в период Великой Отечественной войны местные органы ОГПУ-НКВД-НКГБ старались преуспеть в результатах борьбы с антисоветскими элементами, отправляя в центр отчеты о сотнях, а то и тысячах «шпионов», «диверсантов» и прочих «врагов».

В начале 1940-х гг. на территории Маньчжоу-дого проживало чуть более 60 тыс. российских эмигрантов, в 1945 г. – примерно 70 тыс. [ГАХК Ф. 830. Оп. 1. Д. 215. Л. 2]. Большинство из них давно потеряло интерес к политике, предпочитая мирную жизнь антисоветской возне фашистов и прочих активистов, надевавшихся освободить родину от большевиков. Но в условиях марионеточного государства русские эмигранты снова оказались заложниками большой политики, были обязаны выполнять предписания режима, ужесточившегося в годы войны на Тихом океане.

Несмотря на официальные атрибуты, символы и церемонии, подчеркивавшие формальный статус «империи», фактическим главой Маньчжоу-дого была Японская военная миссия (ЯВМ). Авторы геополитической доктрины «Императорского пути» считали завоевание Маньчжурии жизненно необходимым этапом на пути к созданию «нового порядка» или «сферы процветания Великой Восточной Азии». Японские панasiatисты создали своеобразную иерархическую систему этнических ценностей по квазисемейному принципу, согласно которой во главе семьи азиатских народов стояла японская нация, вооруженная идеалами «расы Ямато» и призванная повелевать отставшими в своем развитии аморфными народами других стран Азии [Сила-Новицкая]. Белая раса объявлялась чуждой азиатскому миру и должна была уступить японцам свои завоевания в Азии. Главными противниками Японии на пути к господству в Восточной Азии были США и Великобритания, которых японская пропаганда презрительно называла «англо-саксами», «мировым злом» и т. д. [Война за Великую Азию и задачи российской эмиграции, с. 29].

Несмотря на советско-японский пакт о нейтралитете, в списке «злодеев», препятствовавших установлению справедливого порядка в Восточной Азии, числился и Советский Союз. Однако акцент в антисоветской пропаганде был смещен на «кровожадный Коминтерн», распространявший по миру коммунистическую заразу [Война за Великую Азию и задачи российской эмиграции, с. 29]. После неудачной пробы сил в Приморье (1938 г.) и на территории МНР (1939 г.) японские стратеги отложили войну с СССР до удобного момента и повернули вектор имперской агрессии на Тихий океан. Удобный момент во многом зависел от успеха гитлеровской Германии на Восточном фронте.

Белоэмигрантское население представляло интерес для ЯВМ в связи с тем, что его можно было использовать в диверсионно-разведывательной работе на приграничных территориях советского Дальнего Востока. Успешный исход борьбы за «новый порядок в Восточной Азии» обещал эмигрантам «освобождение» территорий в Сибири и на Дальнем Востоке от большевиков и возрождение России.

Для административного контроля над эмигрантами и идейно-политической интеграции ЯВМ учредила Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), во главе которого, сменяя друг друга (в зависимости от обстоятельств), стояли бывшие «белые» генералы: В. В. Рычков (1934–1935 гг.), А. П. Бакшеев (1935–1938 гг.), В. А. Кислицин (1938–1943 гг.), Л. Ф. Власьевский (1943–1945 гг.). Деятельностью Бюро руководили советники из ЯВМ. Кроме административного управления и культурно-воспитательной работы, Бюро занималось контрразведывательной и разведывательной деятельностью против Генконсульства СССР, иностранных консульств и советских граждан. Военный отдел БРЭМ объединил в рамках своей структуры эмигрантские военные организации, проводил отбор контингента для воинских подразделений, курсов и школ, занимавшихся подготовкой разведчиков и диверсантов. В Харбине ЯВМ создала специальную диверсионно-разведывательную школу для русских, начальником которой был майор Мурасава. Критерием отбора в эту школу была степень лояльности эмигранта к Японии и враждебности к Советскому Союзу [Аурилене, Тужилин, с. 305.].

В годы войны на Тихом океане эмигранты, как и все население Маньчжоу-диго, были включены в систему обеспечения ресурсов для японской армии. Началась жесткая экономия продовольствия, все ресурсы страны были мобилизованы на помощь фронту. Повсюду шли массовые общественные мероприятия, разъясняющие пафос великого момента. Так, в декабре 1941 г. эмигрантская газета «Заря» поместила информацию с места событий о «всенародном» собрании у храма Харбин Дзиндзя, посвященном началу войны на Тихом океане. Подробно перечислялись элементы церемонии: флаги и гимны Японии и Маньчжоу-диго, поклонение в сторону резиденций обоих императоров, «молитвенная минута молчания для осознания грандиозности одерживаемых побед...» [Заря, 12 декабря] и т. д. Ораторы-пропагандисты выступали в учебных заведениях, на общественных собраниях, обещали победу японского оружия над «англо-саксами» и близость светлого будущего – «нового мира» [Война за Великую Азию и задачи российской эмиграции, с. 30].

Хозяева марионеточной «империи» планировали использовать белоэмигрантов в будущей войне с СССР, а после победоносного ее завершения – для управления освобожденными от коммунистов территориями. С этой целью создавались специальные воинские подразделения, готовившие контингент для боевых действий на территории СССР, диверсантов, разведчиков. В 1943 г. в составе Армии Маньчжоу-диго числилось три русских воинских отряда: на станциях Сунгари-2 и Ханьдаохэцзы, в районе г. Хайлар. В каждом отряде насчитывалось от 200 до 300 чел. Служба была обязательной для всех мужчин призывного возраста, а после ее окончания они переходили в разряд резервистов. Специалисты для подрывной

работы против СССР готовились также в подразделениях ЯВМ и на курсах при Российском фашистском союзе.

ЯВМ поставила на поток «добровольные» пожертвования населения на оборону государства и подарки воинам. Уклониться от этой благотворительной миссии было практически невозможно. О «потоках» добровольных пожертвований на «оборону государства» пресса сообщала ежедневно. Несмотря на бесперебойную идеологическую обработку населения, уверенности в его лояльности у властей по-прежнему не было. Иначе трудно объяснить появление так называемого «Закона о сохранении общественного спокойствия», направленного против «идеологических злоумышленников», сулившего таковым смертную казнь или пожизненное заключение [Заря, 21 декабря]. Не все «злоумышленники» проходили официальные процедуры, предписанные режимом. Случалось, они бесследно исчезали, особенно те, за которыми не стояли родственники или связи. После войны выяснилось, что они становились материалом для испытаний бактериологического оружия в Отряде 731 [Пермяков].

В целях «правильного» воспитания эмигрантов бесперебойно работала пропагандистская машина ЯВМ. Русскоязычные средства массовой информации ежедневно сообщали об успехах германских войск, взявших на себя миссию борьбы с Коминтерном. О реальном положении дел на советско-германском фронте эмигранты узнавали от советских граждан или иными, тайными, путями. Ход войны на Тихом океане также освещался исключительно в победоносном духе. Даже в 1944–1945 гг., когда поражение Японии было очевидным, в средствах массовой информации и официальных публичных речах превозносилась жертвенность легчиков-камикадзе, которая должна была вселить в общественное сознание чувство гордости за воинов нации Ямато. «Воспитанная на принципах *Бусидо*, ниппонская армия проникнута духом непревзойденного героизма, – писал «Луч Азии», – и каждый ее представитель с готовностью отдает жизнь во имя победы над врагом. ...Эта жертвенность и героизм впитались в кровь и плоть ниппонского воина и неуклонно ведут его по пути славы...» [Луч Азии. 1945. № 12. С. 11].

Во время ожесточенных боев за остров Иводзиму в марте 1945 г. «Луч Азии» опубликовал статью оптимистического содержания под заголовком: «Экономически и духовно Америка не выдержит войны». Этот же номер сообщал о росте производственного потенциала молодой империи Маньчжоу-дого, которая «является сырьевой базой сферы взаимного процветания». Существенную часть этого потенциала составляли русские эмигранты, успешно трудившиеся в производственной сфере [Луч Азии. 1945. № 6. С. 5,16].

Однако, несмотря на тотальный контроль, массированную антисоветскую пропаганду и насаждение ценностей «нового порядка», подавляющая часть эмигрантов заняла позицию «оборонцев», т. е. поддерживала борьбу СССР против гитлеровской Германии и осуждала имперскую политику Японии. В ЯВМ, жандармерию, БРЭМ поступали донесения агентов о росте оборонческих настроений среди эмигрантов. Те, кто поддерживал официальную позицию властей, назывались «пораженцами». Чаще всего, это были члены Российского фашистского

союза или сторонники атамана Г. М. Семенова, официально назначенного японцами главой русской эмиграции в Маньчжурской империи.

Культурно-воспитательный отдел Бюро получил указание усилить работу по противодействию советской пропаганде, но попытки навязать русскому населению ценности «нового порядка» успеха не имели. В Генеральном консульстве СССР в Харбине отмечался поток заявлений от эмигрантов о переходе в советское гражданство. Многие содержали просьбу отправить их на советско-германский фронт, чтобы вместе с советским народом защищать Родину от фашистов.

Об этом, в частности, свидетельствует донесение одного из агентов БРЭМ о закрытом заседании общественности по борьбе с оборончеством, датированное 1942 г. Докладчиком на собрании был начальник культурно-воспитательного отдела, вождь русских фашистов К. В. Родзаевский. Он заявил, что оборончество – дело рук советской агентуры, и эмигранты должны противостоять красной пропаганде. Из текста донесения видно, что единодушия по поводу текущего момента у собравшихся не было. Так, например, один из выступавших, некто В. Д. Маракулин, сетовал, что «здесь правды сказать нельзя, так как это было бы лебединой песней для оратора...». Он же высказал надежду на то, что, победив Германию, русский народ справится и с большевиками. Агент, написавший донесение, оставил по этому поводу комментарий: «...Вся речь Маракулина – пропаганда оборончества». Заметим, что упомянутый В. Д. Маракулин в 1925–1932 гг. имел советский паспорт и служил на КВЖД, а в 1932 г. он перешел в эмигрантское состояние, так как «не разделял...идеологии СССР» [ГАХК. Ф. 830. Оп.3. Д. 29296. Л. 1–20].

Маньчжурские власти приняли срочные меры по предотвращению роста «оборончества». Лиц, возбудивших ходатайство о переходе в советское гражданство, лишали продовольственных и хлебных карточек. Советских граждан увольняли с работы, детей исключали из школ, отдельных лиц депортировали в СССР. Официально причина депортации объяснялась «вредной деятельностью» против Маньчжоу-диго и сокрытием факта обращения в советское консульство по поводу гражданства. Со своей стороны советские власти не приветствовали возвращение бывших соотечественников из опасений получить в их лице японскую агентуру.

Рост числа «оборонцев» создавал базу для усиления агентурной сети советской разведки среди служащих ЯВМ, БРЭМ, прочих официальных и частных учреждений и организаций. Генеральное консульство СССР активно способствовало расширению лагеря «оборонцев» через свои каналы. По свидетельству Г. Г. Пермякова, работавшего в те годы переводчиком в генконсульстве, его коллеги, специалисты по белой эмиграции, делили своих информаторов из числа эмигрантов на ряд видов и подвидов: «болтуны», которые выдают важные тайны; обиженные знатоки; пассивные или инициативные слухачи; случайные осведомители; платные информаторы, которые знают важные вещи, но дают их только за деньги; штучные уведомители; ревнивые и злобные или обиженные доносчики; шпионы-любители; идейные разведчики – наиболее ценные помощники; информаторы-патриоты; агенты-двойники – «и вашим, и нашим»; опытные внедренные разведчики; бесценные спай – самородки» [Пермяков].

В 1942–1945 гг. прочные позиции в Маньчжоу-диго имели дальневосточные чекисты. Только хабаровское управление направило в марионеточную империю 32 агента-вербовщика, которые создали там агентурную сеть из 20 чел. и 30 агентов-связников. В 1943 г. хабаровская разведка имела агентов, которых можно было использовать в изучении и разработке сотрудников ЯВМ, полиции и отдельных представителей белой эмиграции. В советскую агентурную сеть были вовлечены бывшие офицеры «белых» армий и лица гражданских сословий, монархисты и фашисты, поменявшие свои убеждения из патриотических чувств или под давлением обстоятельств.

На советскую резидентуру в 1940-х гг. работали представители эмигрантской политической и военной элиты Маньчжоу-диго, среди которых полковник Я. Я. Смирнов – служащий ЯВМ, позднее командир Русского воинского отряда на Сунгари-2, Гурген Наголен (Ассерьянц) – подполковник Главного штаба армии Маньчжоу-диго, начальник 3-го отдела и фактический глава контрразведки БРЭМ М. А. Матковский и другие. Во многом благодаря их усилиям, накануне советско-японской войны 1945 г. руководство Красной Армии было осведомлено о численности и дислокации частей Квантунской Армии, настроениях местного населения.

В конце 1944 г. Управление НКГБ по Хабаровскому краю разработало радиопрограмму «Отчизна», цель которой состояла в распространении среди эмигрантов информации, способствовавшей росту антияпонских настроений. Радиовещание шло с территории Хабаровского края, но среди эмигрантов был пущен слух, что это дело рук антияпонского подполья из эмигрантов-оборонцев, которое располагает правдой о жизни эмигрантов под гнетом японцев, положении дел на советско-германском фронте и т. д. Первая передача прошла 14 февраля 1945 г., начавшись песней варяжского гостя из оперы «Садко». Эмигранты услышали едкую критику в адрес японского режима, обрекающего их на жалкое существование, фашистах, предающих русский народ в угоду японцам, о провалах Японии в Тихоокеанской войне и скором вторжении американцев, скорой победе СССР над фашистской Германией и т. д. [Аурилене, Тужилин, с. 292–298].

Передачи «Отчизны» вызвали большой резонанс в эмигрантском обществе. Их ждали, передавали информацию из уст в уста, строили легенды о таинственном советском разведчике, перемещавшемся по Харбину с радиопередатчиком и недосягаемом для японских спецслужб.

Русская эмиграция, вынужденная подчиниться японскому военному режиму, в большинстве своем не была намерена поддерживать Японию в случае военного конфликта с СССР. Понимая, что антисоветская пропаганда имеет слабый результат, японское командование так и не решилось использовать эмигрантские воинские подразделения в боевых действиях против СССР как неблагонадежные. Материалы, полученные советской разведкой из эмигрантских источников, были использованы в подготовке Маньчжурской наступательной операции Красной Армии. В период советско-японской войны под руководством Генконсульства СССР и Общества советских граждан работал Штаб обороны Харбина (ШОХ), в который вошло немало эмигрантов, в том числе и служащих Бюро. Штаб охранял город от мародеров всех мастей, не допустил уничтожения объектов жизнеобеспечения города, разрушения мостов и дорог.

Список литературы

Аурилене Е. Е., Тужилин С. В. Заложники большой политики. Российские эмигранты в Маньчжоу-дго (1934–1945). М.: Яуза-каталог, 2023. 352 с.

Война за Великую Азию и задачи российской эмиграции. Сборник статей для ораторов. Харбин, 1942. 30 с.

ГАХК.Ф.Р-830.Оп. 1. Д.215. Л.2.

ГАХК.Ф.Р-830.Оп.3. Д.29296. Л. 1–20.

Заря. 1941. 12 декабря.

Заря. 1941. 21 декабря.

Луч Азии. 1945. № 6.

Луч Азии. 1945. № 12.

Пермяков Г. Г. Отряд 731. Документальная повесть // «Рубеж». Тихоокеанский альманах 2004. № 5. С. 246–297.

Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. М.: Наука, 1990. 204 с.

The article was submitted on 10.06.2024

В. В. Смирнов

РЕАКЦИЯ СОВЕТСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ПРОВИНЦИИ ШЭНЬСИ НА СОБЫТИЯ В ТИБЕТЕ В 1959 Г.

Аннотация. Народные волнения в Тибете в 1959 году против центральных китайских властей произошли в контексте проведения Пекином политики «большого скачка», ухудшения отношений с Советским Союзом и в большей степени с Индией, имевшей традиционное влияние на тибетское население Китая. В этой связи перед китайскими властями встала задача по мониторингу и распространению среди находившихся на тот момент в Китае советских специалистов китайской точки зрения на данное восстание, с целью выработки у них положительного восприятия своей политики в Тибете. Проблема для китайской стороны заключалась в нахождении наиболее эффективных методов передачи нужной информации специалистам и своевременное реагирование на возможные идейные отклонения от «правильного» понимания ими причин восстания. В конечном счете ставка была сделана на ознакомление специалистов со статьей «Революция в Тибете и философия Неру», опубликованной в 1959 году в печатном издании ЦК КПК «Жэньминь жибао», где излагалась официальная точка зрения китайской стороны на данные события. В имеющемся у нас отчете Отдела по иностранным делам при правительстве провинции Шэньси от 20 мая 1959 года отображен как процесс передачи специалистам китайской точки зрения на события в Тибете в 1959 г., так и фиксация их реакций на данную информацию с последующим разъяснением «правильной» сути происходящего. Для нас актуальной представляется задача определения смыслового содержания китайской точки зрения на волнения в Тибете, транслируемой советским специалистам. При этом мы постараемся определить, какую роль в разрешении тибетского кризиса, по мнению китайской стороны, сыграла политика «большого скачка».

Ключевые слова: советские специалисты, народные волнения в Тибете, провинция Шэньси

Vadim V. Smirnov

THE REACTION OF SOVIET SPECIALISTS IN SHAANXI PROVINCE TO THE EVENTS IN TIBET IN 1959

Abstract. The popular unrest in Tibet in 1959 against the central Chinese authorities took place in the context of Beijing's policy of the “great leap forward”, the deterioration of relations with the Soviet Union and, to a greater extent, with India, which had a traditional influence on the Tibetan population of China. In this regard, the Chinese authorities faced the task of monitoring and disseminating the Chinese point of view on this uprising among Soviet specialists who were in China at that time, in order to develop a positive perception of their policy in Tibet. The problem for the Chinese side was to find the most effective methods of transmitting the necessary information to specialists, and timely responding to possible ideological deviations from the “correct” understanding of the causes of the uprising by specialists. Ultimately, the bet was placed on familiarizing specialists with the article “The Revolution in Tibet and the Philosophy of Nehru” published in 1959 in the printed edition of the CPC Central Committee “People’s Daily”, which set out the official point of view of the Chinese side on these events. The report of the Department of Foreign Affairs under the Government of Shaanxi Province dated May 20, 1959, shows both the process of transferring the Chinese point of view to the uprising to specialists, and recording their reactions to this information, followed by an explanation of the “correct” essence of what is happening. The task seems to be relevant for us definitions of the semantic content of the Chinese point of

view on the events in Tibet, broadcast to Soviet specialists. At the same time, we will try to determine what role the “big leap” policy played in resolving the Tibetan crisis, in the opinion of the Chinese side?

Keywords: Soviet specialists, popular unrest in Tibet, Shaanxi province.

После прихода к власти в Китае коммунистов в 1949 г. Тибет вплоть до октября 1951 г. оставался фактически не подконтрольной Пекину территорией, и лишь после подписания «Соглашения о методах мирного освобождения Тибета» с местным правительством, Народно-освободительная армия Китая вошла в Лхасу. В дальнейшем, в 1956 г. был учрежден Подготовительный комитет по образованию Тибетского автономного района, и лишь в 1965 г. был официально создан сам район. С началом политики «большого скачка» в Китае, в Тибете, наряду с Нинся-Хойским и Синьцзян-Уйгурским автономными районами, центральное китайское правительство не стало создавать народные коммуны, что указывает на то, что данные территории к концу 1950-х гг. не воспринимались китайскими властями как надежная база для реализации политических инициатив [История Китая, с. 386].

Тем не менее с началом деградации всего народного хозяйства в Китае в результате проводимой политики «большого скачка» в Тибете произошло нарастание недовольства среди местного населения, что привело в конечном счете к антикитайскому восстанию в 1959 г. Китайская же историография усматривает ключевую причину данного происшествия в том, что «местное правительство Тибета и реакционная группировка верхушки в сговоре с империализмом и при вмешательстве из-за рубежа осуществили так называемую независимость Тибета и подняли вооруженный мятеж», указывая на внешнюю причину восстания [Лу Сючжан, с.183].

Дело осложнялось еще и тем, что Тибет был традиционной сферой политического и религиозного влияния Индии, что ухудшало китайско-индийские отношения, определенное налаживание которых произошло только после достижения с Индией в апреле 1954 г. «Соглашения о торговле и связях Тибетского района Китая с Индией», позволившего смягчить ситуацию в отношениях двух соседних государств. Несмотря на то, что пограничные споры были, по сути, отложены на будущее (в 1962 г. они привели к военному столкновению), индийское руководство окончательно признало Тибет территорией Китая [История Китая, с. 492].

Тем не менее после подавления китайскими войсками восстания и бегства духовного лидера Тибета далай-ламы и тысяч тибетцев в Индию и Непал в марте 1959 г. индийско-китайские отношения вновь серьезно обострились. Деликатность ситуации состояла в том, что Индия находилась на тот момент в дружественных отношениях с Советским Союзом, с Китаем же СССР связывал более формальный статус союзного государства. И несмотря на постепенное ухудшение советско-китайских отношений во второй половине 1950-х гг., Китай рассчитывал на советскую поддержку в споре с Индией. В это же время, в разгар «большого скачка» в Китае находилось большое количество советских специалистов, помогавших китайцам создавать современную промышленность. Специалистов посредством

идеологической работы пытались приобщить к политике скачка, где ведущая роль по передаче идеологических постулатов была отдана работавшим с ними китайским переводчикам. Те же самые переводчики должны были передать специалистам китайское понимание событий в Тибете.

Китайской стороне было необходимо как на межгосударственном уровне советско-китайских отношений, так и на уровне межличностного взаимодействия с советскими специалистами добиться единодушия и поддержки от советской стороны. Поэтому, когда в мае 1959 г., буквально через 2 месяца после того, как в Тибете начались народные волнения, в Пекине была опубликована официальная точка зрения китайских властей на данный инцидент в газете «Жэньминь жибао», данную информацию поспешили донести до советских специалистов. Одновременно с этим работавшим с советскими специалистами китайским переводчикам было дано указание по сбору мнений и реакций специалистов как на данную статью, так и на события в Тибете в целом с последующим разъяснением «правильной» точки зрения [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. с. 123].

На момент начала политики «большого скачка» в центральном городе Сиань, уездных городах Баоцзи и Синпин провинции Шэньси находилось больше 100 советских специалистов, которые были заняты в основном на военном производстве, помогая китайской стороне производить высокотехнологичную по тем временам продукцию, куда входило стрелково-пушечное вооружение и различные системы наведения к ним, авиационное оборудование, двигатели для кораблей и подводных лодок и т. д. [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. с. 123]. С началом политики скачка, когда Китай начал активно отходить от советской модели построения социализма и искать собственный путь развития, находившиеся в Шэньси советские специалисты стали испытывать трудности как в межличностном отношении с китайцами, так и в ходе осуществления производственного процесса на предприятиях провинции. В этом непростом взаимодействии двух сторон в мае 1959 г. в Сиань приходит указание центральных властей Китая о необходимости в срочном порядке проинформировать специалистов о ситуации в Тибете.

В документе под грифом «совершенно секретно» за № 26 от 20 мая 1959. под названием «Реакция советских специалистов на проблему Тибета» китайская сторона указывает, что «после публикации в “Жэньминь жибао” статьи – “Революция в Тибете и философия Неру”, мы сразу же донесли ее содержание до советских специалистов» [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. с. 123]. Стоит обратить внимание на то, что, описывая восстание в Тибете, китайская сторона в названии данной статьи использовала термин «революция» (гэмин 革命), который несет скорее позитивное и прогрессивное значение, и не стала использовать негативно окрашенные термины «бунт» или «мятеж» (паньлуань 叛乱), хотя в самом тексте статьи все участники восстания в Тибете клеймятся «изменниками Родины». Ответ на причину выбора данного термина мы находим тут же в статье, где указано: «Кровавый конфликт, вызванный повстанцами, завершившийся их позорным поражением, прекратился на большей части Тибета. Сейчас Тибет

переживает мирную революцию. Это демократическая реформа, которую большинство тибетского народа давно ждало и настоятельно требовало, как указано в резолюции Всекитайского собрания народных представителей. Тибетская революция в настоящем есть продолжение Народной революции, которая прокатилась по материковому Китаю» [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. с. 123]. Как можно заметить, в начале статьи китайская сторона указывает, что причиной событий в Тибете стало вмешательство внешних империалистических и враждебных сил, целью которых было противодействие осуществлению революции «большого скачка» в Китае. Но несмотря на это, по мнению китайцев, революция «большого скачка» смогла преодолеть эту проблему, что доказывает ее эффективность. Данную идею о том, что политика «большого скачка» – это не только революционный метод народного хозяйствования, но еще и эффективный инструмент по решению вопросов территориальной целостности и устранению угроз империалистического вмешательства во внутренние дела Китая, на примере подавления восстания в Тибете китайские власти старались донести до находившихся в Шэньси советских специалистов в 1959 г.

К примеру, в анализируемом нами китайском архивном документе указано, что ряд советских специалистов, работавших на заводе электроконденсаторов в Шэньси, прослушав разъяснения китайского переводчика по поводу событий в Тибете, высказались следующим образом: «Раньше мы полагали, что у политики Китая по отношению к Тибету существуют проблемы. Прослушав же китайскую статью, мы поняли, что подавление мятежа в Тибете – это проявление прогрессивных качеств китайской революции» [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. с. 123]. Специалист Медведев после заслушивания статьи сказал: «В этот раз Индия не сможет противопоставить Китаю что-нибудь действительно стоящее. Тибет – это очень отсталое, крепостное общество. Китайцы там усмирили мятеж, и это яркое проявление прогрессивности революции “большого скачка”» [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. с. 123]. В зачитываемой специалистам статье делался также акцент на высказываниях Джавахарлала Неру по поводу восстания в Тибете, где он выражает сочувствие «стремлению тибетцев к автономии» и выступал против так называемого «вооруженного вмешательства» Китая. В тексте статьи «Жэньминь жибао» указывалось, что Неру высказался в духе «Мы не хотим вмешиваться в дела Тибета; мы очень надеемся сохранить дружбу между Индией и Китаем; но в то же время мы сочувствуем тибетскому народу и очень опечалены его тяжелым положением. Мы все еще надеемся, что китайские власти займут мудрую позицию и не будут использовать свою огромную власть для борьбы с тибетцами» [Революция в Тибете и философия Неру, 1959]. На данное замечание советский специалист Алёшин с 212 завода в Сиане заметил: «Не понимаю, почему Неру в последнее время ведет себя столь энергично! Эта китайская статья достаточно дружелюбно настроена по отношению к Неру. Да я и сам к Неру отношусь достаточно хорошо» [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. с. 124].

Когда тому же специалисту Медведеву с завода электроконденсаторов в Шэньси зачитали отрывок из статьи, где говорилось, что «возможно, будет не-

приятно снова упоминать этот пункт. Но, в конце концов, правда есть правда. Как можно утверждать, что индийское правительство никогда не вмешивалось в дела Тибета!? К сожалению, это вмешательство в той или иной форме продолжается и сейчас» [Революция в Тибете и философия Неру, 1959], на что специалист сказал: «Оказывается Неру противостоит Китаю! Этим самым он противостоит всем социалистическим государствам, в том числе и противостоит Советскому Союзу» [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. с. 124].

Далее специалистам было зачитано, что индийское правительство настаивало на том, что Далай-лама был похищен не повстанцами, а сам являлся лидером повстанцев. На это советский специалист, работавший в Университете путей сообщения города Сиань, заявил китайскому переводчику, что, на его взгляд, подобные действия Далай-ламы выглядят очень странными и сомнительными. Специалист заявил, что для него вполне очевидно, что Далай-лама не может возвратиться в настоящий момент в Лхасу, так как для Неру он является лидером повстанцев. Когда китайский переводчик добавил, что Неру вполне определенно сочувствует повстанцам, специалист ответил, что это похоже на правду, но как бы там ни было, специалист посчитал Неру хорошим человеком. Однако китайский переводчик заявил на это, что скорее всего, все антикитайские речи для выступления Далай-ламы были написаны с одобрения Неру, тогда специалист, изменив свое мнение сказал: «Как Неру может быть таким плохим человеком!? В прошлом он приезжал в СССР, и я сопровождал его при посещении нашего исследовательского института. Однако все это несущественно! Китай даст ему острастку. Если Неру так относится к Китаю, то как же он тогда относится к Советскому союзу!? СССР помог Индии в строительстве, наверное, в будущем они забудут нашу поддержку» [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. с. 124]. Специалист 道尔基诺夫 (Дарзинов?) заявил китайскому переводчику: «Меня очень заинтересовала ваша статья в газете. Мое мнение полностью совпадает с точкой зрения этой статьи» [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. с. 123].

Далее китайский переводчик сообщил специалистам, что в настоящее время ханьцы в Тибете призваны не угнетать и эксплуатировать этнические меньшинства, а работать с революционными кадрами местных этнических групп, чтобы помочь местным трудящимся избавиться от угнетателей. Советские специалисты начали интересоваться, существуют ли в Китае другие места, где живут национальные меньшинства с похожей ситуацией? Специалист с 845 завода спросил: «Почему, когда вспыхнул этот мятеж, то повстанцы бежали в Индию?» [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. с. 123]. Другой советский специалист спросил переводчика, было ли время в истории Тибета, когда он обозначался на картах Индии? [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. с. 124]. В документе указано также, что некоторые советские специалисты после прослушивания статьи задавались вопросом, какими маршрутами из-за рубежа повстанцы проникли в Тибет? Высказывали идею, что проблеме Тибета китайцы вполне смогут решить посредством военных методов, и не понимали, почему делается ставка на постепенные реформы [Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. с. 124].

В начале нашей статьи мы указывали, что китайские власти на территории Тибета с началом политики скачка не планировали внедрять коммуны и проводить преобразования в русле нового революционного политического курса, считая данную территорию не вполне надежной для подобных инициатив. Однако восстание 1959 г. давало хороший повод в полной мере вернуть контроль над Тибетом и выдать данную победу как результат эффективности проводимой политики «большого скачка» правительством Китая. Доводя до сведения советских специалистов идею о том, что именно благодаря, а не вопреки политики «большого скачка» получилось вернуть контроль над территорией Тибета, китайцы старались продемонстрировать эффективность данной политики представителям Советского государства в 1959 г. – в год, когда на основной территории Китая эффективность «большого скачка» как новой методики хозяйствования была поставлена под сомнение ввиду серьезного кризиса как в сельском хозяйстве, так и в промышленном производстве.

В то же время, зафиксированная в анализируемом нами документе реакция советских специалистов на события в Тибете, свидетельствует, что китайской стороне удалось, по крайней мере формально, сформировать у них выгодное для себя понимание причин этого восстания, которое стало интерпретироваться как империалистическая угроза всему социалистическому лагерю во главе с Советским Союзом.

Список литературы

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т.VIII. / Отв. ред. Галенович Ю. М. ИДВ РАН. М. : Наука, 2017.

Лу Сючжан. Мэйго дуй Хуа чжаньлюэ хэ сицзан вэньти. Чжунго цансюэ чубаньшэ. 2009.12. 404с. 卢琇章. 1959–1991-美国对华战略和西藏问题. 中国藏学出版社. 2009.12. 404页. (Стратегия США в отношении КНР и Тибета в 1959–1991 гг. Издательство китайских исследований Тибета. Декабрь 2009 г. 404 с.)

1959.05.20. Сулянь чжуаньцзя дуй сицзан вэньти дэ фаньин. Шаньси шэн данъаньгуань: 196–1 – 63–123. 1959年05月20日苏联专家对西藏问题的反映, 陕西省档案馆藏: 196–1 – 63–123. (20 мая 1959 года. Реакция советских специалистов на проблему Тибета. Центральный архив провинции Шэньси: Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. С. 123–124).

Жэньминь жибао бу. Сицзан дэ гэмин хэ Нихэлу дэ чжэсю. Хое Вэнь Сюань [М] Ляонин жэньминь чубаньшэ, 1959. 人民日报部.西藏的革命和尼赫鲁的哲学. 活叶文选[M].辽宁人民出版社,1959. (Печатный отдел «Жэньминь жибао». Революция в Тибете и философия Неру. Хрестоматийное издание [М]. Ляонинское народное издательство, 1959)

The article was submitted on 30.06.2024

СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ: ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА

DOI 10.15826/usos.2024.14.8

УДК 811.581'37:620.9+339.97:620.9(510)+811.581'42+811.581'373.612.2

Ван Суй, Хо Цзиньюй

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ОПЫТ КИТАЯ¹

Аннотация: статья посвящена формирующейся в настоящее время традиции изучения энергетического дискурса в Китае. Это направление научных исследований в Китае находится на начальной стадии развития. В рамках данного направления лингвистические исследования консолидируются в три основных типа: построение исследовательской системы, критический дискурс-анализ (CDA) и критический анализ метафор (CMA); при этом критический дискурс-анализ на основе корпуса (CACDA) занимает доминирующее положение. Исследования нелингвистического характера посвящены преимущественно вопросам энергетической политики, энергетической безопасности, позиционирования стран на международной энергетической арене, конструирования национального имиджа в мировой энергетике. Изучение энергетического дискурса представляет собой теоретически и практически ценное научное направление, имеющее большие перспективы развития.

Ключевые слова: энергетический дискурс; критический дискурс-анализ; критический анализ метафор; корпусная лингвистика

Wang Xu, Huo Jinyu

CURRENT STATE AND PROSPECTS OF LINGUISTIC STUDIES OF ENERGY DISCOURSE: CHINA'S EXPERIENCE

Abstract. The article is devoted to the currently emerging tradition of studying energy discourse in China. This direction of scientific research in China is at the initial stage of development. This direction consolidates linguistic research into three main types: research system construction, critical discourse analysis (CDA), and critical metaphor analysis (CMA); with corpus-based critical discourse analysis (CACDA) occupying a dominant position. Non-linguistic studies are mainly devoted to the issues of energy policy, energy security, positioning of countries in the

¹ Благодарности / Acknowledgments: 本文系2024年广东外语外贸大学研究生科研创新项目“俄罗斯能源话语交际策略研究——以俄罗斯总统普京在‘能源周’国际论坛上的演讲为例”(24GWCXXM-050)阶段性成果 / Эта статья представляет собой результат этапа научно-инновационного проекта аспирантов Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли 2024 года «Исследование коммуникативной стратегии в российском энергетическом дискурсе на примере выступления президента России В. В. Путина на международном форуме «Российская Энергетическая Неделя»» (24GWCXXM-050). This article presents the results of a stage of the 2024 Graduate Student Research and Innovation Program of Guangdong University of Foreign Studies “A Study of the Communicative Strategies in Russian Energy Discourse—on the Example of Russian President V. V. Putin’s Speech at the ‘Russian Energy Week’ International Forum” (24GWCXXM-050).

international energy arena, and construction of national image in the global energy sector. The study of energy discourse is a theoretically and practically valuable scientific direction with great prospects for development.

Keywords: energy discourse; critical discourse analysis; critical analysis of metaphors; corpus linguistics

Введение

Энергетика – это основа современной экономики, играющая важную роль не только в экономическом развитии страны, но и в обеспечении национальной безопасности. После промышленной революции XIX в. экономическая значимость различных источников энергии неуклонно возрастала. В последние десятилетия влияние энергетики на развитие экономики стало во многом определяющим. К настоящему времени энергетическая сфера приобрела геостратегическую значимость, став одним из ключевых факторов не только экономической жизни, но и внешней и внутренней политики государств, в том числе в области безопасности и обороноспособности. Однако резкое увеличение объемов и темпов потребления энергии во всем мире оказывает негативное влияние на окружающую среду и служит важнейшей причиной изменения климата на планете. Данное влияние становится все более значительным, вызывая опасения специалистов; в связи с этим энергетика находится в центре внимания ученых, занимающихся исследованиями геополитики, международных отношений, экономического развития и глобального управления в условиях изменения климата.

На рубеже XX–XXI вв. в странах Запада начали развиваться и быстро приобрели популярность гуманитарные исследования в области энергетики (Energy Humanities). Западные исследования оказали влияние на китайских ученых, начавших в связи с этим активно изучать проблемы энергетического сектора, в частности, в рамках социально-гуманитарных наук. В настоящее время отечественные исследования в данной области в основном сосредоточены на проблематике энергетической политики, энергетической культуры, энергетического права. Однако в последние годы в Китае также появилось немало исследований энергетического дискурса. Объект – выраженная в речевом общении система взглядов и идей, проявляющих отношение его участников к энергетическим ресурсам и энергопотреблению. Соответствующие идеи, оценки и ценностные ориентиры индивидов и социумов получают отражение в энергетическом дискурсе, представленном в средствах массовой информации [Чжао Сюфэн, Цао Чуньхуа 2020].

Текущее состояние исследований энергетического дискурса в Китае

Существует тесная причинно-следственная связь между потреблением энергии и глобальным изменением климата. В 1979 г. в Женеве состоялась Первая Всемирная климатическая конференция, на которой впервые был поднят вопрос о повышении температуры в климатической системе Земли и глобальном потеплении. Изменение климата в условиях неуклонного повышения уровня индустриализации и широкомасштабного потребления энергии становится актуальной экологической проблемой, и, как следствие, энергетический дискурс начина-

ет привлекать внимание академического сообщества. На Западе энергетический дискурс становится объектом специальных исследований, там появляется большое количество соответствующих научных работ. В последнее десятилетие число таких исследований западных ученых заметно увеличилось. В Китае изучение энергетического дискурса началось намного позже. В начале XXI в. в китайских научных периодических изданиях стали появляться первые статьи, которые так или иначе затрагивали проблематику, связанную с энергетическим дискурсом. В этих статьях рассматриваются вопросы энергетической безопасности, влияние энергопотребления на глобальное потепление и изменение климата, политические и экономические аспекты использования энергетических ресурсов.

Несмотря на быстро растущий интерес ученых Китая к новому направлению исследований, в китайской научной литературе долгое время не существовало единого, общепринятого толкования термина «энергетический дискурс». Первая попытка определить данное понятие, описать методы и выделить аспекты изучения энергетического дискурса была предпринята китайским ученым Чжао Сюфэн. Опираясь на концепцию дискурса, выдвинутую Рут Водак [Wodak], энергетический дискурс рассматривается Чжао Сюфэн как дискурс, связанный с производством, транспортировкой и потреблением энергии; с мерами внешней и внутренней политики, касающимися энергетической отрасли; со стратегическим планированием получения и потребления энергии и со многими другими вопросами аспектами сферы энергетики, в том числе с конкретными видами энергии. Энергетический дискурс понимается как социально-коммуникативная практика, основывающаяся на политических и социально-экономических позициях и отражающая отношения между энергетическими ресурсами и человеческим обществом [Чжао Сюфэн 2018].

Опыт определения понятия «энергетический дискурс» имел чрезвычайно важное значение для развития разнообразных лингвистических исследований энергетического дискурса в Китае. Затем были охарактеризованы методы и направления изучения энергетического дискурса, выявлены его важнейшие особенности. Тем самым была заложена основа для дальнейших исследований в данной сфере. После этого китайские лингвисты начали исследовать взаимосвязь между энергетическим дискурсом и стоящими за ними силами. На фоне высокой значимости вопросов потребления и использования энергии для сферы международных отношений и геополитики большой интерес к энергетическому дискурсу проявляют и представители других областей гуманитарного и социального знания: политологи, социологи, экономисты, историки, философы. В настоящее время многие исследования энергетического дискурса носят комплексный характер, что обусловлено сложностью и многоаспектностью самого объекта изучения.

Настоящая работа посвящена общей характеристике современного состояния изучения энергетического дискурса китайскими учеными. Главным методом исследования является корпусный анализ текстов. Суть данного метода заключается в анализе слов и словосочетаний с высокой частотой репликации, позволяющем определить вербальные характеристики дискурса, в нашем случае – энергетического. Поиск данных о научных публикациях по тематическому запросу «энергети-

ческий дискурс» производился с помощью крупнейшей научно-информационной платформы Китая – CNKI (China National Knowledge Infrastructure). Параметры поиска: научная область – социально-гуманитарные науки, язык – китайский, период выхода публикаций – 1979–2023 гг. В результате поиска была получена информация о 85 научных публикациях. После детального изучения аннотаций, анализа библиографических списков, исключения из них новостных репортажей и интервью, количество публикаций сократилось до 64. Распределение отобранных исследовательских работ по годам выхода показало общую тенденцию к росту их числа в течение последних 15 лет. Повышение интереса ученых к проблематике, связанной с энергетическим дискурсом, отмечается в 2018 году, когда вышло семь соответствующих публикаций; при этом в предшествующее десятилетие ежегодно появилось не более двух статей. В начале 20-х годов произошло резкое увеличение количества исследований энергетического дискурса. В настоящее время интерес китайских исследователей к энергетическому дискурсу остается весьма значительным.

Для анализа ключевых слов и визуализации взаимосвязей между отобранными научными работами был использован программный инструмент CiteSpace 6.2.4. Обработка текстов показала, что в центре внимания исследователей находятся такие аспекты энергетической сферы, как энергетическая безопасность, энергетический переход, формирование национального имиджа посредством энергетического дискурса. Лингвистическое исследование данных текстов должно осуществляться с применением методов критического дискурс-анализа, корпусного анализа, контент-анализа, критического анализа метафор. Анализ лексико-фразеологического наполнения текстов показал, что к наиболее часто встречающимся единицам относятся следующие: «энергетический дискурс» (26 раз), «корпус-анализ» (9 раз), «дискурс-анализ» (7 раз), «национальный имидж» (5 раз) и «энергетическая безопасность» (5 раз). Следует отметить, что для получения репрезентативных показателей частотности ключевых слов и выражений оптимальное количество анализируемых с помощью программного инструмента CiteSpace 6.2.4 статей должно находиться в диапазоне от 200 до 300, следовательно, указанные выше результаты в силу сравнительно небольшого числа рассматриваемых публикаций являются недостаточно информативными.

Основные направления исследований энергетического дискурса в Китае

Результаты анализа публикаций китайских ученых по вопросам, связанным с энергетическим дискурсом, позволяют выделить три основных направления в рамках обсуждаемой сферы исследований.

Построение исследовательской системы. Как уже было сказано выше, в период до 2018 г. лишь немногие китайские ученые проявили интерес к энергетическому дискурсу; среди них необходимо назвать прежде всего исследователей, таких как Ли Синьлэй (2013), Фэн Цзеюнь (2014), Цянь Юйфан (2016). Основные вопросы, которые обсуждались в научных публикациях данного периода, были связаны с энергетической безопасностью, изменением климата и защитой окру-

жающей среды. Впервые термин «энергетический дискурс» был употреблен Чжай Шилэем. В соответствующей статье он пишет об обсуждении проблем энергетической сферы на международном уровне, но при этом не дает четкого определения понятия энергетического дискурса [Чжай Шилэй]. Опираясь на взгляды французского философа и политического деятеля Мишеля Фуко и теорию дискурса, Чжао Сюфэн в статье 2018 г. выделила энергетический дискурс в самостоятельный объект лингвистических исследований, впервые предложила определение энергетического дискурса, выявила его типы, назвала методы его изучения.

В китаистике методология исследований энергетического дискурса сформировалась на основе международного опыта изучения данного объекта. Чжао Сюфэн и Цао Чуньхуа, изучив историю развития западных исследований, касающихся энергетики как области социальной жизни, отмечают, что исследования энергетического дискурса носят социально-гуманитарный характер и должны быть отнесены к сфере научных дисциплин, изучающих энергетические аспекты жизни общества и человека [Чжао Сюфэн, Цао Чуньхуа 2020]. Эта работа в значительной степени определила перспективы дискурсивных исследований, связанных с энергетикой. В 2022 г. вышла в свет важная обобщающая работа Сун Бинбин и Чжао Сюфэн, выполненная с применением программного обеспечения CiteSpace для визуализации анализа большого объема научных публикаций, имеющих отношение к энергетическому дискурсу (материал – 727 статей зарубежных авторов, платформа Web of Science, 1980–2021 гг.) [Сун Бинбин, Чжао Сюфэн 2022]. В данном исследовании метод количественного анализа применяется для выявления приоритетных интересов зарубежных лингвистов в области изучения энергетического дискурса. Полученные результаты, в свою очередь, послужили важным ориентиром в процессе формирования направлений исследований.

Критический дискурс-анализ. В настоящее время в Китае большинство исследований энергетического дискурса выполняется в рамках критического дискурс-анализа. Наиболее популярный исследовательский метод при этом – критический дискурс-анализ на основе корпуса. Главная цель данных исследований заключается в том, чтобы обобщить и структурировать характеристики и стратегии энергетического дискурса в разных странах мира, выявить стоящую за дискурсом национальную идеологию, определить его роль в международных политических и экономических отношениях. Чжу Чжэ, Ван Гуйюнь и Хуан Минь, используя метод критического дискурс-анализа, исследовали новостные репортажи основных британских СМИ о вложениях инвесторами КНР капитала в энергетическую промышленность [Чжу Чжэ, Ван Гуйюнь, Хуан Минь]. Результаты данного исследования позволили его авторам сделать вывод о том, что различные британские СМИ демонстрируют очевидно критическое отношение к зарубежным энергетическим инвестициям и развитию энергетики Китая, создавая негативный национальный имидж КНР в своей новостной продукции. Чжао Сюфэн и Лю Чан представили данные корпусного анализа текстов Энергетических Белых книг Китая и США, нацеленного на выявление китайской и американской концепций энергетической политики и связи этих концепций с национальной идеологией и национальными ценностями [Чжао Сюфэн, Лю Чан]. Ван Лэй и Чжоу Цяо выполнили ретроспек-

тивный дискурс-анализ выступлений представителей администрации бывшего президента США Дональда Трампа по вопросам энергетической политики [Ван Лэй, Чжоу Цяо]. Цель этого исследования состояла в прояснении дискурсивных стратегий правительства Д. Трампа в сфере энергетики, в определении причин и последствий энергетической реформы США, в раскрытии роли энергетического дискурса во внутривнутриполитической жизни страны. Чжао Сюфэн и Чжао Линь осуществили корпусный анализ серии выступлений Д. Трампа, посвященных стратегическим направлениям развития энергетической промышленности США [Чжао Сюфэн, Чжао Линь]. Анализ позволил выявить три приоритетных направления: развитие добычи ископаемых энергоносителей, совершенствование энергетической инфраструктуры и научно-технические инновации, обеспечение энергетической безопасности страны. Исходя из этих приоритетов представители администрации Д. Трампа строили свои выступления по вопросам энергетической стратегии США; данные выступления нередко проявляли идеологию энергетической гегемонии. Чжао Сюфэн и Сун Бинбин выполнили дискурсивный анализ текстов, связанных с отчетами о развитии ядерной энергетики и стратегиях формирования национальной идентичности КНР, опубликованных Центром стратегических и международных исследований США – CSIS [Чжао Сюфэн, Сун Бинбин 2021]. Результаты анализа свидетельствуют о том, что американский аналитический центр считает Китай так называемой «другой» страной, которая угрожает возглавляемому США международному порядку в области ядерной энергетики. Сунь Сюли рассматривает процесс создания имиджа предприятия Китайской национальной нефтяной корпорации с помощью новостей, опубликованных на официальном сайте организации [Сунь Сюли]. В 2022 г. Ван Цзинтань провела исследование методом корпусного анализа текстов, посвященных энергетическому дискурсу администрации действующего президента США Джо Байдена [Ван Цзинтань]. Автор исследования отмечает, что главное направление энергетического дискурса США на современном этапе связано с идеологией развития энергетической сферы за счет возобновляемых источников энергии с целью сохранения экологического равновесия на планете. Поскольку полноценный переход крупных промышленно развитых стран к так называемой «зеленой энергетике» в ближайшие десятилетия едва ли возможен, педалирование данной темы в американском официальном энергетическом дискурсе свидетельствует о стремлении политического руководства США манипулировать сознанием обычных людей во всем мире ради обеспечения американской гегемонии в энергетической сфере.

Исследований энергетического дискурса на основе критического дискурс-анализа немало. Однако большинство из них посвящено дискурсам Китая, США и стран Европы, в то время как дискурсу России, одной из мировых энергетических держав, уделяется явно недостаточное внимание. В китайских научных периодических изданиях последних лет опубликовано лишь несколько исследований энергетического дискурса РФ. Например, Сунь Мяо анализирует изменения в лексике существующих четырех редакций «Энергетической стратегии России» с использованием программного обеспечения Antconc (3.5.8) [Сунь Мяо]. Рассматривая причины этих изменений, автор статьи отмечает, что энергетиче-

ская стратегия России направлена на поддержание национальной энергетической безопасности и содействие экономическому развитию; в стратегии подчеркнута значимость технологических инноваций, подготовки кадров и международного сотрудничества в области энергетики. Кроме того, автор предлагает конкретные практические меры, способствующие углублению сотрудничества между Китаем и Россией в энергетической сфере. В условиях осуществляемого в настоящее время «поворота на Восток» российской энергетической политики и активизации взаимодействия Китая и России в энергетике всестороннее изучение российского энергетического дискурса становится весьма актуальным.

3.3 Критический анализ метафор

Критический анализ метафор (СМА) – сравнительно новый подход к изучению дискурса, в последние годы все больше привлекающий внимание ученых. Некоторые китайские исследователи, используя в качестве источника материала новости официальных СМИ в области энергетики, сопоставляют метафоры в китайских и в зарубежных энергетических дискурсах с целью выявления различий между когнитивными механизмами носителей разных языков и определения факторов, влияющих на выбор метафор. Опираясь на теории концептуальной метафоры, Лю Ян осуществил критический анализ метафор в дискурсах энергетической безопасности, опубликованных различными международными энергетическими организациями [Лю Ян]. В исследовании показана связь между выбором метафор и позициями, интересами и идеологиями данных организаций. В 2022 г. Фу И провел исследование с помощью корпусного анализа текстов новостных репортажей двух авторитетных СМИ – «China Daily» и «The New York Times» – с целью сравнения используемых в этих текстах ключевых концептуальных метафор [Фу И]. Автор исследования характеризует когнитивные механизмы метафористики энергетических дискурсов Китая и США посредством распознавания, понимания и интерпретации используемых в них повторяющихся метафорических моделей; это способствует выявлению механизмов метафорического смыслообразования в энергетическом дискурсе. Пэн И и Ло Бэй работают над созданием малого корпуса новостей о возобновляемых источниках энергии в Китае и в США за последние десять лет. В анализе политических метафор в новостных репортажах СМИ двух стран они используют дискурсивный подход. Цель данной работы – выяснение причин, по которым китайские и американские СМИ используют разные метафорические переносы в новостях на одну и ту же тему [Пэн И, Ло Бэй]. Чжан Юаньюэ и Чэнь Цзинин провели параллельное исследование метафор в Энергетических Белых книгах Китая и Великобритании [Чжан Юаньюэ, Чэнь Цзинин]. Исследование показало, что в Белой книге Китая в основном используются метафоры конкурентного взаимодействия и метафоры архитектуры, отражающие коллективистские ценности китайского народа; в британском документе употреблены, главным образом, когнитивные контейнерные метафоры и военные метафорические модели, принципиально способствующие демонстрации гегемонистской политической позиции.

Востребованность критического анализа метафор при изучении дискурса неуклонно возрастает. По мнению многих китайских лингвистов, это направление

исследований имеет большие перспективы [У Цзяньго, Ли Хаоцяо]. Однако количество имеющихся отечественных исследований в данной области невелико, а внимание исследователей сосредоточено преимущественно на сопоставлении метафор в китайских и английских текстах. Необходима активизация исследований метафорических моделей, в том числе с привлечением русского текстового материала.

Следует отметить также, что существует немало политологических исследований, касающихся энергетического дискурса как фактора международной политики. В данных работах в основном обсуждаются вопросы международных отношений, геополитики, формирования национального имиджа и т. п. Исследовательский интерес фокусируется на темах энергетической политики, энергетической безопасности и энергетического права. Так, Чжэн Шигао, рассматривая официальный дискурс в качестве важного средства поддержания энергетической безопасности, анализирует эволюцию коннотации понятия «энергетическая безопасность», исследует связь между изучением дискурса и изучением энергетических проблем и приходит к выводу о том, что энергетическая безопасность является ключевой категорией сферы энергетики – категорией, находящейся в фокусе энергетических стратегий различных стран. Дискурс на тему энергетической безопасности не только отражает, но и формирует социальную реальность [Чжэн Шигао]. Гэ Цзиншэнь пишет о том, что энергетический дискурс, главным образом, дискурс энергетической безопасности, является ключевым инструментом “мягкой энергетической силы” страны. Обеспечение энергетической безопасности предполагает формирование и поддержание соответствующего национального имиджа. Аналогичным образом, формирование и поддержание национального имиджа требует непрерывного конструирования дискурса энергетической безопасности [Гэ Цзиншэнь].

Рассмотрение энергетического дискурса в рамках политологических исследований способствует выявлению стоящих за ним идеологии, систем политических и экономических приоритетов. Дискурсивный анализ, несомненно, весьма широко применяется и в собственно лингвистических исследованиях. Объединение теорий и методов политологии и лингвистики делает изучение энергетического дискурса принципиально междисциплинарной сферой научного творчества, весьма важной и перспективной.

Основные особенности исследований энергетического дискурса в Китае

История исследований энергетического дискурса в Китае демонстрирует следующие особенности:

– полноценная исследовательская система еще не создана. Несмотря на определенные достижения китайских ученых в этом деле, исследовательская система как таковая пока находится на этапе становления;

– междисциплинарные работы стали основным типом исследований энергетического дискурса. Социально-гуманитарные исследования, касающиеся энергетики, все более популярны. Энергетический дискурс привлекает внимание лингвистиков, политологов, экономистов, социологов, юристов, психологов, философов.

фов, социальных антропологов и представителей других областей социального и гуманитарного знания;

– критический дискурс-анализ на основе корпуса является основным методом изучения энергетического дискурса. Сочетание количественного анализа и качественного исследования делает результаты работы с дискурсом более объективными и более эффективными в выявлении связей между языком, идеологией и политической силой, стоящей за дискурсом;

– большинство китайских ученых занимается исследованиями энергетического дискурса западных стран, таких как Великобритания, Германия, Франция, США. Однако Россия, являющаяся одной из крупнейших энергетических держав мира, испытывает дефицит внимания со стороны китайских специалистов. Многоязычные ресурсы энергетического дискурса нуждаются в активном и глубоко исследовании.

Заключение

В условиях жесткой международной экономической и политической конкуренции сфера энергетики обладает чрезвычайно высокой значимостью. Энергетический дискурс, выражающий позиции людей, сообществ, государств, организаций по энергетическим вопросам, является важным инструментом не только экономических отношений, но и политической борьбы, в том числе на международном уровне. В настоящее время изучение энергетического дискурса в Китае находится еще на начальном этапе, исследования этого дискурса с использованием лингвистических теорий и методов начались сравнительно недавно. Несмотря на достигнутые в этой области успехи, полноценная исследовательская система пока не сформирована. Необходимо активизировать развитие междисциплинарных исследований и исследований дву- и многоязычного энергетического дискурса. Изучение связи между энергетическим дискурсом и стоящей за ним идеологией имеет не только научно-теоретическую, но и практическую – политическую, экономическую, стратегическую – ценность. Развитие данного направления исследований принципиально способствует как усилению влияния Китая на международной экономической арене, так и укреплению им своей энергетической безопасности.

Список литературы

Чжао Сюфэн 赵秀凤, Цао Чуньхуа 曹春华. Гуманитарное исследование в области энергетики: новая развивающаяся междисциплинарная область исследований 能源人文: 一个新兴的跨学科研究领域 [J] // Вестник Китайского нефтяного университета (Серия социальных наук) 中国石油大学学报(社会科学版). 2020, 36 (03). С. 25–34.

Чжао Сюфэн 赵秀凤. Система и сфера исследования энергетического дискурса 能源话语研究的体系与范畴 [J] // Вестник Тяньцзиньского университета иностранных языков 天津外国语大学学报. 2018(03). С. 63–77.

Ли Синьлэй 李昕蕾. Экологизация в системе энергетической безопасности Китая и ее влияние на энергетическую и климатическую дипломатию 中国能源安全观念的绿化及其对能源和气候外交的影响 [J] // Отчет о международной стратегии Университета Фудань 复旦国际关系评论. 2013 (01). С. 243–289.

Фэн Цзеюнь 冯捷蕴. Исследование дискурса в экологических новостных репортажах США – на примере «Копенгагенского саммита по климату»美国环境新闻报道的话语研究—以“哥本哈根气候峰会”为例[J] // Журнал иностранных языков外语学刊. 2014 (05). С. 154–158.

Цянь Юйфан 钱毓芳. Исследование построения дискурса о низкоуглеродной экономике в основных британских газетах英国主流报刊关于低碳经济的话语建构研究[J] // Иностранные языки и преподавание иностранных языков外语与外语教学. 2016(02). С. 25–35.

Чжай Шилэй 翟石磊. Международный энергетический дискурс о Китае и построение китайской дискурсивной системы国际涉华能源话语与中国话语体系构建[J] // Внешняя коммуникация对外传播. 2014 (01). С. 45–47.

Сун Бинбин 宋冰冰, *Чжао Сюэфэн* 赵秀凤. Визуальный графический анализ исследований зарубежного энергетического дискурса国际能源话语研究的可视化知识图谱分析[J] // Исследование дискурса话语研究论丛. 2022, (01). С. 40–59.

Чжу Чжэ 朱哲, *Ван Гуйюнь* 王桂云, *Хуан Минь* 黄敏. Критический анализ новостного дискурса о зарубежных инвестициях и развитии энергетики Китая – на примере новостей британских СМИ对中国海外能源投资开发报道的批评话语分析—以英媒为例[J] // Современная филология (Серия исследования языков) 现代语文(语言研究版). 2016 (10). С. 135–140.

Чжао Сюэфэн 赵秀凤, *Лю Чан* 刘畅. Сравнительное исследование дискурсов, представленных в китайских и британских Энергетических Белых книгах, с точки зрения международного экологического дискурса – критический анализ-дискурс на основе корпуса 国际生态话语视角下中英能源白皮书话语对比研究—基于语料库的批评话语分析[J] // Вестник Пекинского университета науки и технологий (Серия социальных наук) 北京科技大学学报(社会科学版). 2020, 36 (06). С. 17–25.

Ван Лэй 王磊, *Чжоу Цяо* 周乔. Энергетический дискурс и внутриполитическая игра США – Исследование стратегии энергетического дискурса администрации Дональда Трампа на основе дискурсивно-исторического анализа 能源话语与美国国内政治博弈—基于话语-历史分析法的特朗普能源话语策略分析[J] // Вестник Китайского нефтяного университета (Серия социальных наук) 中国石油大学学报(社会科学版). 2021, 37 (01). С. 36–45.

Чжао Сюэфэн 赵秀凤, *Чжао Линь* 赵琳. Исследование дискурса энергетической стратегии администрации Трампа – критический анализ дискурса на основе корпуса 特朗普政府能源战略话语研究—一项基于语料库的批评话语分析[J] // Вестник Китайского нефтяного университета (Серия социальных наук) 中国石油大学学报(社会科学版). 2021, 37 (01). С. 28–35.

Чжао Сюэфэн 赵秀凤, *Сун Бинбин* 宋冰冰. Дискурсивные стратегии конструирования «другого» в связанном с Китаем дискурсе американского аналитического центра по ядерной энергетике, с позиций критического дискурс-анализа美国智库涉华核能话语中“他者”身份建构的话语策略—批评话语分析视角[J] // Иностранные языки и литература外国语言文学. 2021, 38 (04). С. 353–372.

Сунь Сюли 孙秀丽. Исследование стратегии построения идентичности энергетических предприятий на основе критического дискурс-анализа基于语料库的能源企业身份建构的批评话语分析[J] // Преподавание иностранных языков в Шаньдуне山东外语教学. 2021, 42 (05). С. 21–30.

Ван Цзинтань 王靖潭. Исследование отражения национального сознания в энергетическом дискурсе администрации Байдена – критический дискурс-анализ на основе корпуса拜登政府能源话语的国家意识研究—一项基于语料库的批评话语分析[J] // Вестник Китайского нефтяного университета (Серия социальных наук) 中国石油大学学报(社会科学版). 2022, 38 (04). С. 56–64.

Кун Дзянь 孔德亮, *Хань Хуэй* 韩辉. Характеристики дискурса о новой энергетике в газете «The Times» и ценность его исследования – с использованием критического дискурс-анализа на основе корпуса《泰晤士报》的新能源话语特征及镜鉴价值—语料库辅助的批评话语分析[J] // Вестник Китайского нефтяного университета (Серия социальных наук) 中国石油大学学报(社会科学版). 2023, 39 (02). С. 47–55.

Сунь Мяо 孙淼. Эволюция энергетической стратегии России с позиций критического дискурс-анализа и ее значение для китайско-российского энергетического сотрудничества批评话语分析视角下俄罗斯能源战略嬗变及其对中俄能源合作的启示[J] // Вестник Китайского нефтяного университета (Серия социальных наук) 中国石油大学学报(社会科学版). 2022, 38 (01). С. 36–43.

Лю Ян 刘阳. Исследование метафорических структур в дискурсе об энергетической безопасности能源安全话语的隐喻架构研究[D]. Китайский нефтяной университет (Пекин) 中国石油大学(北京). 2018.

Фу И 付义. Сравнительное исследование метафор в энергетических дискурсах, представленных в китайских и в американских СМИ中美媒体能源话语批评隐喻对比研究[D] // Даляньский университет иностранных языков大连外国语大学, 2023.

Пэн И 彭懿, *Ло Бэй* 罗蓓. Сравнительный анализ метафор в китайских и американских новостях о возобновляемых источниках энергии 中美可再生能源新闻报道的批评隐喻对比分析[J] // Иностранные языки и культуры 外国语言与文化. 2022, 6 (01). С. 145–156.

Чжан Юаньюэ 张袁月, *Чэнь Цзинин* 陈纪宁. Сравнительное исследование метафорических структур в китайских и британских энергетических дискурсах – анализ на основе Энергетических Белых книг Китая и Великобритании в 21 веке 中英能源话语隐喻架构对比研究—基于21世纪中英能源白皮书的分析[J] // Вестник Китайского нефтяного университета (Серия социальных наук) 中国石油大学学报(社会科学版). 2023, 39 (01). С. 67–75.

У Цзяньго 武建国, *Ли Сяоцяо* 李灼桥. Критический анализ метафор: границы и перспективы 批评隐喻分析: 前沿与展望[J] // Иностранные языки и преподавание иностранных языков 外语与外语教学. 2023, (04). С. 87–97.

Чжэн Шигао 郑世高. Построение дискурса об энергетической безопасности Китая 中国能源安全的话语建构[J] // Вестник Тяньцзиньского университета иностранных языков 天津外国语大学学报. 2018, 25 (03). С. 87–94.

Гэ Цзиниэнь 葛静深. Логика секьюритизации и формирование национального имиджа в энергетическом дискурсе современного Китая 当代中国能源话语中的安全化逻辑与国家形象建设[J] // Вестник Китайского нефтяного университета (Серия социальных наук) 中国石油大学学报(社会科学版). 2020.

Чжао Сюфэн 赵秀凤. Сетевой анализ социальной практики энергетического дискурса 能源话语的社会实践网络分析[J] // Исследование дискурса 话语研究论丛. 2019, (01). С. 18–31.

Лю Жуйцинь 刘瑞琴, *Лю Кай* 刘恺. Сравнительное исследование китайского и американского дискурсов об энергетической политике в контексте победы Байдена на выборах 拜登当选背景下中美能源政策话语对比研究[J] // Вестник Китайского нефтяного университета (Серия социальных наук) 中国石油大学学报(社会科学版). 2021, 37 (05). С. 24–31.

Wodak R. What CDA Is about—A Summary of Its History, Important Concepts and Its Developments[A]. In: R. Wodak & M. Meyer (eds.) *Methods of Critical Discourse Analysis*[C]. L.: AGE Publications, 2001.

The article was submitted on 21.06.2024

Ю. П. Иванова, Ю. К. Бернгардт

ПОДЪЕМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КИТАЯ – ПРИОРИТЕТ СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ХУБЭЙ)

Аннотация. Диспаритеты в развитии регионов КНР не теряют своей актуальности с момента образования государства и по сегодняшний день. Центральный Китай стал объектом региональной политики в последнюю очередь, пропустив вперед восточные, западные и северо-восточные провинции. Стратегия развития Центра страны начала оформляться и реализовываться во время 11-й пятилетки. Центром подъема должна стать провинция Хубэй, обладающая значительным потенциалом и выгодным стратегическим положением. Последовательная государственная региональная политика в провинции Хубэй реализуется в сфере транспорта, энергетики, развития новых высокотехнологических производств, качественных преобразований базовых отраслей промышленности, интеграции научно-технических и промышленных инноваций, усиления инвестиционной привлекательности, а также учета идей зеленой трансформации. В провинции Хубэй реализованы такие известные нацпрограммы, как «Подъем центральной части» и «Развитие экономического пояса р. Янцзы». Представленный анализ динамики социально-экономических показателей провинции Хубэй подтверждает успешность выбранной стратегии и позволяет утверждать, что Хубэй является «локомотивом» развития всего Центрального Китая. Источниковую базу исследования составляют документы и отчеты на русском, английском и китайском языках, позволяющие проанализировать цели, задачи и реализацию региональной политики в регионах Китая.

Ключевые слова: региональная политика, провинция Хубэй, Центральный Китай, Экономический пояс Янцзы, инвестиции

Yuliya P. Ivanova, Yuliya K. Bergardt

THE RISE OF CENTRAL CHINA – A PRIORITY OF THE COUNTRY’S REGIONAL DEVELOPMENT STRATEGY (BASED ON THE EXAMPLE OF HUBEI PROVINCE)

Abstract. Disparities in the development of regions of the PRC have not lost their relevance since the formation of the state and to this day. Central China became the object of regional policy last of all, giving way to the eastern, western and northeastern provinces. The development strategy of the Center of the country began to take shape and be implemented during the Eleventh Five-Year Plan. Hubei Province, which has significant potential and an advantageous strategic position, should become the center of the rise. Consistent state regional policy in Hubei Province is implemented in the field of transport, energy, development of new high-tech industries, qualitative transformation of basic industries, integration of scientific and technical and industrial innovations, strengthening investment attractiveness, as well as taking into account the ideas of green transformation. In Hubei Province, such well-known national programs as “Rise of the Central Part” and “Development of the Yangtze River Economic Belt” have been implemented. The presented analysis of the dynamics of socio-economic indicators of Hubei Province confirms the success of the chosen strategy and allows us to state that Hubei is the “locomotive” of development of the whole of Central China. The source base of the study consists of documents and reports in Russian, English and Chinese, allowing us to analyze the goals, objectives and implementation of regional policy in the regions of China.

Keywords: regional policy, Hubei Province, Central China, Yangtze river economic belt, investments

Провинция Хубэй находится в центре Китая и в силу своего положения между развитыми восточными и отстающими западными провинциями, а также благодаря наличию относительно развитой транспортной инфраструктуры, энергетики и производственного сектора, Хубэй, а именно его административный центр Ухань, является локомотивом развития всего Центрального района страны.

Современная региональная стратегия Китая исходит из того, что диспаритеты в развитии регионов являются объективным фактом в экономическом и социальном развитии страны. Эти различия, с одной стороны, помогают стимулировать конкуренцию между регионами, но с другой – слишком большой разрыв будет ограничивать развитие всего Китая, негативным образом влияя на социальную справедливость.

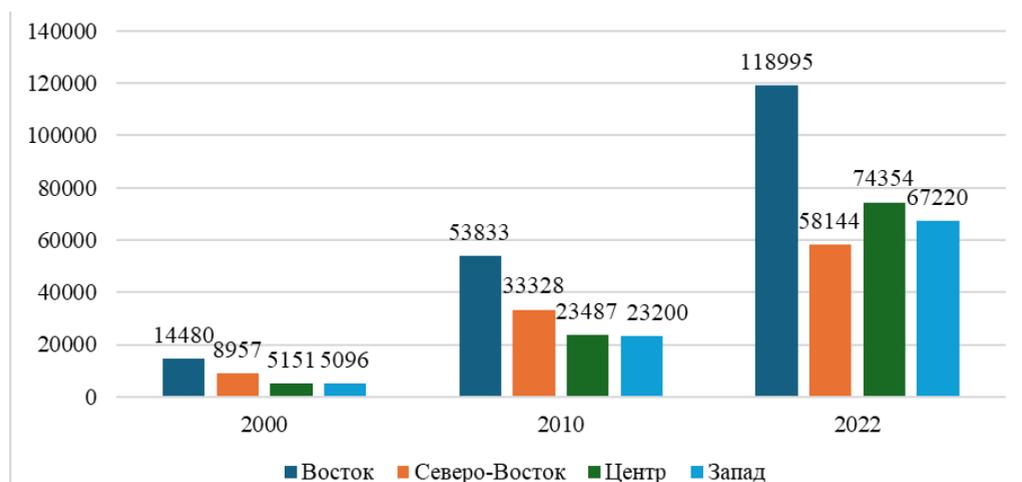

Рисунок 1. ВВП на душу населения в экономических регионах Китая (2000–2022)

ВВП на душу населения в Китае в 2000 г. составлял 7942 юаня на человека, в 2010 г. – 30808 юаней, в 2020 г. показатель вырос до 71828 юаней, а по итогам 2023 г. составил 89358 юаней [Gross Domestic Product]. За указанный период показатель вырос более, чем в 10 раз, что свидетельствует о больших успехах социально-экономической политики страны. Лидером по ВВП на душу населения традиционно остается приморский (восточный) район, показатели остальных районов находятся ниже медианной отметки (рис. 1). ВВП на душу населения в приморских провинциях почти вдвое превышает показатели остальных экономических районов. Также видно, что наибольший прирост душевых показателей наблюдался в центральных провинциях КНР.

Отстающие по уровню социально-экономического развития районы требуют дополнительного финансирования и ресурсов, бедное население испытывает трудности при получении образования и социальных благ, что зачастую приводит к оттоку населения в более благополучные регионы и тем самым тормозит экономический рост всего Китая.

О необходимости развития центра страны в контексте региональной стратегии стали говорить только в начале XXI в. после успешного опыта региональных программ сначала на востоке страны, а затем в западных провинциях и опыта возрождения старых северо-восточных промышленных баз. В 2004 г. китайский премьер Вэнь Цзябао в своем докладе на мартовской сессии ВСНП впервые упомянул о необходимости «подъема центральной части», то есть внутренних (в отличие от приморских) районов [Величко], главными объектами которого выступали провинции Аньхой, Шаньси, Хэнань, Хубэй, Хунань и Цзянси. В марте 2006 г. эта задача была упомянута в резолюции сессии ВСНП «Об одиннадцатом пятилетнем плане» и в некоторых других документах КПК и Госсовета Китая, касающихся региональной стратегии в период действия одиннадцатой пятилетки (2006–2010). Этот план ориентировался на увеличение активов, которыми уже обладает центральный район и поэтому среди основных задач была дальнейшая индустриализация региона, совершенствование транспортной инфраструктуры, развитие потребительской экономики и агломерационного эффекта местных городских центров.

В 2009 г. Государственный совет утвердил «План содействия подъему Центрального Китая», а Си Цзиньпин во время своего визита в провинцию в 2013 г. призвал Хубэй стать центром этого подъема [Factsheet: Hubei Province].

В первой половине 2010 г. китайское руководство подтвердило свои обязательства в отношении продолжения государственной политики «Подъема центральной части». В качестве одного из практических шагов ее реализации можно рассматривать обнародованные 31 августа 2010 г. «Руководящие указания» Государственного Совета Китая относительно перемещения производства во внутренние районы. В данном документе подчеркивается важность передислокации производства во внутренние районы для того, чтобы сохранять конкурентоспособность материального производства и приблизить индустрию в преимущественно аграрные районы, обеспечивая повышение занятости, прежде всего, в высокотехнологичном секторе [Величко]. В рамках реализации данной стратегии доля центральных территорий в добавленной стоимости промышленного производства с 12,7% в 2006 г. увеличилась до 25% в 2018 г. [Чубаров, с. 26].

Дальнейшее свое выражение трансформация региональной политики Китая получила в планах Двенадцатой пятилетки (2011–2015). Сейчас «Возвышение Центрального Китая» вступило во вторую 10-летнюю фазу (2015–2025 гг.). Согласно плану, провинциям Центрального Китая, включая Хубэй, предоставлены льготные условия, такие как внутренняя зона свободной торговли и пилотная реформа урбанизации.

Для диверсификации экономики в 2016 г. ЦК КПК утвердил создание в провинции Хубэй Свободной экономической зоны, целью которой является привлечение инвестиций в регион, в том числе иностранных, создание условий для развития высокотехнологичных отраслей и оптимизации территориальной структуры экономики – формирования промышленных кластеров. Данная свободная экономическая зона специализируется на оптической и лазерной промышленности, также здесь активно развиваются научно-исследовательские базы.

Создание Свободной экономической зоны способствует интеграции научно-технических и промышленных инноваций в Ухане и Сяньяне, а также появлению новых информационных технологий и высокотехнологичного оборудования [24 статьи в поддержку введения политики зоны свободной торговли Хубэй]. Такие проекты помогут перспективным городам региона достичь более высокого уровня в рамках регионального развития и впоследствии стать «фокусами» подъема центральных провинций Китая.

Зона развития новых технологий Дунху является крупнейшей в мире научно-исследовательской базой оптических волокон и кабелей, крупнейшей в стране научно-исследовательской и производственной базой оптических устройств, а также крупнейшей отечественной базой лазерной промышленности [Величко]. С 2013 г. Хубэй стал одним из крупнейших центров производства оптоволокна и получил название «оптической долины». Целью данного проекта является развитие высоких и новых технологий, привлечение иностранных инвестиций и дальнейшее инвестиционное сотрудничество.

В Ухане, в зоне экономического и технологического развития, постепенно сформировался автомобильный кластер, из-за которого город называют «китайским Детройтом». Главным стейкхолдером является одно из самых крупных автомобилестроительных предприятий Китая и крупнейший производитель автомобилей в Хубэе – Donfeng Motor Corporation, а также работают другие китайские автопроизводители и совместные с иностранным капиталом автопредприятия, демонстрирующие колоссальный прогресс в развитии технологий производства электрокаров и автомобилей, работающих на водородном топливе.

К нацпрограммам также относится принятая в 2016 г. программа развития экономического пояса р. Янцзы. Она охватывает огромную территорию, на которую приходится порядка 40% населения и ВРП всей КНР. В рамках этого проекта делается акцент на улучшение экологической обстановки и развитие новых центров роста [Экономический пояс реки Янцзы]. Агломерация Уханя является одной из ключевых в этом проекте, наряду с агломерациями Шанхая и Чунцин-Чэнду. Появившиеся возможности межрегионального сотрудничества способствуют развитию расположенных на берегах Янцзы современных производств, таких как сталелитейная, автомобильная, электронная, нефтехимическая промышленность и др.

Всесторонняя зеленая трансформация и переход к устойчивому развитию «красной нитью» идут через все региональные проекты. Экологические цели прослеживаются не только в проекте экономического пояса р. Янцзы, но и в других инициативах. В октябре 2018 г. Госсовет объявил об учреждении Плана развития эколого-экономического пояса Ханьцзын в области реки Ханьцзын – левого притока Янцзы, открывающего новые возможности для развития в провинции Хубэй [Хроника событий в эволюции стратегии регионального развития провинции Хубэй], а именно модернизация находящихся там производств с учетом экологических норм, влияющих на дальнейшее благосостояние региона и качество жизни населения. Активно развивается чистая энергетика – более половины всей электроэнергии в провинции Хубэй вырабатывается на гидроэлектростанциях, включая известную крупнейшую мировую ГЭС Санься, а также на ветряных и солнечных станциях.

Производственный сектор также придерживается «зеленых» идей и продвигает идеи декарбонизации базовых отраслей. Так, все металлургические предприятия Хубэя к концу 2025 г. должны завершить переход к сверхнизкому выбросу углерода [Китайская провинция Хубэй].

В декабре 2018 г. был разработан план реализации стратегии регионального и промышленного развития, основным содержанием которого является «один главный двигатель, два поддерживающих пояса и координация трех областей». «Два пояса» относятся к поясу развития зеленой экономики и инноваций реки Янцзы, а также к поясу развития высококачественного производства Ханьсяо, Сусян и Тэн. «Три района» включают Демонстративную зону зеленого развития запада провинции Хубэй, Демонстративную зону возрождения и развития равнины Цзянхань и Демонстративную зону трансформации востока провинции Хубэй. Этот план, как и его предшественники, направлен на «озеленение» экономики с целью сокращения загрязнения, вызванного активным ростом промышленности в регионе.

Еще один инструмент региональных преобразований – это грамотная инвестиционная политика. Об инвестиционной привлекательности провинции Хубэй свидетельствует рост проектов как китайских, так и иностранных партнеров, особенно в сфере высоких технологий, промышленных и экологических инноваций. Рост интереса со стороны инвесторов подтверждается, например, подписанием соглашения о стратегическом сотрудничестве между Хубэй и Power Construction Corporation of China (PowerChina). Стороны договорились о том, что PowerChina увеличит инвестиции в Хубэй. Строительство таких крупных проектов, как управление, крупномасштабный транспорт, «Уху Хуанхуан», новый город Ухань будут способствовать качественному экономическому и социальному развитию провинции Хубэй [Дин Яньчжан принял участие в торгово-экономических переговорах].

Проведение подобных мероприятий регионального, государственного и международного уровня в провинции Хубэй позволяет сделать вывод о том, что она, действительно, является важным экономическим центром Центрального Китая, а привлекаемые участники открывают для себя этот перспективный регион как площадку для содействия мощному подъему экономической ситуации в стране. В свою очередь, проекты, принимаемые на форумах, мероприятиях и заседаниях, способствуют сокращению диспаритета регионального развития между Центральным Китаем и лидирующими восточными провинциями.

Для дальнейшего экономического роста провинция Хубэй нуждается в молодых специалистах с высокими амбициями. Большое внимание в Хубэй уделяется подготовке кадров для развития высоких технологий. Так, 21 марта 2023 г. в Чунцине была проведена специальная сессия по возможностям трудоустройства и набору персонала. В данном мероприятии приняло участие более 24 высокотехнологичных предприятия из Уханьской зоны экономического и технологического развития, в том числе проектно-исследовательский институт Dongfeng, Lotus Technology, Lantu Automobile, Уханьский передовой институт наук и технологий и другие [Межпровинциальный набор талантов в Уханьской зоне]. Представленные компании работают в сфере автомобилестроения, производства оборудования, биомедицины, здравоохранения, финансов и инвестиций, новой энергетики и т. д.

Таким образом, предприятия провинции Хубэй привлекают молодых сотрудников, чтобы те развивали свой регион, оставаясь работать в нем и строить свое будущее. Эти меры также способствуют сокращению оттока специалистов в Восточный Китай.

Достиженные результаты способствуют привлечению новых компаний и инвесторов, в том числе из приморского региона страны. Лидирующая позиция в вопросе защиты прав интеллектуальной собственности гарантирует научным сотрудникам и предпринимателям комфортную правовую среду для реализации своей деятельности. Такая мера обеспечивает возможность сокращения разрыва в региональном развитии между провинцией Хубэй и другими экономическими районами.

Региональная политика невозможна без поддержки со стороны государства. В провинции Хубэй был создан фонд экстренной финансовой помощи для малых и средних предприятий размером 500 млн юаней [Китай решительно поддерживает]. Фонд предоставляет предприятиям денежные средства на короткий срок для преодоления трудностей. Создание такого фонда является важным вспомогательным инструментом для поддержки и развития предприятий, особенно в постпандемийный период.

В 2022 г. было анонсировано, что единовременная субсидия в размере 50 тыс. юаней будет предоставлена высокотехнологичным предприятиям и предприятиям, демонстрирующим интеллектуальную собственность, а также единовременное вознаграждение в размере 200 тыс. юаней будет предоставлено пилотным предприятиям, занимающимся внедрением стандартов интеграции индустриализации и системы управления индустриализацией [Статистический бюллетень]. Помимо этого, подоходный налог был уменьшен вдвое для малых и средних предприятий с годовой налогооблагаемой прибылью от 1 до 3 млн юаней. Такие меры государственной поддержки являются фактором создания благоприятной бизнес-среды в провинции, что, в свою очередь, обеспечивает увеличение капитала за счет привлечения новых субъектов экономики в регионе.

Согласно сообщениям информагентств, Dongfeng Motor в марте 2023 г. объявила о том, что правительство запустит кампанию по субсидированию автопроизводителей для снижения цен в провинции Хубэй с участием таких брендов, как Dongfeng Citroen, Dongfeng Honda, Dongfeng Nissan, Dongfeng Fengshen и т. д. [Ряд автомобильных компаний снизили цены]. Такие программы открывают новые возможности для потребителей, повышая уровень их жизни, а также помогают предприятиям выйти на новый уровень развития.

Также существуют и другие субсидии. Например, в 2022 г. было объявлено о субсидии на приобретение транспортных средств на новых источниках энергии, которая составляла 8 тыс. юаней, в то время как на покупку топливных транспортных средств можно было получить субсидию лишь в 3 тыс. юаней [Беглый взгляд]. Такие меры направлены на улучшение экологической ситуации в провинции, повышение ее привлекательности для населения и для бизнеса.

С момента вспышки новой коронавирусной инфекции различные финансовые учреждения провинции Хубэй внедрили более 200 специальных мер поддержки, предоставив предприятиям региона новые кредиты на сумму более 760 млрд юа-

ней. В 2020 г. Zhongbang Bank, первый в стране банк интернет-транзакций, выдал в общей сложности 11,8 млрд малых и микрокредитов, продемонстрировав рост на 149% и заняв первое место в банковской отрасли провинции Хубэй, обслуживая почти 20 тыс. малых и микроклиентов, а процентная ставка по инклюзивным кредитам для малых и микропредприятий была на 1,5 процентных пункта ниже, чем в предыдущие годы. Создание современной финансовой инфраструктуры позволило Хубэю стать региональным финансовым центром.

Региональное развитие невозможно без внедрения цифровой экономики. Руководство провинции активно способствует глубокой интеграции Интернета, больших данных, искусственного интеллекта в экономический сектор, развитию новых форматов, таких как онлайн-экономика, экономика прямых трансляций и облачная экономика [Хроника событий в эволюции стратегии регионального развития провинции Хубэй]. В частности, правительство провинции Хубэй анонсировало «План реализации строительства регионального финансового центра в Ухане (2021–2025)» в рамках концепции «двух контуров» Китая [Создать важный узел во внутреннем цикле].

Мощным инструментом регионального развития является транспорт и транспортная инфраструктура. С одной стороны, это позволяет развивать производства, а с другой – повышает открытость внутренних провинций внешнему миру и способствует расширению экспорта. Хубэй активно интегрируется в инициативу «Один пояс, один путь». Провинция имеет технологические и производственные преимущества в строительстве дорог и мостов. 5 государственных речных портов провинции Хубэй, 5 логистических центров и 15 специально отведенных наблюдательных пунктов для ввоза специальных товаров образуют трехмерную открытую портовую систему, состоящую из воды, суши и воздуха [Содействие формированию новой модели регионального развития]. Система «суша – море – воздух» помогла Уханю стать глобальным центром распределения грузов и важным узловым городом «Пояса и пути».

Опубликованные данные показывают, что уровень развития Хубэя в течение 13-й пятилетки превзошел показатели предыдущих периодов и провинция находится в авангарде Центрального района КНР. Общий ВВП провинции Хубэй в 2023 г. превысил 5,5 трлн юаней, заняв седьмое место в стране по данному показателю. ВВП на душу населения в 2023 г. составил 95538 юаней, что более, чем в 3 раза превосходит показатели 2010 г. и почти в 17 раз показатели 2000 г. По стоимости ВВП на душу населения провинция Хубэй опережает средний показатель по стране и занимает 9-е место среди китайских регионов [Annual by Province].

Региональная политика в провинции Хубэй в XXI в. направлена на качественное развитие региона, ускоренное строительство национальной пилотной зоны для реализации новой модели развития в рамках концепции «двух контуров» Китая, на открытость внешнему миру и рост экспорта, укрепление позиций крупнейшего транспортного хаба внутреннего Китая, развитие «зеленой экономики» и охраны природы. Данная стратегия стала важным толчком для развития центрального региона. Находясь между развитым восточным побережьем и слабым западом, центральный регион в последнюю очередь стал объектом проектов регионального

развития. Несмотря на это, регион имеет большой потенциал, его развитие отражается не только на снижении диспаритета и увеличении качества жизни местного населения, но и способствует экономическому подъему всего государства.

Список литературы

Величко В. В. Внутренние районы Китая в контексте его региональной стратегии // Мировое и национальное хозяйство. 2010. № 3(14). [Электронный ресурс]. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2010/2010-03/vnutrennie-rajony-kitaya-v-kontekste-ego-regionalnoj-strategii> (дата обращения: 16.01.2024).

Ермоленко Г. Китайская провинция Хубэй выпустила план модернизации металлургии // GMK Center. [Электронный ресурс]. URL: <https://gmk.center/news/kitajskaya-provinciya-hubej-vypustila-plan-modernizacii-metallurgii/> (дата обращения 06.06.2024)

Китай решительно поддерживает развитие частного сектора экономики – 2022. / Россия-Китай: Главное // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20221230/kitay-1842431353.html> (дата обращения: 12.01.2024).

Чубаров И. Г. Госпрограммы регионального развития КНР в историческом контексте // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 21–33.

Annual by Province // National Bureau of Statistics of China. [Electronic resource]. URL: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=E0103> (accessed: 12.06.2024).

Factsheet: Hubei Province and Wuhan Municipality // Embassy of Switzerland in China. [Electronic resource]. URL: https://files.chinagoabroad.com/Public/uploads/content/files/201709/Factsheet_Hubei%20and%20Wuhan_30082017_0.pdf (дата обращения: 12.01.2023).

Gross Domestic Product. Per Capita GDP(yuan) / National Bureau of Statistics of China. [Electronic resource]. URL: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01> (accessed: 21.06.2024).

2001–2013年中国各省gdp,人均gdp和从业人数 // 百度文库 [ВВП провинции Китая, ВВП на душу населения и количество работающих с 2001 по 2013 год // Библиотека Байду]. [Электронный ресурс]. URL: https://wenku.baidu.com/view/69a9e22e9e314332386893b4.html?_wks_=1684001014249&bdQuery=%E5%85%A8%E5%9B%BD%E5%90%84%E7%9C%81%E4%BB%BD%E4%BA%BA%E5%9D%87GDP%E6%8E%92%E8%A1%8C+2001 (дата обращения: 17.03.2024).

24条支持湖北自贸区政策出台！本地多股发力走高 – 2020 // 财经头条 [24 статьи в поддержку введения политики зоны свободной торговли Хубэй! Локальные мультисилловые подъемы // Финансовые заголовки]. [Электронный ресурс]. URL: <https://cj.sina.com.cn/articles/view/5115326071/130e5ae77020011ccj> (дата обращения: 14.12.2022).

速看！事关买房、涨工资、免租金、退税 – 2022 // 老感日报. [Беглый взгляд! Речь идет о покупке дома, повышении заработной платы, освобождении от арендной платы, налоговых скидках // Ежедневная газета «Старость»]. [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1733740136286975626&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 16.12.2023).

丁焰章出席“相约春天赏樱花”经贸洽谈暨世界500强对话湖北活动 – 2023 // 电力网 [Дин Яньчжан принял участие в торгово-экономических переговорах и диалоге «Встреча весной, чтобы насладиться цветением сакуры» с 500 крупнейшими предприятиями мира в провинции Хубэй // Энергетическая сеть]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinapower.com.cn/guihuaajianshe/xinwen/2023-03-24/193946.html> (дата обращения: 26.03.2024)

武汉经开区跨省揽才，首站：重庆大学，千余学子递简历 – 2023 // 湖北日报网 [Межпровинциальный набор талантов в Уханьской зоне экономического и технологического развития, первая остановка: Чунцинский университет, более тысячи студентов подали свои резюме // Ежедневный Хубэй онлайн]. [Электронный ресурс]. URL: http://news.cnhubei.com/content/2023-03/22/content_15605804.html (дата обращения: 26.03.2024).

多家车企降价补贴，湖北地区最高补贴金额达9万元 – 2023// 和讯 [Ряд автомобильных компаний снизили цены и субсидии, а максимальная субсидия в провинции Хубэй достигла 90 000 юаней // Hèxùn.hexun.com]. [Электронный ресурс]. URL: <http://stock.hexun.com/2023-03-15/207964803.html> (дата обращения: 22.03.2024).

以区域合作促进区域发展新格局形成 – 2021 // 澎湃新闻. [Содействие формированию новой модели регионального развития через региональное сотрудничество // Péngpài xīnwén. Нарастающие новости]. [Электронный ресурс]. URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_14322943 (дата обращения: 14.12.2023).

打造国内大循环重要节点和国内国际双循环战略重要衔接 湖北金融业确立“双支点”战略 – 2021 // 新浪财经 [Создать важный узел во внутреннем цикле и важную связь между внутренней и международной стратегиями двойного цикла. Финансовая индустрия провинции Хубэй установила стратегию «двойной точки опоры» // Sina.com]. [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1700742037918050400&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 14.12.2023).

2022年湖北省国民经济和社会发展统计公报 – 2023 // 中国经济 [Статистический бюллетень национального экономического и социального развития провинции Хубэй за 2022 год // Экономика Китая]. [Электронный ресурс]. URL: http://district.ce.cn/newarea/roll/202303/17/t20230317_38449437.shtml (дата обращения: 21.03.2024).

湖北区域发展战略演变大事记 – 2022 // 搜狐 [Хроника событий в эволюции стратегии регионального развития провинции Хубэй // Соуху]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sohu.com/a/589129208_119861 (дата обращения: 28.11.2023).

长江经济带// 百度百科 [Экономический пояс реки Янцзы // Энциклопедия Байду]. [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%95%BF%E6%B1%9F%E7%BB%8F%E6%B5%8E%E5%B8%A6/5453694?fr=aladdin> (дата обращения: 28.03.2024).

The article was submitted on 20.07.2024

И. Г. Актамов

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ КНР В ОТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ (на материале Автономного района Внутренняя Монголия)¹

Аннотация. Исследование посвящено анализу особенностей реализации образовательной политики КНР в условиях национальных районов. Образование выступает как основной механизм трансляции и развития культуры. Система образования создает условия для формирования общественных отношений, консолидации общества. Принципиальное значение имеет государственная образовательная политика, направленная на подготовку будущего поколения к практической деятельности в различных аспектах – профессиональной, социально-культурной, экономической, политической. Реализация этнокультурного образования в этом плане требует особого подхода. Для Нового Китая эти вопросы имели стратегическое значение. Китайское руководство в середине XX в. взяло за основу советскую модель национальной политики, в том числе и в сфере образования. В начале XXI в. политика претерпела изменения в соответствии с новыми теоретическими подходами к развитию китайского государства.

Ключевые слова: КНР, национальная политика, образование, национальные меньшинства, Автономный район Внутренняя Монголия

Innokentii G. Aktamov

NEW TRENDS IN THE EDUCATIONAL POLICY OF THE PR CHINA IN RELATION TO NATIONAL MINORITIES (Based on the Material of the Inner Mongolia Autonomous Region)

Abstract. The research is devoted to the analysis of the features of the implementation of the educational policy of the PRC in the conditions of national regions. Education acts as the main mechanism for the transmission and development of culture. The education system creates conditions for the formation of social relations and the consolidation of society. In this regard, state educational policy aimed at preparing the future generation for practical activities in various aspects – professional, socio-cultural, economic, political etc. The implementation of ethno cultural education in this regard requires a special approach. For New China, these issues were of strategic importance. Chinese leadership in the middle XX century took as a basis the Soviet model of national policy, including in the field of education. At the beginning of the 21st century policy has undergone changes in accordance with new theoretical approaches to the development of the Chinese state.

Keywords: PR China, national policy, education, national minorities, Inner Mongolia Autonomous Region

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ, проект «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте межцивилизационного взаимодействия», № 121031000302–9.

Вопросы межэтнического взаимодействия в многонациональных государствах всегда носили сложный характер, имели глубокую политическую природу. Являясь основным средством трансляции и развития этнической культуры, образование неизбежно будет сталкиваться с определенными противоречиями в процессе своего собственного развития. С одной стороны, существуют нормативные и содержательные аспекты реализации образования, которые должны соответствовать современному уровню науки и общества. С другой стороны, образование должно обеспечивать гармоничную преемственность и развитие национальной культуры, которая характеризуется консервативностью и является одним из базовых условий становления личности. Полиэтническое общество, вне зависимости от его возраста и эволюционных характеристик, несет в себе определенный конфликтный потенциал. Изучение конфликтов на национальной почве, вопросов этнического самосознания, анализ особенностей развития материальной и духовной культуры национальных меньшинств находятся в сфере отношений между государством, доминирующим этносом и этническими меньшинствами. Этим обуславливается актуальность научных исследований, нацеленных на изучение национальной политики таких многонациональных государств, как КНР. Значительный интерес представляет исследование опыта решения национальных проблем, как в теоретическом, так и в практическом плане.

Образование Нового Китая в 1949 г. и последовавшие реформы внесли принципиальные изменения в социальной политике. Центральное правительство поставило задачу повышения грамотности населения и ускоренной подготовки кадров, были приняты меры по расширению сети начальных и средних школ, особенно в экономически неразвитых северо-западных районах страны. Именно в этих районах на обширных территориях проживали национальные меньшинства, которые отличались от ханьцев в плане языка, религии, традиционного уклада, способов ведения хозяйства. Китайские этнологи на основе советской методологии провели большую работу по дифференциации и систематизации национальных меньшинств КНР. Несмотря на сложности и противоречия вопрос этнической классификации народов, населявших КНР, в целом был решен. В этих районах еще не было современного школьного образования, обучение реализовывалось религиозными институтами. Более 80 % представителей национальных меньшинств были неграмотными. Согласно данным, к 1950 г. в высших учебных заведениях обучалось 0,9 % представителей неханьской национальности, в средних и начальных школах 0,4 % и 0,2 % соответственно [Chen, p. 137]. Для решения проблем повышения грамотности населения в национальных районах была создана необходимая нормативно-правовая база, которая определяла работу органов местного самоуправления, с учетом особых природных, исторических и социально-экономических факторов. Для внедрения в практику решений центрального правительства было решено выделять целевое финансирование на нужды образования в этих районах, освобождать малоимущие семьи от сборов и взносов за обучение, обеспечивать необходимыми принадлежностями, создавать школы интернатного типа и т. д.

Политика в области высшего образования для этнических меньшинств развивалась в соответствии с общей стратегией развития образовательной системы, но с учетом взвешенного подхода к представителям малочисленных народов. Руководству КНР необходимо было решить ряд первоочередных задач в сфере общего образования, создать условия для становления системы высшего образования в национальных районах. Как уже отмечалось ранее, главной проблемой в реализации образовательной политики на местах являлось то, что национальные территории в середине XX в. были слабо развиты в социально-экономическом плане, разнообразны в этнокультурном, языковом и конфессиональном отношении, отсутствовала единая сеть общеобразовательных учреждений, ощущалась острая нехватка педагогических кадров. В связи с этим была проведена работа по анализу и систематизации ключевых аспектов образования в национальных районах. Базовым критерием дифференциации явился уровень развития национального языка, на основе которого выделили три группы:

1) этнические меньшинства с собственным языком и письменностью (например, это монголы 蒙古族 и тибетцы 藏族);

2) этнические меньшинства с собственным языком, но не имеющие письменности (например, это дунсяне 东乡族 и югуры 裕固族);

3) этнические меньшинства, утратившие свой язык и письменность (например, это хуэй 回族 и маньчжуры 满族) [Ван Цзянь, с. 18].

Следует отметить, что уровень развития миноритарных языков и письменности к середине XX в. оказывал непосредственное влияние на образовательную ситуацию в регионах компактного проживания национальных меньшинств. В связи с этим можно условно выделить три содержательные линии образовательной политики. В первом случае учитывалось современное состояние и достижения образовательной практики, уделялось внимание национальным традициям в воспитании. Одновременно шла перестройка школьной системы, расширение охвата учащихся образованием, расширение дисциплин, внедрение идеологических основ. Вторая модель применялась в районах, где образование реализовывалось в семейном воспитании или в религиозной деятельности, отсутствовала своя система подготовки и обучения азам грамотности на национальном языке в силу отсутствия его письменной формы. В этой связи необходимо было учесть специфику природных, историко-культурных, социальных факторов традиционного общества, особенности устной формы языка этнической группы для эффективной реализации двуязычного образования. Третий подход являлся наиболее простым в плане формирования единого образовательного пространства, поскольку он реализовывался для представителей национальных меньшинств, утративших свой язык, надо было лишь учитывать этнокультурные и религиозные традиции представителей этнической группы [Ван Цзянь, с. 18–19].

В начале 1950-х гг. правительству КНР потребовалась подробная информация об этнических меньшинствах (少数民族), населявших территорию Китая с целью их классификации. На основании полученных данных планировалось реализовать политику национально-территориальной автономии, а также уже на первой сессии народных представителей (ВСНП) в 1954 г. предоставить народам равные

права и представительство на всех уровнях власти [Кочукова, с. 58]. Особое значение в развитии государственности и реализации национальной политики КНР имеет Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ), который был образован еще в 1947 г. Поскольку это была первая национальная автономия в составе КНР, то многие подходы и решения в сфере национальной политики проходили апробацию именно в АРВМ. В сфере образовательной политики принципиально важной задачей для руководства страны и автономии являлось снижение уровня неграмотности. В результате реализации комплекса мер увеличилось количество поступающих на обучение в пастбищных районах, а также снизилось количество детей, по различным причинам прервавших обучение. Во Внутренней Монголии особое внимание уделялось изучению монгольского языка и письменности. Основы данной политики были заложены в 1947 г. и отражены в «Правительственном циркуляре»: «Продвигать монгольские газеты и книги, изучать монгольскую историю и популяризировать монгольские учебники в монгольских школах для развития монгольской культуры» [Сюэ Хань, Судэ].

Принятые меры заложили основу для быстрого развития системы общего образования. Однако политика «большого скачка» и последовавшая за ней «культурная революция» сдержали развитие образовательной сферы. Темпы социально-культурного и экономического развития национальных регионов замедлились, затем оказались в стагнации, а после наступил период деструкции. С началом «всестороннего упорядочения» в 1975 г. важнейших сфер жизни страны Дэн Сяопин обозначил задачи по созданию эффективной структуры управления производством, реформированию системы взаимоотношений центра и мест на основе передачи части полномочий низовым организациям, упрощения военного и административного аппарата, усиления руководства предприятиями путем «восстановления и оздоровления» нормативной базы, и в первую очередь – внедрения «системы ответственности», проведения в жизнь принципа распределения по труду.

В качестве важнейшей задачи экономического строительства он рассматривал развитие науки и техники, одновременно призывая к заимствованию передовых зарубежных научно-технических достижений. Политика реформ и открытости, которая была объявлена в 1978 г., явилась новым этапом в развитии государства. В том числе были пересмотрены подходы к реализации национальной политики в сфере образования, как и на начальном этапе развития КНР, были приняты специальные программы дотаций национальным автономиям, увеличилось субсидии на обучение и развитие инфраструктуры системы общего образования. Еще одним важным решением являлось то, что начавшаяся в 1980-х гг. демографическая политика под лозунгом «одна семья – один ребенок» не ограничивала национальные меньшинства. Конец XX в. характеризуется увеличением приема в вузы представителей этнических меньшинств, которые после окончания старшей ступени средней школы (高中) при сдаче единого экзамена (高考) получали дополнительные баллы. Данная политика получила название «позитивная дискриминация», которая была направлена на развитие национальной интеллигенции в автономных районах. В целом социально-культурная сфера, пострадавшая в период культурной революции, получила поддержку со стороны государства.

Например, начали открываться национальные детские сады и школы, которые вели учебно-воспитательный процесс на родном языке, начался процесс восстановления храмов и мечетей, увеличилось количество этнокультурных мероприятий и праздников. Все эти меры позитивно сказались на развитии традиционной этнической культуры народов, населявших Китай.

Вместе с тем, системная политика по развитию культуры и образования этнических меньшинств привела к росту национального самосознания, которое под влиянием деструктивных факторов стало перерастать в сепаратизм. Отечественные исследователи связывают эту тенденцию с опытом СССР 1980-х гг., когда «при прогрессирующем ослаблении по всей стране, в первую очередь в национальных районах, руководящей роли КПСС поднялся вал хорошо организованных массовых политических акций, подготовивших условия для последующего разрушения политической системы СССР. Этому способствовал фактически осуществленный тогдашним советским руководством переход к конституционному правлению во главе с избранным Съездом народных депутатов президентом страны, что автоматически исключало главенствующую роль КПСС» [Смирнов, с. 19]. Китайские ученые и политики достаточно серьезно отнеслись к социально-экономическим и политическим процессам в СССР и извлекли уроки для себя. Ученые КНР обосновали концепцию «тройного представительства», которую выдвинул в качестве основного принципа внутренней политики Цзян Цзэминь. Эта концепция дала возможность «глубоко осмыслить» причины развала СССР и краха социализма в странах Восточной Европы и выработать правильную политику, которая должна опираться на передовые производительные силы, передовую культуру и коренные интересы народа [Там же, с. 21].

В сфере образования началась реализация мер по формированию общественного сознания молодежи. Например, в 1991 г. правительство КНР запустило программу патриотического воспитания, в рамках которой школьники глубже изучали историю Китая, связанную с периодом экспансии западных держав и японского милитаризма, приведшей к утрате статуса великой державы.

Можно констатировать, что в последующие годы национальная политика была подчинена концептуальным основам развития государства, которые разрабатывались учеными, политиками с учетом собственной специфики и опыта других стран. В 1997 г. на XV съезде КПК была принята концепция «Великого возрождения китайской нации». В 2012 г. на XVIII съезде КПК во время своего избрания на первый срок в качестве генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпин на основе концепции «Великого возрождения китайской нации» выдвинул концепцию «Китайская мечта», которая стала следующим этапом в обосновании особого пути развития китайского государства [Абдрахимов, с. 195]. Данные концепции предполагают формирование и развитие единой нации, в которой все этнические меньшинства образуют собой единую общность под руководством компартии Китая. Это привело к постепенному сворачиванию политики «позитивной дискриминации», представителям национальных меньшинств перестали добавлять баллы при поступлении в вузы. С 2019–2020-х гг. в национальных школах реализуется переход на литературный китайский язык (*путунхуа* 普通话). Например, в национальных школах АРВМ,

где раньше обучение шло на монгольском языке, основные предметы теперь преподаются на китайском. Естественно, это вызвало неодобрение и протест со стороны представителей монгольской общественности региона. В качестве аргумента в пользу необходимости расширения китайского языка в образовании указывалось повышение конкурентоспособности выпускников национальных школ при поступлении в ведущие вузы Китая. Вместе с тем, в регионах Внутренней Монголии развиваются частные детские сады, организуются дополнительные курсы по изучению монгольского языка и письменности для школьников.

Таким образом, можно условно выделить четыре основных этапа реализации политики в сфере образования для этнических меньшинств КНР. Первый этап – становления национальной системы образования и развития этнокультурного образования (1949–1966). Период деструкции, связанный с кардинальными изменениями в сфере образования в целом и отказом от реализации этнокультурного образования (1966–1976). Период восстановления этнокультурного образования (1977–1997). Период построения единой китайской нации (1997 – по наст. время) в рамках стратегических концепций развития КНР. Вместе с тем, стоит отметить, что с 1949 г. стратегическая цель консолидации населения через развитие образования в приграничных северных регионах не претерпела существенных содержательных трансформаций, за исключением периода культурной революции. Национальная политика в указанный период основывалась на принципах развития на развитии этнической культуры, языка, традиций народов в условиях единого китайского государства.

Список литературы

Абрахимов Л. Г. Идея «Великое возрождение китайской нации – Китайская мечта» Си Цзиньпина как идеологическая основа национальной безопасности Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 189–203.

Виноградов А. В. Китайская модель модернизации: поиски новой идентичности / А. В. Виноградов. М. : НОМФО, 2008. 368 с.

Кочукова Е. А. Особенности этнической классификации народов в КНР (по материалам работ Фэй Сяотуна) // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 1. С. 58–63.

Смирнов Д. А. Особенности трансформации идейно-политической основы модернизации КНР в условиях перехода к рыночной экономике // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 18–29.

Chen L. P. Some reviews and forecasts of the development of ethnic minority education in China. Guizhou Ethnic Studies, 1999. № 1. P. 135–144.

王鉴. 试论我国少数民族教育政策重心的转移问题. 民族教育研究 // 民族教育研究. 2009年第3期第20卷总第92期 – 18–25页. [Ван Цзянь. О смещении акцентов в государственной политике в области образования для национальных меньшинств // Исследования по этническому образованию. 2009. № 3. Вып. 20. С. 18–25].

为实现中华民族伟大复兴凝心聚力 [Необходимо сосредоточиться на реализации великого возрождения китайской нации // Официальный новостной сайт КПК]. [Электронный ресурс]. URL: 为实现中华民族伟大复兴凝心聚力-新闻报道-中国共产党新闻网 (people.com.cn). (дата обращения: 10.07.2024).

薛寒 苏德. 1947年以来内蒙古民族教育政策的演进-基于Nvivo软件对政策文本的分析 // 内蒙古师范大学学报. 2020年第1期. [Сюэ Хань, Судэ. Эволюция политики этнического образования во Внутренней Монголии с 1947 г. : контент-анализ на основе программного обеспечения Vivo // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. 2020. № 1]. [Электронный ресурс]. URL: <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1579.htm> (дата обращения: 07.07.2024).

The article was submitted on 14.07.2024

О. А. Бонч-Осмоловская

НОВОЕ КОНФУЦИАНСТВО И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КНР: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития китайской внешнеполитической стратегии через призму концепции дискурсивной силы, цивилизационного подхода и нового конфуцианства. Прослежены основные факторы, сдерживавшие развитие мягкой силы КНР за рубежом, а также проанализированы составляющие современной модернизационной теории КНР и место традиционной китайской философии в разработке теоретической модели трансформационных процессов. Китайская модель модернизации из «догоняющего» типа была переосмыслена в самостоятельную модель устойчивого развития (концепция «модернизации китайского типа»). Смещение акцента в сторону цивилизационного подхода в понимании глобальных процессов дало китайскому политическому дискурсу новую оптику, где противостояние между социализмом и капитализмом переносится в область «культурно-цивилизационного многообразия». Цивилизационный дискурс Си Цзиньпина и его аппарата, будучи адаптирован к новым реалиям, трансформировался в концепцию государства-цивилизации, в котором подчеркивается цельность и непрерывность преемственности китайской истории, ригоризм былой риторики постепенно сглаживается, в частности, в концепциях гецивилизации и диалога цивилизаций, а также акцентом на «гармонии без унификации», то есть взаимной выгоде и общем процветании. Одновременно с этим современное новое конфуцианство обеспечивает теоретическую базу для экспортирования «китайской теории морали» в мир. Так, Ду Вэймин возглавляет пекинский Институт мировой этики, равно как его проекты включают в себя разработку мировой этики как минимум с 80-х гг. Возможность таких проектов выводится из разрабатываемой им и его коллегами «новой духовности», на которой должен строиться межцивилизационный диалог. Официальные речи Си Цзиньпина все больше апеллируют к конфуцианским ценностям с соответствующей этической терминологией, определяя дальнейшую интеграцию конфуцианского компонента в китайскую марксистскую идеологию. Таким образом, разрабатываемая в КНР теория морали все заметнее привлекает опыт ново/постконфуцианского учения, что свидетельствует о важном и интересном витке формирования философско-идеологического дискурса КНР, следующего традиционно-китайскому принципу «вернуться к старому, чтобы создать новое».

Ключевые слова: мягкая сила, дискурсивная сила, конфуцианство, новое конфуцианство, дипломатия, интеллектуальная история

Olga A. Bonch-Osmolovskaya

NEW CONFUCIANISM AND FOREIGN POLICY DISCOURSE OF THE PRC: INTELLECTUAL FOUNDATIONS OF THE CHINESE DIPLOMACY

Abstract. The article examines the prospects for the development of Chinese foreign policy strategy through the prism of the concept of discursive power, civilizational approach and New Confucianism. The article traces the main factors that constrained the development of China's soft power abroad, and analyzes the components of China's modernization theory as well as the place of traditional Chinese philosophy in the development of a theoretical model of

transformation processes. The Chinese model of modernization was rethought from a “catching-up” type to an independent model of sustainable development (the concept of “Chinese-type modernization”). The shift in emphasis towards a civilizational approach in understanding global processes has given Chinese political discourse a new lens, where the confrontation between socialism and capitalism is transferred to the area of “cultural-civilizational diversity”. The civilizational discourse of Xi Jinping and his apparatus, having been adapted to the new realities, has been transformed into the concept of the state-civilization, which emphasizes the wholeness and continuity of the continuity of Chinese history, the rhetoric of the former rhetoric being gradually smoothed out, particularly in the concepts of geocivilization and dialogue of civilizations, as well as the emphasis on “harmony without unification”, i. e. mutual benefit and common prosperity. At the same time, contemporary New Confucianism provides a theoretical basis for exporting “Chinese moral theory” to the world. For example, Du Weimin heads the Beijing Institute of World Ethics, and his projects have included the development of world ethics since at least the 1980s. The possibility of such projects is derived from the “new spirituality” he and his colleagues are developing, on which inter-civilizational dialogue should be based. Xi Jinping’s official speeches increasingly appeal to Confucian values with the corresponding ethical terminology, determining the further integration of the Confucian component into Chinese Marxist ideology. Thus, the theory of morality being developed in the PRC increasingly draws on the experience of New/Post-Confucian teachings, indicating an important and interesting turn in the formation of the PRC’s philosophical and ideological discourse, following the traditional Chinese principle of “return to the old to create the new”.

Keywords: soft power, discursive power, Confucianism, New Confucianism, diplomacy, intellectual history

«Мягкая сила» КНР: направления и проблемы развития

Многие годы Китай вкладывал огромные силы и средства в развитие инструментов «мягкой силы», формируя позитивный имидж страны. В настоящей статье предлагается рассмотреть техники этой «мягкой силы», причины ее неэффективности для Китая, а также пути, через которые он пытается выйти из этой ситуации, апеллируя к историческим корням и создавая новую «китайскую идею».

Ван Хунин (председатель Народного политического консультативного совета Китая, ранее заведующий Центром политических исследований при ЦК КПК) в своей программной статье о «мягкой силе» 1993 г. писал, перефразируя прусского военного стратега и теоретика Клаузевица: «Культура – есть ничто иное, как продолжение политики, с привлечением иных средств» [Ван Хунин, с. 95]. Соответственно, «мягкая сила» КНР, по большей части копируя технологии «мягкой силы» США, развивалась в следующих направлениях:

1) Распространение и популяризация китайского языка (основание Институтов Конфуция по всему миру как культурных и языковых центров, проведение международных конкурсов, в т. ч. «Мост китайского языка»).

2) Продвижение традиционной и современной культуры Китая, а также ценностных нарративов (проведение культурных фестивалей и перекрестных годов культуры, открытие китайских культурных центров (где инициаторами выступает местная диаспора), подписание договоров о сотрудничестве, перевод китайской литературы на иностранные языки, разработка видеоигр (например, Genshin Impact), вложение миллиардов долларов в распространение информации через каналы теле- и радиовещания CGTN, China Radio International, CNC World на более, чем 60-ти языках, и через более мелкие, но идеологически важные – на-

пример, China Tibet Online. Вещание на иностранную аудиторию идет по принципу *нэйцзинь вайсун* 内紧外松 – «внутри напряженный, снаружи свободный», т. е. вовне информация подается максимально привлекательно и демократично. Внутреннюю и внешнюю популярность набирают франшизы и ТВ-программы вроде The Voice of China.

3) Расширение образовательных контактов (поднятие престижа национальных университетов до мирового уровня через Проекты 211¹ и 985², субсидирование программ для иностранных студентов по языковому и культурному обмену).

4) Развитие экономических связей и научно-техническое сотрудничество (строительство «умных городов», проведение «дней инноваций», конкурсов, саммитов и форумов, реализация планов «Сделано в Китае-2025» и «Цифровой Шелковый путь», повышение имиджа национальных брендов и компаний, поддержка технологических гигантов Alibaba, Tencent, Huawei, Xiaomi и приложений Douyin/Tik Tok, Weibo, WeChat).

5) Содействие международному развитию и развитие общественной дипломатии (публикация Белой книги «Прогресс Китая в области защиты прав человека в 2009 г.», поддержка «мозговых центров»).

Несмотря на впечатляющий масштаб этой деятельности, Китай столкнулся с большими трудностями в продвижении своей мягкой силы.

Во-первых, Институты Конфуция подверглись обструкции и полному или частичному закрытию в США (по разным данным, закрыто от 108 до 111 из 118) и многих странах ЕС (Норвегия, Швеция, Дания, Финляндия) в связи с обвинением в ведении идеологической обработки учащихся [Zakheim; Girard]. Это привело к необходимости переименования и ребрендинга всей этой деятельности.

Во-вторых, хотя отдельные мероприятия и разработки пользуются успехом (игра Genshin Impact, серия аниме и романов «Благословение небожителей» и т. д.), в целом, пока сложно назвать китайскую креативную индустрию успешным соперником западным аналогам. Сюжеты китайских фильмов зачастую вторичны и не пользуются популярностью на внешнем рынке, то же можно сказать о литературной продукции – перевод современных книг осуществляется по китайскому заказу и за большие деньги, что делает эту область сферой прибыльного бизнеса, но не законодателем литературных мод. Классическая же литература Китая остается прерогативой довольно узкой прослойки ученых-китаеведов.

В-третьих, образовательные программы, нацеленные на привлечение иностранных студентов в Китай, работают преимущественно на страны Глобального Юга, но не на избалованных ведущими университетами молодых людей из США и ЕС. В 2023 г. количество американских студентов в Китае упало до рекордно низ-

¹ Проект 211 – проект Министерства образования КНР, разработанный в 1995 году, в который вошло 100 вузов Китая. Название проекта появилось от сокращения 21 век и 100 университетов. В настоящее время в проекте принимает участие около 112 университетов КНР, включение в него означает соответствие международным требованиям, HR, техническим стандартам подготовки специалистов.

² Проект 985 – проект по развитию системы высшего образования в Китае, предложенный бывшим президентом КНР Цзян Цзэминем на праздновании 100-й годовщины Пекинского университета 4 мая 1998. Название проекту дано по обозначению года и месяца: 98–5 (май). Изначально в программу вошло 9 ведущих университетов Китая, позднее список был расширен.

кой отметки в 350 человек (в отличие от 15,000 десятилетие назад) [Kawashima]. Частично причинами тому стали волны ненависти, вызванные COVID-19, однако еще в большей степени – отсутствие мотивации и практической пользы от обучения в Китае для студентов из развитых стран, на что накладывается сложная политико-идеологическая обстановка.

В-четвертых, экономические и технологические проекты пока являются самыми успешными для Китая на внешнем контуре. Инвестиции в экономики целевых стран, заключение торговых соглашений, проведение форумов и выставок, – все это Пекин успешно осуществляет на практике, однако в пространстве риторики Запад по-прежнему легко находит «слабые места» – Китай называют прагматичным и беспринципным, нацеленным лишь на экономическую выгоду и получаемые ресурсы. Так, отношения КНР и Судана в первой половине 2000-х осуждались как косвенное финансирование террора и жестокости [Mr. Hu's mission to Khartoum, 2007]. То же самое было в случаях с Анголой, Зимбабве и рядом других стран. В целом, любые операции КНР в развивающихся странах могут быть охарактеризованы Западом как поддержка недемократических режимов и коррупции, а также раскритикованы как бизнес по низким социальным и природным стандартам (если говорить об условиях работы и заботе об окружающей среде в местах разработок) [см. подробнее Brautigam, p. 273–299].

В-пятых, для развития общественной дипломатии Китаю объективно не хватает эффективных негосударственных механизмов [Михневич, с. 119], что сужает ее возможности. А китайская официальная политическая риторика, базирующаяся на традиционных для Китая философских и идеологических конструктах, по большей части, остается для западной аудитории «вещью в себе» – сюда входят как банальные проблемы перевода (*lost in translation*), так и недопонимание, вызванное незнанием исторического контекста понятий и выражений.

Подводя итоги этому краткому анализу, отметим: китайская «мягкая сила», будучи в значительной мере скопированной с западных образцов, сыграла определенную роль в улучшении имиджа КНР за рубежом. Однако ее эффективность стала падать примерно к 2010-м гг., что было вызвано постепенно ухудшающимися отношениями с США и соответствующими действиями американской стороны по сдерживанию влияния КНР. Хотя уже при Буше-младшем Китай стали называть «стратегическим конкурентом», все-таки с приходом к власти администрации Барака Обамы были сделаны конкретные экономические и военные шаги в АТР, вызвавшие негативную реакцию Китая, равно как демонстративное награждение диссидента Лю Сяобо Нобелевской премией мира (2010) не могло не быть расценено как демонстрация. О торговой войне при Трампе и дискурсе ненависти в отношении Китая во время пандемии и вовсе говорить не приходится, – все эти примеры показали Пекину: сколько денег ни вкладывай в Институты Конфуция, в один день их могут просто закрыть, обвинив в распространении идеологической пропаганды. Несмотря на всеобщее восхищение видами Великой Китайской Стены или гор Эмэйшань, на политическом и идеологическом уровне Китай по-прежнему испытывает давление и ограничен в пропаганде собственного мировидения. В связи с этим мы подходим к важному тезису, на который обратили

внимание и современные китайские идеологи: важно не то, *что* делается, а *как* об этом говорят.

В связи с этим встает проблема языка, о которой кратко уже упоминалось выше. С 2010-х гг. Пекин все очевиднее старается разобраться в проблеме языка и дискурса, откуда появилась новая важная концепция – «дискурсивная сила/авторитет» (*хуаюй цюань* 话语权). Концепт китайской дискурсивной силы пока имеет весьма размытые контуры, в настоящей статье хотелось после некоторого введения в проблематику, последующего ниже, попробовать проследить интеллектуальную основу этой новой «силы», т. е. проанализировать то, на чем этот дискурс предполагается построить.

«Дискурсивная сила» Китая: введение в проблематику

В 2022 г. доклад И. Денисова и И. Зуенко «От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР» привлек большое внимание профессионального сообщества к теме усиления дискурсивной силы Китая. В докладе четко и убедительно прослежен поворот идеологической работы КНР от прежних технологий культурной «мягкой силы» к более глубокому дискурсивному влиянию на общемировую политический язык и на сам способ мышления о будущем и путях развития.

Действительно, Китай осознал, что «значительная часть мира смотрит на Китай глазами Запада, потребляет информацию через западные медиаплатформы, а оттого находится под влиянием западной неolibеральной идеологии, – иначе говоря, того, что в Китае называют «гегемонией западного дискурса» [Денисов, Зуенко, с. 19], т. е. проще говоря, мягкая сила «не работает». Это осознание привело к переоценке прежних усилий по пропаганде китайской культуры и теперь направило их не только на массовое воздействие через культурные проекты и языковые центры, но на более точечную работу с представителями политической и научной элиты, ЛОМами, а также на усиление голоса Китая в морально-этической сфере, интеграцию в международные институты и площадки, укрепление технологического лидерства.

Эти процессы с разных сторон также освещались в других работах, среди которых отметим обзорную и обобщающую статью С. В. Кривохиж и Е. Д. Соболевой «КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов» [Кривохиж, Соболева, с. 178–192], где акцент сделан на исследовании дискурсивной силы через призму трех видов системных нарративов КНР – системного, идентичности и проблемного. Суммируя подмеченные авторами особенности, получаем идею о великой державе «нового типа» с укорененностью в традиции и с моральным превосходством, наращивающую технологический потенциал и развивающую экономические успехи для конструирования будущего и способствования процветанию всех развивающихся стран, основанному на принципе справедливости.

Добавим ко всем этим совершенно верным наблюдениям немного историко-интеллектуальной перспективы, проследив основной внутренний инструментарий и фундамент дискурсивной силы, «общемировых ценностей» и стратегических нарративов, которые Пекин активно продвигает на международной арене.

Мироустроительная постмонархия в XXI в. : гармония без унификации

Китай представляет собой яркий пример идеократического общества. Несколько тысяч лет в основе китайской политической жизни лежали конфуцианское учение и императорская доктрина, затем эта основа была подвергнута сомнению и болезненной перестройке. Последовавшая затем модернизация через вестернизацию была во-многом связана с национальным унижением, сломом традиционного китайского уклада, чудовищным рывком во всех областях жизни общества, адаптацией новой, марксистской идеи на китайской почве. Последние десятилетия вывели КНР на высоты небывалого экономического расцвета и, разумеется, привели к новому витку развития китайской идеологии.

Для прогнозирования развития китайской внешнеполитической стратегии важно проследить, что составляет современную модернизационную теорию КНР, какое место в разработке теоретической модели трансформационных процессов занимает традиционная китайская философия. Совместимы ли, по мысли китайцев, традиция и модернизация?

По докладам, речам и статьям Си Цзиньпина, а также по богатому материалу, публикуемому китайскими политологами, очевидно, что китайская модель модернизации из «догоняющего» типа была переосмыслена в самостоятельную модель устойчивого развития (концепция «модернизации китайского типа») (*Чжунго ши сяньдайхуа* 中国式现代化) вошла в официальный политический лексикон в 2021 г.), основу которой вновь составляют национальные интеллектуальные традиции (преимущественно в виде ново-конфуцианской мысли, см. [Си Цзиньпин, 2022]) и китайское специфическое прочтение марксизма.

Смещение акцента в сторону цивилизационного подхода в понимание глобальных процессов дало китайскому политическому дискурсу новую оптику, где противостояние между социализмом и капитализмом переносится в область «культурно-цивилизационного многообразия». Несовместимость трансформируется в сосуществование и, – как отмечает Н. И. Мигунов, – здесь обнажается их инструментальный характер, ведь обе системы могут быть использованы для достижения главной цели, т. е. для укрепления устойчивости китайской цивилизации [Мигунов, с. 95].

Традиционно осмысление «цивилизации» в китайской философии происходило через оппозицию «цивилизация – варварство», где источником и центром цивилизации, разумеется, был Китай. Эта концепция не предполагала множественности «цивилизационных» очагов, наоборот, обосновывая мироустроительный и уникальный характер власти китайского императора, распространявшего политическую благодать (силу-дэ) на варварскую периферию, тем самым их преобразя [Мартынов, 1978; Гончаров].

Цивилизационный дискурс Си Цзиньпина и его аппарата, будучи адаптированным к новым реалиям, трансформировался в концепцию государства-цивилизации, в котором подчеркивается цельность и непрерывность преемственности китайской истории (в т. ч. политического устройства, см. выступления политолога Чжан Вэйвэя и др.), ригоризм былой дихотомии постепенно сглаживается,

в частности, в концепциях гецивилизации и диалога цивилизаций [Жуань Вэй, 2006; Вэньмин дуйхуа, 2006], а также акцентом на «гармонии без унификации», то есть взаимной выгоде и общем процветании [China Daily, 15.08.2017].

Этот подход к цивилизации дополнился обновленной формой «упорядочивающего воздействия» на мир – дискурсивной силой (в китайской интерпретации «дискурса» М. Фуко [Юй Синьтянь, с. 1–16]). Китай понял, что преобразить мир сейчас можно в первую очередь словом, влияя на политический дискурс и продвигая свою теорию морали, стяжая тем самым союзников вовне.

«Вернуться к старому, чтобы создать новое»: новое конфуцианство и общечеловеческие ценности

Говоря о современной теории морали, развиваемой в КНР и претендующей на статус общечеловеческой, присмотримся к ее понятийному аппарату, чтобы она не выглядела некой новой и абстрактной системой ценностей. Это, в свою очередь, также приводит нас к прояснению духовно-цивилизационных трансформаций современного китайского общества.

«Новое конфуцианство» сложилось преимущественно на Тайване, в Гонконге и затем в США после переезда туда видных китайских мыслителей в 1950-е гг. В 1958 г. они опубликовали «Манифест китайской культуры человечеству», придав китайской культуре мировое значение и положив начало новому интеллектуальному движению. Преодолев свою изначальную негатию западной культуры, представители этого течения осмысленно поставили перед собой задачу синтеза китайской и западной философии и осмыслили ее как свою культурную миссию [Мигунова]. Но синтез философий они мыслили не на уровне механического соединения их предметных полей и методологических арсеналов, а на уровне грандиозных проектов – проектов создания синтетической «всемирной философии будущего» (Фэнь Юлань), «моральной метафизики» (Моу Цзунсань), «глобальной этики» (Ду Вэймин), «холистического мультиперспективизма» (Фу Вэйсюнь) и т. п. в мировом масштабе [Там же].

Это культурное мессианство новых конфуцианцев, их связь с китайской традицией и параллельная академическая признанность на Западе, привлекла интерес партийных руководителей в 1980-е гг. Разработка новоконфуцианской тематики стала включаться в пятилетние планы работы Государственного фонда общественных наук (1986–1991, 1992–1997) в качестве приоритетного направления для социальных наук, с каждым годом количество посвященных конфуцианству конференций, форумов и круглых столов с участием первых лиц государства растет (Си Цзиньпин также принимает участие в их открытии), а лидер третьей волны новых конфуцианцев Ду Вэймин в 2010 г. торжественно вернулся из США на родину. Это то, что касается организационно-формального сопровождения процесса ново-конфуцианского ренессанса в КНР.

Что же до содержательного аспекта, то современное новое конфуцианство полностью подготовило базу для экспортирования «китайской теории морали» в мир. Так, Ду Вэймин возглавляет пекинский Институт мировой этики (открыл-

ся в 2012), равно как его проекты включают в себя разработку мировой этики как минимум с 80-х гг. Возможность таких проектов выводится из разрабатываемой «новой духовности», на которой строится межцивилизационный диалог. Носителем новой духовности предполагается новый моральный субъект, «способный духовно трансформировать Небо и Землю», ощутивший, что все во вселенной находится в единстве, осознавший всю ущербность западного атомизирующего индивидуализма и рационализма. Об этом писали Тан Цзюньи, Ду Вэймин, Ян Цзиньхай: «традиционное сознание необходимо переориентировать с объектного на субъектное, затем – на экзистенциальное, и наконец, – вселенское (космическое)» [Ян Цзиньхай].

Конфуцианство отличает универсальный дух, что позволяет быть конфуцианцем и христианину, и мусульманину, и буддисту (см., например, статью Ли Чэньяна «How Can One Be A Taoist-Buddhist Confucian? A Chinese Illustration of Multiple Religious Participation» (1996). С этим связан особый интерес Ду Вэймина к проблемам соотношения понятий традиция – новация/современность, запад – не-запад, локальное – глобальное [Сун Чжимин, с. 297].

Доклад Си Цзиньпина на 20 съезде КПК в 2022 г. был наполнен конфуцианскими реминисценциями и, главное, соответствующей этической терминологией, определяя дальнейшую интеграцию конфуцианского компонента в китайскую марксистскую идеологию. Таким образом, разрабатываемая КНР теория морали – где-то более осторожно и завуалированно, а где-то явно – апеллирует к ново/постконфуцианскому учению, что свидетельствует о важном и интересном витке формирования философско-идеологического дискурса КНР, следующего традиционному китайскому принципу «вернуться к старому, чтобы создать новое».

Список литературы

- Ван Хунин 王沪宁. Цзювэй гоцзя шили дэ вэньхуа: жуань цюаньли 作为国家实力的文化: 软权力 (Культура как государственная мощь: мягкая власть) // Фудань сюэбао. 1993. № 3. С. 91–96.
- Вэньмин дуйхуа 文明对话 (Диалог цивилизаций: сб. статей) / под ред. Цай Дэлина 蔡德麟. Пекин: Цинхуа дасюэ чубаньшэ, 2006. 404 с.
- Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127–1142. М.: Наука, 1986. 296 с.
- Денисов И. Е., Зуенко И. Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. МГИМО МИД РФ, Институт международных исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2022. 24 с.
- Жуань Вэй 阮炜. Диюань вэньмин 地缘文明 (Геоцивилизация). Шанхай: Саньянь шудянь, 2006. 326 с.
- Кривохиж С. В., Соболева Е. Д. КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 2. С. 178–192.
- Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной системе китайских политических представлений. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. 286 с.
- Мигунов Н. И. О специфике трансформационных процессов китайской цивилизации // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2011, № 1. С. 87–97.
- Мигунова О. В. Проблема духовно-цивилизационных трансформаций в современной китайской социальной философии // Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. СПб, 2013. 199 с.
- Михневич С. В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. Т. 9. № 2, 2014. С. 95–129.
- Си Цзиньпин. Гаоцзюй Чжунго тэсэ шэхуэй чжунгу вэйда цичжжи: вэй цюаньмянь цзяньшэ шэхуэй чжунгу сяньдайхуа гоцзя эр туаньцзе фэндоу 高举中国特色社会主义伟大旗帜: 为全面建设社会主义现代化

会主义现代化国家而奋斗 (Поднимая великое знамя социализма с китайской спецификой: объединение и стремление к всестороннему строительству современной социалистической страны) // Жэньминь жибао, 26.10.2022 [Электронный ресурс] / URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2022-10/26/nw.D110000renmrb_20221026_3-01.htm (Дата обращения 15.06.2024)

Сун Чжимин 宋志明. *Сяньдай синь жусюэ дэ цзоу сян* 现代新儒学的走向 (Направление движения современного нового конфуцианства). Пекин: Бэйцзин шифань дасюэ чубаньшэ цзитуань, 2009. 304 с.

Юй Синьтянь 俞新天. Цзити жэньтун: цзэнцяя гоцзи хуаюйцюань дэ гуаньцзянь 集体认同: 增强国际话语权的关键 (Коллективная идентичность: ключ к укреплению международного дискурса) // Гоцзи чжаньван, 2016, № 3. С. 1–16.

Ян Цзиньхай 杨金海. *Цзиньдай, сяньдай, хоусяньдай шиши юй чжунгожэнь дэ сяньдайхуа* 近代·现代·后现代意识与中国人的现代化 (Сознание периода новейшей истории, модерна и постмодерна и модернизация китайцев) // Ян Цзиньхай. Избранные статьи. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2009. С. 181–188.

Brautigam D. The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa. Oxford University Press, 2009. 416 p.

China Daily, 15.08.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://china.chinadaily.com.cn/2017-08/15/content_30635076.htm (дата обращения 15.06.2024).

Girard B. The Rise and Fall of Confucius Institutes in the US // The Diplomat, 28.11.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2023/11/the-rise-and-fall-of-confucius-institutes-in-the-us/> (Дата обращения 15.06.2024)

Kawashima S. Why Can't China Attract Students From Developed Countries Anymore? // The Diplomat, 15.03.2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2024/03/why-cant-china-attract-students-from-developed-countries-anymore/> (дата обращения 15.06.2024).

Mr. Hu's mission to Khartoum: Why China should insist on UN peacekeepers for Darfur // The Economist, 01.02.2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/leaders/2007/02/01/mr-hus-mission-to-khartoum> (дата обращения 15.06.2024).

Zakheim D. S. Time to shut down all Confucius Institutes – whatever they might be called // The Hill, 11.11.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://thehill.com/opinion/national-security/3729453-time-to-shut-down-all-confucius-institutes-whatever-they-might-be-called/> (дата обращения 15.06.2024).

The article was submitted on 14.07.2024

М. А. Герман

КИТАЙ В УПРАВЛЕНИИ БЕЗОПАСНОСТЬЮ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: КОНЦЕПЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ДИПЛОМАТИЯ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

Аннотация. В 2023 г. при посредничестве Китая Саудовская Аравия и Иран восстановили дипломатические отношения, что положительно сказалось на динамике развития региональной ситуации на Ближнем Востоке. Несмотря на то, что Китай успешно выступил медиатором и открыл новую страницу в ближневосточной дипломатии, США, как внешняя сила в регионе, а также стремительно меняющаяся геополитическая обстановка послужили основными факторами, ограничивающими активную политическую роль Китая на Ближнем Востоке. Достижение соглашения между Эр-Риядом и Тегераном – первый практический результат китайского подхода к достижению безопасности на региональном уровне. Однако дальнейший успех будет зависеть от желания обеих сторон решить дилемму безопасности и укрепить взаимное доверие.

Ключевые слова: Китай, Ближний Восток, Саудовская Аравия, Иран, региональная безопасность, дипломатия, посредничество

Maria A. German

CHINA IN MIDDLE EAST SECURITY MANAGEMENT: THE CONCEPT OF ENSURING REGIONAL SECURITY AND MEDIATION DIPLOMACY

Abstract. The dynamics of the regional situation in the Middle East improved in 2023 when Saudi Arabia and Iran reestablished diplomatic relations through China's mediation. However, notwithstanding China's successful mediation efforts and the opening of a new chapter in the Middle East diplomacy, China's active political participation in the region is limited by the USA presence as an external power and the shifting geopolitical landscape. The first concrete outcome of China's strategy to achieve regional security is the agreement between Riyadh and Tehran, but future success will depend on both parties' desire to enhance mutual trust and find a solution to the security conundrum.

Keywords: China, Middle East, Saudi Arabia, Iran, regional security, diplomacy, mediation

Введение

Королевство Саудовская Аравия (КСА) и Исламская Республика Иран (ИРИ), являясь региональными лидерами Ближнего Востока и крупнейшими мировыми экспортёрами нефти и природного газа, оказывают значительное влияние на формирование глобальных цепочек энергоснабжения и энергетической безопасности в целом. Сложные и изменчивые двусторонние связи, сопровождавшиеся трехкратным разрывом и возобновлением дипломатических отношений, обременены геополитической конкуренцией, военным соперничеством, межконфессиональными разногласиями и территориальными спорами. Специфика ирано-

саудовского взаимодействия в немалой степени дестабилизируют региональную обстановку и ухудшают общую среду безопасности на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива.

В 2022–2023 гг. постпандемийное снижение темпов экономического развития, а также падение мировых цен на энергоносители и ресурсы привели к бюджетному дефициту в обоих государствах. Поддержка регионального прокси-противостояния стала внушительным финансовым бременем для обеих сторон, в связи с чем Эр-Рияд и Тегеран смягчили внешнеполитический дискурс в отношении друг друга. В сложившихся условиях Китаю удалось взять на себя роль посредника между КСА и ИРИ и оказать содействие в возобновлении дипломатических отношений между двумя странами. В Пекине было опубликовано трехстороннее совместное заявление, подтверждающее восстановление дипломатических отношений между КСА и ИРИ. Данное соглашение не только способствовало нормализации отношений между двумя сторонами, но и открыло новую страницу в развитии китайской ближневосточной дипломатии.

В предлагаемой статье на основе анализа преимущественно китайских материалов представлена эволюция концепции Китая по формированию стабильной системы региональной безопасности на Ближнем Востоке, раскрываются преимущества и сдерживающие факторы посреднической дипломатии Пекина.

Вовлеченность Китая в управление безопасностью на Ближнем Востоке: эволюция концепции и практические шаги

С момента визита Председателя КНР Си Цзиньпина на Ближний Восток в 2016 г. началась новая эпоха ближневосточной дипломатии Пекина, характеризующаяся активизацией многостороннего экономического и энергетического сотрудничества со странами региона, однако в отношении вопросов региональной безопасности и региональных конфликтов Китай четко придерживался сдержанной позиции.

По мере трансформации системы глобальной безопасности и укрепления статуса Китая в качестве «ответственного государства» Пекин особое внимание уделяет геополитической ситуации в регионе Персидского залива и на Ближнем Востоке в целом, в связи с чем корректирует дипломатический курс, постепенно «переходит от экономического сотрудничества к более комплексному, охватывающему вопросы экономики, политики и безопасности» [Ню, Ли, с. 47].

В 2019 г. и 2022 г. Китай провел «Форум по безопасности на Ближнем Востоке», в ходе которого представил свое видение конфигурации «коллективной, комплексной, совместной, устойчивой» архитектуры безопасности Ближневосточного региона. В октябре 2020 г. член Госсовета и министр иностранных дел КНР Ван И инициировал создание платформы для продвижения многостороннего диалога между странами региона с целью урегулирования кризисной ситуации путем коллективных консультаций [Ван И принял участие в министерской встрече Совета Безопасности ООН].

В марте 2021 г. Китай обнародовал Инициативу из пяти пунктов, отражающую необходимые шаги по достижению региональной стабильности: «содействие вза-

имному уважению между государствами и разрешению региональных споров дипломатическим путем; приверженность честности и справедливости в решении палестинского вопроса; формирование регионального режима ядерного нераспространения; укрепление коллективной безопасности посредством продвижения равноправного диалога между странами региона и развития отношений доверительного партнерства; ускорение сотрудничества в целях развития». Китай выступает за создание «коллективной, комплексной, совместной, устойчивой» архитектуры безопасности на Ближнем Востоке, побуждает страны Персидского залива к решению вопросов путем равноправного диалога и консультаций [Ван И выдвинул Инициативу из пяти пунктов].

В апреле 2022 г. Си Цзиньпин на Боаоском Азиатском форуме представил видение Китая в отношении глобальной безопасности, подчеркнув необходимость «придерживаться коллективной, комплексной, совместной и устойчивой концепции безопасности, уважать суверенитет и территориальную целостность всех стран, соблюдать Устав ООН, учитывать интересы всех стран в создании разумной системы безопасности, придерживаться разрешению разногласий и споров мирным путем посредством диалога и консультаций, а также комплексно поддерживать безопасность как в традиционных, так и в нетрадиционных областях» [Си Цзиньпин выступил с речью на церемонии].

В декабре 2022 г. Китай провел первый Китайско-арабский саммит, где приветствовал участие арабской стороны в продвижении инициативы по формированию глобальной безопасности, достижению комплексной безопасности, а также укреплению китайско-арабского сообщества единой судьбы в новую эпоху [Си Цзиньпин: «Продвижение духа дружбы между Китаем и арабскими странами». В том же месяце Пекин провел саммит «Китай – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива», в ходе которого Си Цзиньпин совершил государственный визит в Саудовскую Аравию. В феврале 2023 г. президент Ирана И. Раиси получил приглашение посетить Китай. Очевидно, что встречи на высшем уровне стали важным шагом для подготовки возобновления переговоров между КСА и ИРИ.

В феврале 2023 г. Пекин опубликовал «Концептуальный документ Инициативы по глобальной безопасности», где отразил фундаментальные взгляды Китая на управление глобальной безопасностью. Ранее выдвинутая Инициатива из пяти пунктов по безопасности и стабильности на Ближнем Востоке всецело коррелирует с содержанием нового документа и стала важным звеном в продвижении новой программы [Концептуальный документ Инициативы по глобальной безопасности]. Следует подчеркнуть, что Китай исходит из того, что безопасность на Ближнем Востоке может быть сформирована только усилиями стран региона на основе диалога и консультаций, но не навязана внешними силами. По мнению Пекина, учитывая потребность ближневосточных государств в обеспечении безопасности, внерегиональные акторы могут только содействовать переговорному процессу, эффективно выступая в качестве посредников.

В марте 2023 г. при содействии Китая КСА и ИРИ подписали трехстороннее заявление о намерении восстановить дипломатические отношения между Эр-

Риядом и Тегераном. По соглашению, обе стороны объявили о восстановлении дипломатических отношений в течение двух месяцев и согласились активировать соглашение о сотрудничестве в области безопасности 2001 г., соглашение о сотрудничестве в экономической, торговой, инвестиционной, технологической, научной, культурной, спортивной и молодежной сферах 1998 г. [Совместное заявление КНР, КСА и ИРИ]. 6 апреля 2023 г. в Пекине Саудовская Аравия и Иран подписали соответствующий документ, а министры иностранных дел двух стран объявили об официальном возобновлении дипломатических отношений.

Таким образом, «улучшение всеобъемлющего стратегического партнерства Китая с КСА и ИРИ способствовало укреплению доверия обеих стран к Китаю; Китай последовательно выступал в качестве посредника, что в итоге увенчалось успехом и примирением обеих сторон» [Сунь Дэган, с. 101]. Действительно, достижение данного соглашения является успехом китайской ближневосточной дипломатии, однако его фактическое значение будет во многом зависеть от геополитической ситуации в регионе и желания обеих сторон совершенствовать отношения.

Посредническая дипломатия Китая: преимущества и ограничения

Начавшийся в 2021 г. процесс нормализации ирано-саудовских отношений актуализировал вопрос посредничества. На роль медиатора, помимо Китая, выдвинулись Ирак, Оман и Россия. Несмотря на то, что Ирак провел восемь встреч между ИРИ и КСА и добился некоторых положительных результатов, ожидаемого успеха достигнуть не удалось. Близость его внешней политики к проамериканскому и проевропейскому курсу вызывала сомнения в отношении его нейтральности. Россия неоднократно предлагала посредничество в организации официальных и неформальных встреч, переговорных площадок в Москве. Однако роль России в качестве посредника не рассматривалась ввиду активного ирано-российского сотрудничества, в том числе военного, а также вовлеченности страны в сирийский и украинский кризисы. США, наиболее влиятельный внерегиональный актор на Ближнем Востоке, также не рассматривались на роль объективного посредника ввиду стратегических союзнических отношений с КСА, а также открытого антииранского и произраильского курса внешней политики Вашингтона.

И для КСА, и для ИРИ сохранение баланса сил и нейтралитета явилось ключевым фактором при выборе третьей стороны. По сравнению с другими кандидатами на роль посредника, преимущества Китая сконцентрированы в четырех аспектах: отсутствие негативного исторического прошлого во взаимоотношениях, уникальный характер китайской модели развития, специфика подхода КНР к управлению безопасностью и разрешению конфликтов.

Отсутствие негативного исторического прошлого во взаимоотношениях между Китаем и ближневосточными государствами. С 2016 г. Китай приступил к реализации новой внешней политики на Ближнем Востоке, стремясь установить прочные дружественные отношения со странами региона на принципах взаимовыгодного сотрудничества. В отличие от традиционных внерегиональных акторов ближневосточной системы международных отношений Китай

свободен от «исторического бремени»: Пекин не продвигал социалистическую идеологию, не имел колоний, не создавал военные базы и не был вовлечен в региональные конфликты. Исторический опыт иностранного вмешательства позволяет Китаю понять чувствительность стран Ближнего Востока к вмешательству во внутренние дела. Пекин считает, что «основной путь трансформации Ближнего Востока от хаоса к порядку заключается в избавлении от геополитической борьбы великих держав и в поиске независимого собственного пути развития, характерного для этого региона, в устранении внешнего давления и вмешательства, а также в построении системы безопасности, которая учитывает разумные интересы всех сторон на основе инклюзивности и компромисса» [Ван И выдвинул инициативу из пяти пунктов].

Уникальность китайской модели развития. На фоне усиления взаимозависимости между странами Китай, придерживаясь целей собственного развития, подчеркивает необходимость продвижения взаимовыгодного сотрудничества с другими странами, результатом которого должно стать общественное благо. Пекин исходит из принципа «развитие во имя мира», что подразумевает положительное влияние устойчивого экономического развития на формирование социальной стабильности и, как следствие, снижение внутривосточной и региональной напряженности. Экономическое сотрудничество со странами региона является главным звеном ближневосточной политики КНР, а инициатива «Пояс и путь» — основной экономической отношений. В течение длительного периода китайские энергетические и подрядные компании инвестируют в развитие объектов гражданской инфраструктуры, тем самым способствуют экономическому процветанию региона, что получает положительный отклик и признание со стороны местных правительств и общественности.

Уникальность китайской модели управления безопасностью. Китайский подход к глобальному управлению качественно отличается от западного. В течение длительного периода западные страны придерживались принципа «разделяй и властвуй» для управления вопросами региональной безопасности, что не привело к разрешению проблем. Китайская модель управления безопасностью основывается на принципе «объединяй и управляй». КНР и страны Ближнего Востока содействуют установлению многостороннего сотрудничества и партнерства и работают вместе над созданием «сообщества единой судьбы человечества». В отличие от западного подхода, китайская концепция «подчеркивает взаимное уважение, равноправие и принципы совместной безопасности в международных отношениях» [Сунь Дэган, с. 98].

Привлекательность китайского подхода к разрешению конфликтов. Во внешней политике Китай придерживается принципов «разумности, справедливости и законности», соблюдает «пять принципов мирного сосуществования» и международное право. По мере укрепления международного статуса КНР в качестве «ответственного государства» Пекин все активнее участвует в решении международных проблем. Более того, в вопросах урегулирования острых региональных конфликтов Китай избегает двойных стандартов и занимает последовательную позицию, тезисно сформулированную в ряде документов: «три пункта» по йеменскому конфликту,

«четыре пункта» по сирийскому кризису, «четыре пункта» по ливийскому кризису, «четыре пункта» по иранской ядерной проблеме, «три пункта» по палестинскому вопросу. Пекин убежден в том, что только на основе диалога и консультаций, придерживаясь принципов справедливости, равноправия и взаимного уважения, можно фундаментально разрешить региональные конфликты.

Тем не менее представляется возможным выявить два ключевых фактора, которые не позволяют Китаю играть более активную роль посредника в регионе.

Во-первых, американский фактор. Несмотря на сокращение стратегического присутствия на Ближнем Востоке, США по-прежнему внимательно следят за тенденциями регионального развития, остаются главной внешней силой в регионе и оказывают влияние на региональную геополитику и экономику. Идущие в регионе трансформации, в том числе более независимая внешняя политика КСА, регионального союзника США, и посредничество Китая, укрепляющего свои позиции в регионе, очевидно, вызывают опасения в Вашингтоне. В условиях стратегической конкуренции между Китаем и США, Белый Дом прилагает все усилия, чтобы сбалансировать растущее влияние Китая в регионе. В этой связи не исключено, что вмешательство и давление США может сказаться на динамике сотрудничества Китая со странами региона, как, например, происходит в российско-китайском сотрудничестве в банковском секторе. Фактически, после опубликования «Пекинского соглашения» США публично выразили обеспокоенность по поводу продолжающегося расширения влияния Китая на Ближнем Востоке и нарушения Ираном американских санкций [Нью, Ли, с. 52; Hudson et al.]. По этой причине на данный момент в целях защиты зарубежных интересов китайских компаний и снижения риска вторичных санкций США Китай занимает относительно сдержанную позицию в региональных вопросах.

Во-вторых, постоянно изменяющаяся региональная обстановка. Несмотря на то, что 2023 г. стал периодом относительного смягчения отношений между странами Ближнего Востока, начало конфликта между Израилем и ХАМАС в октябре 2023 г. привело к замедлению нормализации отношений между Израилем и странами Персидского залива, включая КСА, и к активизации новых точек нестабильности. Сложная геополитическая ситуация и постоянно изменяющийся расклад сил затрудняют прогнозирование тенденций развития, что также является сдерживающим фактором дипломатического посредничества Китая.

Китай и новый этап развития ирано-саудовских отношений

Трехстороннее соглашение между ИРИ, КСА и КНР, действительно, способствовало продвижению регионального мира и стабильности. Оно усовершенствовало механизм двустороннего сотрудничества: страны открыли посольства и создали консультативные органы. В начале 2024 г. в ходе оборонной выставки в Эр-Рияде военные лидеры Ирана и Саудовской Аравии провели первую встречу после восстановления отношений [Iran at Saudi Defense Show]. Были предприняты шаги для активизации торгового сотрудничества: представители двух стран встретились в Иране и договорились установить прямые воздушные маршруты

для облегчения торговли. Иран также упростил визовые требования для более чем двух десятков арабских стран, включая КСА, Катар, Бахрейн и ОАЭ.

Тем не менее, несмотря на положительный старт, имеется ряд препятствий для дальнейшего экономического сотрудничества. Во-первых, существует огромный разрыв между политическими и экономическими взглядами ИРИ и КСА. «Видение 2030» КСА делает акцент на диверсификацию экономики, отход от ставки на нефтяной сектор, в то время как Иран, находящийся под западными санкциями, пытается решить экономические вопросы именно благодаря значительным доходам от экспорта нефти. Во-вторых, различия в технологических возможностях, операционной практике и развитии инфраструктуры между двумя странами также создают барьеры для возможных двусторонних инвестиционных проектов. Различия в экономических целях, подходах к управлению ресурсами и отраслевых нормах негативно влияют на потенциальное сотрудничество [Shokri]. Обозначенные проблемы формируют серьезные препятствия на пути продвижения экономического взаимодействия, установления взаимовыгодных связей, формирования общности интересов и готовности к полноценному сотрудничеству.

Кроме того, не устранена проблема регионального соперничества, однако она носит относительно сдержанный характер. Так, несмотря на нормализацию отношений с Тегераном, Эр-Рияд частично участвовал в отражении иранских ответных атак на Израиль в апреле 2024 г., а в вопросе региональной безопасности по-прежнему делает ставку на поддержку США. Сохраняют свою остроту спор между ИРИ и КСА по проблемам территориальной принадлежности нефтегазового месторождения Араш/Дорра, укрепления взаимного доверия и обеспечения национальной безопасности.

Заключение

Ближневосточная дипломатия Китая в 2023 г. достигла успеха в имплементации китайской инициативы по глобальной безопасности в продвижение к разрешению одной из фундаментальных проблем региональной геополитики: при посредничестве Китая на официальном уровне был задан импульс к снижению ирано-саудовского противостояния. Пекинское соглашение положило начало позитивной динамике развития двусторонних отношений, отрегулировало механизм дальнейших переговоров, стало отправной точкой для установления взаимного доверия между КСА и ИРИ. В региональном контексте формирование в зоне Персидского залива и на Ближнем Востоке в целом системы безопасности, основанной на сотрудничестве между региональными странами, представляет собой постепенный процесс, в котором нормализация отношений между ИРИ и КСА является важным звеном. Возобновление дипломатических отношений между двумя региональными лидерами снижает степень региональной напряженности, однако по-прежнему оставляет актуальными вопросы дилеммы безопасности и проблемы, связанные с дефицитом доверия и укрепления сотрудничества.

Несмотря на то, что Ближний Восток становится все более многополярным, дальнейшее развитие региональной системы безопасности будет зависеть от баланса сил между странами и акторами региона, степени интеграции в региональные вопросы внешних игроков, а также потребности государств региона в обеспечении национальной безопасности. Западные принципы построения системы безопасности на Ближнем Востоке не доказали свою эффективность, так как безопасность должна формироваться странами региона, а этого можно достичь только путем укрепления их стратегической независимости. В данном контексте имидж Китая в качестве ответственного государства, новое видение Пекином формирования глобальной безопасности, традиционные внешнеполитические принципы дипломатии крупной страны с китайской спецификой, их универсальный характер, возможность их имплементации в региональную конъюнктуру, а также гармоничные отношения со странами региона позволяют КНР выступать в качестве конструктивного посредника в поиске компромиссных решений для управления безопасностью. Однако учитывая высокую степень неопределенности развития геополитической ситуации на Ближнем Востоке и американскую политику в регионе, в ближневосточных вопросах Китай проявляет сдержанность и осторожность, придерживается «золотой середины» и баланса между политическими целями и экономическими интересами.

Список литературы

Iran at Saudi Defense Show Signals Warmer Ties in Time of War // Bloomberg, February 6, 2024. [Electronic resource]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-02-06/iran-at-saudi-defense-show-signals-warmer-ties-in-time-of-war>, (accessed 31.05.2024).

Hudson J., Abutaleb Y., Lamothe D. China Brokers Iran-Saudi Arabia Detente, Raising Eyebrows in Washington // The Washington Post, March 10, 2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2023/03/10/china-saudi-iran-deal> (accessed 31.05.2024).

Shokri U. Saudi Iranian Relations Remain Cool Despite Renewed Diplomatic Ties // Iran International, February 3, 2024. [Electronic resource]. URL: <https://www.iranintl.com/en/202403187814> (accessed 31.05.2024).

王毅提出实现中东安全稳定的五点倡议，中华人民共和国外交部 (Ван И выдвинул инициативу из пяти пунктов по достижению безопасности и стабильности на Ближнем Востоке // МИД КНР), 26.03.2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://new.fmprc.gov.cn/web/wjzbzd/t1864378.shtml> (дата обращения 31.05.2024).

王毅出席联合国安理会海湾地区局势部长级会议，中华人民共和国中央人民政府 (Ван И принял участие в министерской встрече Совета Безопасности ООН по ситуации в Персидском заливе // Центральное народное правительство КНР), 21.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/guowuyuan/2020-10/21/content_5552875.htm (дата обращения 31.05.2024).

《全球安全倡议概念文件》，中华人民共和国中央人民政府 (Концептуальный документ инициативы по глобальной безопасности // Центральное народное правительство КНР), 21.02.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.htm (дата обращения 31.05.2024).

牛新春，李绍先：《乘势而上：中国斡旋沙特伊朗复交及其影响》，载《国际问题研究》(Ню Синьчунь，Ли Шаосянь. Используя момент: посредничество Китая в возобновлении дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном и его результат // Исследования международных вопросов). 2023. Вып. 3. С. 38–54.

习近平在博鳌亚洲论坛2022年年会开幕式上发表主旨演讲，中共中央党校 (Си Цзиньпин выступил с речью на церемонии открытия ежегодного заседания Боаоского азиатского форума 2022 года // Партийная школа ЦК КПК), 22.04.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ccps.gov.cn/xtt/202204/t20220421_153659.shtml?eqid=8f6ad6b40037effc0000006648f0eb4 (дата обращения 31.05.2024).

习近平：《弘扬中阿友好精神 携手构建面向新时代的中阿命运共同体——在首届中国—阿拉伯国家峰会开幕式上的主旨讲话》，中华人民共和国中央人民政府（Си Цзиньпин: «Продвижение духа дружбы между Китаем и арабскими странами, совместное построение китайско-арабского сообщества единой судьбы в новую эпоху – Основное выступление на церемонии открытия первого Китайско-арабского саммита» // Центральное народное правительство КНР), 9.12.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2023/content_5736701.htm (дата обращения 31.05.2024).

中华人民共和国、沙特阿拉伯王国、伊朗伊斯兰共和国三方联合声明，中华人民共和国外交部（Совместное заявление КНР, КСА и ИРИ // МИД КНР), 10.03.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677172/xgxw_677178/202303/t20230310_11039137.shtml (дата обращения 31.05.2024).

孙德刚：《沙特与伊朗复交历程中的人类命运共同体实践》，载《当代中国与世界》（*Сунь Дэган. Реализация концепции сообщества единой судьбы человечества в процессе восстановления дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном // Современный Китай и мир*). 2023. Вып. 3. С. 97–104.

The article was submitted on 16.08.2024

Д. А. Новоторкина

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЖЕНЩИН В КНР

Аннотация: обеспечение социального благополучия граждан является ключевой задачей государства. Гендерные исследования подтверждают, что социальный опыт женщин и мужчин отличается. В рамках данного исследования анализируется социальное положение женщин в КНР с использованием двух глобальных методик. Результаты показывают стремление Китая к улучшению социального благополучия женщин. Несмотря на наличие ряда проблем (высокая доля женщин в низкоквалифицированной работе, недостаточное представительство в органах власти и т. д.), в стране реализованы меры, направленные на обеспечение безопасности женщин, защиту их прав, доступ к образованию и финансовым услугам. Кроме того, затрагивается вопрос о необходимости доработки программ полового воспитания.

Ключевые слова: Китай, социальное благополучие, женщины, демография, половое воспитание

Daria A. Novotorkina

SOCIAL WELL-BEING OF WOMEN IN CHINA

Abstract. It is the responsibility of the state to ensure the social well-being of its citizens. The field of gender studies has demonstrated that the experiences of women and men are distinct. This study employs two global methodologies to assess the social status of women in the People's Republic of China (PRC). The results indicate that China has made efforts to improve women's social well-being. However, despite these efforts, the country still faces challenges, including a high proportion of women in low-skilled labor and inadequate representation in authorities. Additionally, measures have been implemented to promote women's security, protect property rights, and provide access to education and financial services. Nonetheless, there is a need to refine the sexuality education program in the PRC to better align it with the country's evolving social context.

Keywords: China, social well-being, women, demography, sex education

Введение

В последние годы исследователи и общественность проявляют все больший интерес к гендерным вопросам, подчеркивая значимость женского здоровья как одного из ключевых элементов национального благополучия. Государства активно работают над улучшением медицинских услуг и обеспечением доступа к ним женщин. Эти усилия не только способствуют повышению качества жизни, но и создают условия для социального и экономического развития обществ.

Китайская Народная Республика представляет наглядный пример того, как улучшение социального положения женщин, включая такие аспекты, как экономическая безопасность, доступ к медицине и образованию, уверенность в завтрашнем дне и т. д., может благоприятно влиять на социальный климат в стране. Это актуализирует обращение к анализу китайского кейса социального благополучия женщин.

Оценка социального благополучия женщин КНР в рамках Индекса мира и безопасности

Социальное благополучие представляет собой удовлетворенность человека своим статусом и межличностными связями, а также актуальным состоянием общества, к которому он себя причисляет [Агапов, с. 44]. Для оценки социального благополучия женщин имеется ряд шкал, наиболее содержательной среди них признан Индекс мира и безопасности женщин (Women Peace and Security Index, WPS). Он разработан в 2017 г. Центром по гендерным вопросам, миру и безопасности PRIO совместно с Джорджтаунским институтом женщин, мира и безопасности. Индекс нацелен на комплексную оценку благополучия женщин, отражает автономию и расширение прав и возможностей женщин в пределах своего хозяйства и в обществе. WPS – это первый гендерный индекс, в котором особое внимание уделяется безопасности женщин. Он иллюстрирует статус и достижения женщин в абсолютном выражении, а не в сравнении с мужчинами: страны оцениваются на основе общих показателей интеграции, справедливости и безопасности, а не на разрыве между женщинами и мужчинами. WPS включает три группы параметров: инклюзивность, безопасность и справедливость, исходная информация предоставляется авторитетными базами данных (Статистический институт ЮНЕСКО, ILOSTAT, Global Findex, Межпарламентский союз, Международная организация труда, Департамент ООН по социальным и экономическим вопросам, Всемирный банк, Программа сбора данных о конфликтах в Упсале и др.).

Последняя версия Индекса WPS включает данные за 2023 г. по 177 странам мира и по совокупности параметров отводит Китаю 82 место [Women Peace and Security Index], что свидетельствует о наличии как эффективных практик, так и серьезных проблем в области обеспечения социального благополучия женщин.

С точки зрения юридической дискриминации (степени, в которой законы и нормативные акты ограничивают возможности женщин участвовать в жизни общества и экономики либо разделяют мужчин и женщин в повседневной жизни и работе), власти Китая прилагают серьезные усилия для устранения имеющихся лакунов. Конституция и Закон КНР «О защите прав женщин» гарантирует женщинам равные с мужчинами права в политической, экономической, культурной, социальной и семейной жизни. Женщины получают особую защиту во время менструации, беременности, родов и кормления грудью. Кроме того, Закон запрещает умерщвлять, бросать или калечить младенцев женского пола; а также подвергать дискриминации и жестокому обращению с женщинами, рожаящими младенцев женского пола, и бесплодными женщинами; запрещены насилие и иные средства нанесения увечий женщинам. При вступлении в брак муж и жена письменно соглашаются с тем, что имущество, приобретенное в ходе брачных отношений, является совместно нажитым. Если у женщины есть дополнительные обязанности по воспитанию детей, уходу за престарелыми, помощи мужчине в работе и т. д., она имеет право потребовать от мужчины компенсацию во время развода [Закон КНР «О защите прав женщин»]. Тем не менее на практике законы соблюдаются не всегда: в обществе по-прежнему существует ряд юридических несправед-

ливостей в отношении женщин, обусловленных неприменимостью, нецелесообразностью постановлений и указов, а также неосведомленностью населения [Дампилон, с. 7].

Финансовая инклюзивность (доля женщин в возрасте 15 лет и старше, имеющих индивидуальный или совместный счет в банке либо ином финансовом учреждении) в Китае достаточно высока – 87,3 % женщин имеют возможность пользоваться банковскими или электронными счетами (при среднемировом показателе в 70,5 %) [Women Peace and Security Index, p. 83].

Личное чувство безопасности женщин Китая находится на относительно высоком уровне: большинство из них считают, что могут спокойно находиться на улице ночью. Несмотря на то, что преступления против женщин пока не удалось искоренить полностью, КНР является одной из самых безопасных стран мира для женщин.

Представительство женщин в органах законодательной власти чуть ниже среднемирового значения, составляющего 26,3 %, но при этом достаточно высоко, поскольку Закон КНР «О защите прав женщин» регламентирует долю женщин-депутатов во всекитайском и местных собраниях народных представителей всех уровней. Однако в ходе 20-го созыва в состав Центрального комитета КПК вошли всего 11 женщин, что составляет 5,37% общего числа членов ЦК (205 человек) [В новый состав ЦК Компартии Китая вошли 11 женщин]. Это выше показателей 19-го созыва ЦК КПК, когда из 204 депутатов доля женщин составила 4,9 % (10 человек), но ниже уровня 2012 г., когда Председатель Си Цзиньпин пришел к власти [Women Fill 8.8% of China's Top Body as Xi's Patriarchy Rolls on]. В 2022 г. Председатель назначил Политбюро из 25 человек без единой женщины, впервые за 25 лет [China Politburo Excludes Women for First Time in 25 Years], подчеркивая роль «мужского клуба» во власти КНР. В 2023 г. Индекс гендерного разрыва Всемирного экономического форума переместил Китай с 69 места, которое он занимал в 2012 г., на 107 строчку среди 146 стран мира [Global Gender Gap Report 2023, p. 11].

Имеются и иные уязвимые аспекты, понижающие рейтинг Китая в Индексе WPS. Так, например, средняя продолжительность процесса обучения женщин от 25 лет и старше в Китае составляет 7,3 лет при среднемировом показателе в 8,3 года, что свидетельствует о значительной доле женщин с относительно низким уровнем образования и, соответственно, не имеющих возможности претендовать на карьерный рост и высокие государственные посты. При этом доля трудоустроенных женщин составляет чуть больше половины трудоспособного женского населения, что говорит о широком использовании низкоквалифицированной и низкооплачиваемой женской рабочей силы. После присоединения Китая к ВТО в 2001 г. китайские предприятия для повышения эффективности стали увеличивать автоматизацию на производствах, что привело к сокращению рабочих мест. Увольнения в большей степени затронули женщин (60 % против 40 %). Часто на заводах рабочий день занимает более 8 часов, больничные не предоставляются. При беременности женщин зачастую увольняют. Уровень заработной платы у женщин ниже, чем у мужчин [Женское здоровье в Китае]. Актуальны для современного Китая и проблемы домашнего насилия. В 2019 г.

в КНР было зарегистрировано 396919 уголовных дел, касающихся домашнего насилия, жертвами которого преимущественно становятся женщины и девочки (91,7%): среди зарегистрированных случаев 86,4% – по отношению к жене; 13,6% по отношению к детям [По статистике, 91,43% домашних насильников – мужчины]. Ситуацию усугубил карантин COVID-19, когда женщины столкнулись с риском оказаться запертыми дома с жестокими партнерами. В 2021 г. законодатели увеличили период ожидания развода до 30 дней с целью снижения количества разводов, чем усложнили процесс расставания с агрессивными супругами [China's Gender Policies after Zero-COVID].

Соотношение числа рожденных мальчиков к числу девочек в КНР, согласно Индексу WPS 2023 г., составляет 1,113, что превышает естественный уровень в 1,05 и среднемировой показатель в 1,057 [Women Peace and Security Index, p. 83]. Политика «одна семья – один ребенок», проводимая в Китае с 1979 по 2015 гг., негативно повлияла на демографическую ситуацию, сокращая рождаемость и генерируя социально-экономические проблемы. Городским семьям разрешалось иметь одного ребенка, а сельским – двух, если первой родилась девочка. Традиционные конфуцианские идеалы отдают приоритет сыновьям, что способствовало селективным абортam и умерщвлению девочек, особенно в деревнях, где мужчины необходимы для работы на полях [Синецкая, с. 951]. На сегодняшний день гендерный дисбаланс в Китае остается весьма существенным: соотношение мужчин к женщинам составляет 1,08; в абсолютном выражении количество мужчин на 56 млн превышает число женщин [Население Китая]. Эксперты прогнозируют, что к 2050 г. данное соотношение изменится незначительно и составит 1,06 [Численность населения и соотношение полов в Китае].

В целом можно резюмировать, что, несмотря на наличие ряда проблем, власти КНР добились значительных успехов в сфере обеспечения социального благополучия женщин.

Гендерный разрыв: достижения и точки роста

Под гендерным разрывом принято понимать различие в доступе к благам между мужчинами и женщинами. Оценку гендерного разрыва в разных странах наиболее репрезентативно дает Всемирный экономический форум. Их Индекс гендерного разрыва (Global Gender Gap Index, GGGI), составляемый с 2006 г., исследует данные 146 стран и основывается на 14 различных переменных в четырех ключевых областях: экономическое участие и карьерные возможности; образование; здоровье и выживание; политические права и возможности. Рейтинг GGGI, в отличие от WPS, основан на сравнении уровня доступа к тому или иному благу у женщин и мужчин [Global Gender Gap Report 2023, p. 5].

По совокупности показателей в 2023 г. КНР находится на 107 строчке Индекса GGGI. Уровень экономического участия женщин Китая выше многих стран – 45 место. Обозначенная группа параметров представлена уровнем участия в экономической деятельности (коэффициент отношения женского населения к мужско-

му составляет 0,815, 62 место), равенством оплаты труда (0,792, 22 место), оцениваемыми трудовыми доходами (0,644, 70 место) [Ibid., p. 143].

Группа уровня образования (123 место, 0,935) представлена показателями уровня грамотности (93 место, 0,969), охвата средним образованием (131 место, 0,873), охвата высшим образованием (1 место, 1,0) [Ibid.].

Здоровье и выживание (145 место, 0,937) составляют соотношение полов при рождении (145 место, 0,890) и ожидаемая продолжительность жизни (65 место, 1,042) [Ibid.].

Показатель расширения политических прав и возможностей женщин (114 место, 0,114) состоит из представительства женщин в парламенте (80 место, 0,332), на министерских должностях (138 место, 0,034) и соотношения продолжительности правления женщин и мужчин в стране за последние 50 лет (75 место, 0,001) [Ibid.].

Рейтинг GGI оценивает также ряд других показателей. К примеру, доля женщин в составе советов директоров в КНР составляет 13,80%. На руководящие должности выдвигается 5,09% женщин. Продолжительность отпуска по уходу за ребенком в среднем составляет 158 дней для женщин, 14 – для мужчин. Среди выпускников высших учебных учреждений женщин больше на 13,41% [Ibid., p. 144].

В Китае у женщин и мужчин равные права в доступе к финансовым услугам, наследовании, доступе к земельным и неземельным активам, правосудию, свободе передвижения, разводу. Тем не менее по сравнению с другими странами гендерный разрыв в Китае увеличивается.

Половое воспитание как фактор социального благополучия

В 2020 г. Исследовательский центр общественного здравоохранения Университета Цинхуа провел масштабное исследование сексуального и репродуктивного здоровья студентов. В опросе приняли участие около 55 тыс. учащихся из 1746 университетов КНР, 65,8% из них – девушки [Отчет об обследовании сексуального и репродуктивного здоровья студентов в Китае].

Согласно результатам исследования, к моменту поступления в университет 56,7% девушек имели опыт влюбленности, средний возраст первой любви 16,17 лет. Среди девушек, не находящихся в отношениях, 64,4% студенток не стремятся к отношениям, а предпочитают «плыть по течению». Большинство опрошенных готовы выйти замуж только при встрече подходящего партнера. Идеальный возраст для брака составляет 27,15 лет для девушек и 27,57 лет для мужчин [Там же].

Что касается знаний в области полового воспитания, 68,44% студентов самостоятельно искали информацию в интернете, из них 65,19% – контент порнографического характера. Только 6,02% матерей и 2,52% отцов смогли полноценно ответить на интересующие их детей вопросы; отвечают, но частично 13,97% матерей и 7,65% отцов; избегают вопросов или совсем не могут ответить 4,83% матерей и 4,22% отцов; не только не отвечают, но и стыдятся за вопросы интимного характера 1,33% матерей и 1,65% отцов; в остальных случаях студенты не решились задать вопросы либо не имели в этом необходимости. В китайских семьях ма-

тери владеют необходимой информацией в большей степени, чем отцы. Родители совершенно не обсуждали тему секса с 55,75% студенток, обсуждали пару раз 22,54%, периодически обсуждали 18,10%, в остальных случаях обсуждали часто. Эксперты приходят к выводу о том, что китайскому обществу предстоит решать комплекс проблем в области семейного сексуального воспитания [Там же].

52,04% опрошенных посещали уроки полового воспитания, 28,02% – нет, 19,94% затруднялись с ответом. Из тех, кто прошел соответствующее обучение, 3,47% изучали половые вопросы в младшей школе, 17,69% – в 4–6 классах, 50,43% – в 7–9 классах, 48,82% – в старшей школе, 59,82% – в университете. Более половины начальных и средних школ Китая не имеют курсов полового воспитания. Лишь треть студентов удовлетворены полученными знаниями. Опрос также показал, что 9% китайских студентов не знают о презервативах, а еще меньший процент осведомлен о других контрацептивах. Средний балл студентов по тесту из 9 вопросов о сексе составил 4,16; 31,84% студентов смогли ответить верно на 6 вопросов, а 8,18% не ответили правильно ни на один [Там же].

Среди студентов, живущих половой жизнью, более 90% добровольно вступали в интимные отношения в первый раз, однако молодые люди значительно чаще давали согласие на половой акт, в то время как 2,78% девушек были принуждены, а 8,51% скорее испытывали принуждение. Среднее число сексуальных партнеров у студенток – 2,3, у студентов – 3,78 [Там же].

Около трети студентов подвергались словесным сексуальным домогательствам. Девочки чаще становятся объектом насмешек из-за физического развития: более четверти имели этот опыт, что значительно превышает аналогичный показатель среди мальчиков. Частота серьезных сексуальных посягательств также выше у девочек, а в качестве притеснителей чаще всего выступают одноклассники, друзья и романтические партнеры. Среди жертв сексуализированного насилия о проблеме молчат 51,68% девочек и 63,16% мальчиков; если рассказывают, то чаще всего одноклассникам, а не взрослым [Там же].

Несмотря на наличие уроков полового воспитания, охват и их качество в КНР остаются относительно невысокими. Многие студентки не знакомы с методами контрацепции и сталкиваются с нежелательными беременностями; также им недостает уверенности в доверии взрослым в вопросах сексуализированного насилия. Это подчеркивает важность дальнейшего развития и улучшения политики полового воспитания, целесообразность снятия стигматизации с сексуального здоровья и создания более информированного общества.

Заключение

Социальное благополучие женщин стало одним из приоритетных направлений развития китайского общества с момента образования КНР, и к настоящему времени страна достигла весьма внушительных успехов в обозначенной сфере. Однако современные реалии порождают новые вызовы (финансовая нестабильность, высокие затраты на образование детей, домашнее насилие и т. д.), которые создают давление на женщин и порой ставят их перед выбором между карьерой

и материнством. Очевидный рост внимания властей КНР к проблемам социального благополучия нации способствует улучшению самочувствия и укреплению уверенности китайских женщин в себе и своей значимой роли в жизни китайского общества.

Список литературы

Агапов Е. П. Феномен социального благополучия: философское осмысление // Отечественный журнал социальной работы. 2017. № 2. С. 44–52.

В новый состав ЦК Компартии Китая вошли 11 женщин // РИА Новости. 22.10.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20221022/kitay-1825914341.html> (дата обращения: 27.03.2024).

Дампилон Н. Б. Юридический статус женщин в Китае: осуществление эгалитаризма в семейном праве // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2011. № 8. С. 6–10.

Женское здоровье в Китае. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.knowledgr.com/17456508/SaluteDelleDonneInCina> (дата обращения: 22.09.2023).

Население Китая: счетчик в реальном времени. [Электронный ресурс]. URL: <https://countrymeters.info/ru/China> (дата обращения: 14.03.2024).

Синецкая Э. А. Гендерный дисбаланс в КНР // Общество и государство в Китае. 2018. № 1. С. 949–967.

China Politburo Excludes Women for First Time in 25 Years // Bloomberg. 23.10.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-10-23/china-politburo-includes-no-women-for-the-first-time-in-25-years> (дата обращения: 15.03.2024).

China's Gender Policies after Zero-COVID // East Asia Forum. 23.03.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2023/03/23/chinas-gender-policies-after-zero-covid/> (accessed: 27.03.2023).

Global Gender Gap Report 2023 // The World Economic Forum. [Electronic resource]. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2023/> (accessed: 18.04.2024).

Women Fill 8.8% of China's Top Body as Xi's Patriarchy Rolls On // Bloomberg. 22.10.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-10-22/women-fill-8-8-of-china-s-top-body-as-xi-s-patriarchy-rolls-on> (accessed: 22.10.2023).

Women Peace and Security Index 2023. [Electronic resource]. URL: <https://giwps.georgetown.edu/wp-content/uploads/2023/10/WPS-Index-full-report.pdf> (accessed: 18.04.2024).

2019年中国男女人口数量及男女人口占比、2020–2050年中国人口数量、人口数量增长及男女占比情况分析预测 [Численность населения и соотношение полов в Китае 2019 г., их анализ и прогноз изменения в 2020–2050 гг.] // Chyx.com. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chyx.com/industry/201911/810732.html> (дата обращения: 29.11.2023).

2020年全国大学生性与生殖健康调查报告 [Отчет об обследовании сексуального и репродуктивного здоровья студентов в Китае, 2020 г.] // Chinasexq.com. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinasexq.com/html/news/202005/205911145910.shtml> (дата обращения: 13.03.2024).

大数据统计出有91.43%的家暴者为男性，值得反思 [По статистике, 91,43% домашних насильников – мужчины, пора об этом задуматься] // 163.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.163.com/dy/article/F0SQKDNI0530W1MT.html> (дата обращения: 29.11.2023).

中华人民共和国妇女权益保障法(2018修正) [Закон КНР «О защите прав женщин» (ред. 2018)] // ВСНП КНР. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c12435/201811/d28b0dc10bea4beaab8b3a6d956e07be.shtml> (дата обращения: 05.11.2023).

The article was submitted on 25.06.2024

И. А. Алексеев

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ КОМБИНИРОВАННОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА – НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ЦАО СЭНА «ХАХАХА»

Аннотация. В работе предпринимается анализ стихотворения «Хахаха» китайского поэта Цао Сэна. В качестве материала выступает оригинальный текст произведения и вариант его перевода, выполненный автором данной статьи. В контексте диалога между русским и китайским литературным полем, современные поэтические практики позволяют зафиксировать ключевые знаки стремительно трансформирующейся реальности и выявить существующие проблемные зоны языковых процессов в их сложности и динамике. Фокусировка на актуальном тексте позволит не только зафиксировать текущее положение состояния современной китайской поэтической традиции (сдвиги в тематике, образных доминантах, речевых регистрах и др.), но также послужит сближению литературных дискурсов России и Китая. Основное внимание в разборе произведения уделяется особенностям употребления в стихотворении иероглифа «ха» (哈). К краткому рассмотрению предлагаются стиховедческий, лексический и герменевтический уровни текста. В методологическом отношении работа с одной стороны наследует общие положения теоретических школ точного стиховедения М. Л. Гаспарова и поэтики выразительности А. К. Жолковского, а с другой – учитывает новейшие наработки в области поэтического перевода с китайского на русский. Результатом исследования является подбор и описание конкретных приемов для успешной трансляции коммуникативного и эстетического содержания произведения. Так, общий разговорный тон повествования передается с помощью использования просторечий, а для авторских неологизмов может быть подобран как нормативный (словарный), так и «креативный» («авангардный») аналог. Выбор же общей стратегии невозможен без учета опыта интерпретации стихотворения, несводимого к описанию «внешнего сюжета» и раскрывающегося в полной мере лишь при установлении меры подобия между планами выражения и содержания. В заключении делается вывод о необходимости применения комбинированной и многоаспектной стратегии перевода для работы с «гибридным» по форме поэтическим текстом.

Ключевые слова: современная китайская поэзия, Цао Сэн, поэтический перевод, лексические трансформации, пристальное прочтение

Ivan A. Alekseev

A VARIANT OF COMBINED TRANSLATION STRATEGY FOR RENDERING POETIC TEXT – THE CASE STUDY OF A POEM “HAHAHA” BY CAO SENG

Abstract. Current paper undertakes an analysis of the poem “Hahaha” by the Chinese poet Cao Seng. The original poetic text and its Russian translation made by the author of this article act as the material. In the context of the ongoing dialogue between the Russian and Chinese literary fields, modern poetic practices allow us to capture the key signs and points of the rapidly transforming reality and identify existing problem areas of linguistic processes in their complexity and dynamics. Focusing on the actual text will not only portray the current state of the modern Chinese poetic tradition (shifts in themes, imaginative dominants, speech registers, etc.), but will also provide tools and strategies for bringing the literary discourses of Russia

and China closer together. The research primarily addresses the usage of the character “ha” (哈) and its general functioning in the poem. The poetic, lexical and hermeneutical levels of the text are taken into consideration. Methodologically, the work, on the one hand, inherits the general principles of the theoretical schools of precise poetic studies by M. L. Gasparov and the poetics of expressiveness by A. K. Zholkovsky, and on the other, it takes into account the latest developments in the field of poetic translation from Chinese into Russian. The result of the study is the description of specific techniques for the successful translation of the communicative and aesthetic components of the work. For example, the general spoken tone can be conveyed through the use of vernacular language, and the author’s neologisms can be paired both by normative (dictionary) and “creative” (“avant-garde”) analogues. However, the choice of a general strategy is impossible without taking into account the hermeneutic layer of a poem. That in its turn to a simple depiction of the “plot” and is fully revealed only through the weighting the similarity between the planes of expression and content. In the end, the author stresses the necessity to use a combined and multidimensional translation strategy when dealing with a poetic text that is “hybrid” in form.

Keywords: Contemporary Chinese poetry, Cao Seng, poetry translation, lexical transformations, close reading

Введение

Значимость поэтического перевода как средства межкультурной коммуникации неоднократно подчеркивалась отечественными [Чайковский, Воронежская, Лысенкова, с. 28; Миры литературного перевода, с. 187] и зарубежными специалистами [Venutti, p. 193; Chinese Poetry and Translation, p. 113]. В наши дни поэзия весьма маргинализована в читательской среде, но отчасти именно это обстоятельство делает ее наиболее предпочтительным материалом для академических штудий. Как замечал еще десятилетие назад Л. Венутти, поскольку стихотворные переводы свободны от необходимости зарабатывать деньги, в них чаще всего проявляется вся широта доступных трансформационных стратегий [Venutti, p. 174]. В связи с этим особый интерес представляет взаимодействие двух таких самобытных литературных традиций, как русская и китайская, и в частности – их современное состояние.

Цель и материал исследования

В XXI в. многие из ключевых авторов КНР новейшего периода уже были представлены российскому читателю [см. например: Китайская поэзия сегодня], однако подобные выборки стихотворений крайне редко сопровождалась переводческой рефлексией. Такое положение дискурса определило основную цель данной работы, а именно – пристальное рассмотрение основных лингвистических и литературоведческих уровней репрезентации отдельного текста современной китайской поэтической традиции, с параллельной оценкой возможности их передачи средствами иного языка. Материалом же послужило стихотворение молодого шанхайского поэта Цао Сэна (1993) «Хахаха» (曹僧《哈哈》) и его перевод, созданный автором настоящей статьи и пока не опубликованный на русском языке.

Учитывая недостаток у русскоязычных читателей сведений о выбранном поэте, следует предоставить краткую справку о нем. Цао Сэн – представитель поколения писателей, рожденных в 90-е гг. XX в. Его образовательная и творческая

траектории неразрывно связаны с Фуданьским университетом. За время учебы в бакалавриате и магистратуре философского факультета он проявил себя как активный участник поэтического общества «Фудань шишэ» (复旦诗社), действующего при вузе, а одно время даже был его председателем. В 2023 г. увидел свет новый сборник его стихотворений «Дикий предвестник» (《野先驱》), куда и вошел анализируемый текст, датированный 31 июля 2019 г. [Цао Сэн]¹. Сравнительно небольшой объем позволяет привести его в теле статьи целиком:

	哈哈	хахаха
1	哈啰，世界。雄鸡骇亮手机，	Hello, world! смартфон – косплей петуха
2	哼哈而来的谈资，哈泡于	на экране набухла одна чепуха
3	锁屏栏，马大哈的哈哈党	познакомьтесь: пройдоха, смехач, раздолбай
4	哈出面子，错误，再次哈出，	распаролить лицом – еще раз – нифига
5	屏幕打个哈哈，哈你一通。	задолбало ахах – чтоб обхаял экран!
6	「哈！别吓我哈！」是哈帐的	«Совсем страх потерял?!» – мне не надо ля-ля
7	哈身援引指纹，像地下党	щас я пальцем тебя... ишь нашелся бунтарь
8	从哈窗潜入哈界的哈哈流。	потекла смехолента моя потекла!
9	一哈子的工夫开启哈哈之旅，	будешь знать – так ханжа залипал у ха-кна
10	哈亭又嗯亭，哈山的湿气	трип по горам от ха-ха до ага
11	梭哈哈男哈女。登高再高，	ха-лалли, ва-банк... где же край – не видать
12	到哈头，尝一哈水而哈天下，	вся вселенная – вся Поднебесная – ха!
13	像哈哈镜里的哈伯望远，	как тебе Хаббл такое – не х!
14	看哈话如哈草的哈友，掠过	хамы, хапуги, халтура, труха
15	哈姆雷区的哈论，又苦哈哈	гамлетизмы, хандра... ухайдокался, да?
16	于德令哈，嘻哈一众哈腰者	это все Дэлинха и треклятый хип-хап
17	齐齐哈尔等大咖如哈里发。	Цицихар, халифат, халивар, требуха
18	是哈巴狗、哈密瓜共哈吸	хаски, подхалимаж и хамийские дыни – хана
19	哈喇子，哈欠欠哈而哈梦中	каплет слюна... и зева... – значит хва!
20	哈人正哈利路亚于哈瓦那。	Hallelujah Habana! Ха-люди – ура!

Методология, новизна и актуальность работы

Применительно к стиховедческим и поэтологическим аспектам анализа, данное исследование восходит к теоретическим школам точного стиховедения М. Л. Гаспарова [Гаспаров] и поэтики выразительности А. К. Жолковского и Ю. К. Щеглова [Жолковский, Щеглов]. На сегодняшний день количественный подход к поэтическим текстам особенно активно развивается в области цифровой гуманитаристики [см. например: Орехов], а понятия «семантического ореола метра» и «иконического подобия» между пластами выражения и содер-

¹ Следует оговориться, что сборник был опубликован на территории Тайваня с использованием «традицион-ной» формы начертания иероглифов, однако в настоящей статье будет применен «упрощенный» вариант запи-си символов, принятый в материковом Китае.

жания являются расхожими терминами в академических кругах [см. например: Плунгян; Иткин].

Теория межъязыковых переводческих трансформаций Л. С. Бархударова была адаптирована к русско-китайской паре языков В. Ф. Щичко [Щичко]. Именно полисемия односложных слов-морфем (字) обеспечивает широту восприятия «классической» поэзии и является гарантом многообразия переводческих трактовок [см. например: Скворцов, Кондратова]. Примечательно, что и анализы современной поэзии нередко нацелены именно на эту многозначность иероглифа как дань преемственности древним стихам [Дрейзис]. Необходимость же комплексного подхода к языковой форме (включающей ритм, метр, рифму, строфику и другие уровни организации текста) и эстетической ценности поэтического произведения при переводе с китайского на русский также становилась предметом анализа исследователей классической поэзии [Гу Цзюньлин, Чжан Цянь].

Уникальность предлагаемого материала обуславливает новизну настоящего исследования. Актуальность же работы заключается в предложении комплексного подхода к обработке текстов современной китайской поэтической традиции.

Краткая стиховедческая характеристика текста

При первом прочтении наибольшее внимание на себя обращают формальные приемы организации произведения. Стержневой единицей текста выступает иероглиф «哈» («ха»). На 20 строк и 209 символов стихотворения (за вычетом заголовка и пунктуации), данный знак встречается 55 раз, что составляет более четверти от общего объема текста². О том, что поэт осознанно стремился к столь высокой частотности, красноречиво свидетельствует положение произведения в сборнике в разделе «字典诗» («Словарь иероглифов»), а значит, эта часть замысла никоим образом не может быть проигнорирована при переводе. Невозможно не заметить и тот факт, что большинство строк тяготеют к равному числу слогов: половина из них содержит 10 иероглифов, еще восемь – 11, а оставшиеся две – по 9 и 12 соответственно. Такая установка пусть и не способна сравниться с выверенностью традиционных «уставных» стихов [Дрейзис, с. 194], но однозначно претендует на поиск «новой гармонии», при которой читающему необходим строго определенный «запас дыхания», чтобы добраться до конца каждой строки. Именно эта особенность текста подтолкнула автора статьи к выбору метра в качестве исходного принципа перевода. Как и в случае с оригиналом, полного единообразия здесь достичь не удалось, но за основу был взят четырехстопный анапест с «мужской» рифмовкой (отсутствующей в оригинале), призванной компенсировать ряд других переводческих потерь (о них речь пойдет ниже). «Стремительность и порывистость» данного размера (еще по выражению

² Ввиду многочисленности использованных автором неологизмов (см. ниже) детальный подсчет более сложных единиц текста (состоящих из двух и более иероглифов) не представляется возможным. По этой же причине затруднительно говорить о наличии чередующихся ритмических блоков, ведь для их выделения потребовалось бы четкое членение на лексемы, а оптимально – и использование референтного корпуса. Потому более детальные квантитативные изыскания планируется сделать предметом дальнейших исследований.

Гумилева [цит. по: Гаспаров, с. 4]) кажется оптимальным выбором для репрезентации оригинала, в котором доминирует «высокий» регистр³. Выбиваются же из схемы 1, 9–11, 13–14 и 18–20 строки. Хочется думать, что подчеркнутая ритмизация способна одномоментно приблизить столь «провокативный» по содержанию текст к традиции отечественной силлабо-тоники, а возможно и породнить его с опытами Льва Лосева [Лосев, с. 8].

Ключевые лексические трансформации

Куда более сложным представляется лексический уровень построения текста, и причиной тому, главным образом, как раз иероглиф «哈». При более пристальном взгляде за слоем статистики употреблений открывается многообразие ролей, в которых данный знак может проявлять себя. В данной секции стоит ограничиться лишь упрощенной классификацией значений и функций этого символа.

1) Первым, безусловно, идет звукоподражательный потенциал слога – его способность к имитации устной речи. Действительно, в эпоху цифровых коммуникаций простейший ряд из повторяющихся единиц («хахаха») без труда заменяет большинству коммуникантов самые разные эмоциональные реакции: от насмешки, до недоумения. Именно такие «смешки» периодически проскальзывают в стихотворении: в чистом виде в пятой строке (打个哈哈 – дословно: набрать «хаха») и в комбинации с другим междометием 哼哈 («хэнха» – пренебрежительно фыркать с усмешкой) – во второй. Отдельно следует упомянуть также возможность иероглифа передавать гнев («哈!» в шестой строке, что отзывается эхом в восклицательной рифме строке № 12 переводного варианта) или служить концевой выразительной частицей (также в строке № 6: «别吓我哈!»). В совокупности все это сообщает произведению разговорный – почти фамильярный – тон, который был сохранен по-русски при помощи транскрипции («ахах») и многочисленных просторечий («нифига», «ля-ля», «щас» и др.).

2) Кроме оноματοпозитических стилизаций, иероглиф «哈» может участвовать в процессах словообразования – чаще всего в статусе глагола или прилагательного. Современный китайский язык знает немало лексем подобного происхождения, и значительная их часть была предусмотрительно собрана поэтом-книгочеем. Для начала, можно привести несколько «словарных» единиц (в скобках дан номер строки в оригинальном тексте и наиболее близкий словарный перевод): 哈出 (№ 4, выдыхать, что может указывать на запотевание экрана при поднесении его к лицу); 哈帐 (№ 6, глупый, бестолковый); 哈哈镜 (№ 13, кривое зеркало); 苦哈哈 (№ 15, мучиться; прилагать отчаянные усилия); 哈欠 (№ 19, зевать) и т. д.

Тем не менее куда более охотно поэт прибегал к авторской лингвопластике – новациями отмечена практически каждая вторая строка произведения. Некоторым из них удалось найти соответствие при переводе на русский, для чего также были использованы различные приемы. Так, часть ситуативных неологизмов была «нормализована» (哈泡 – «набухла»), для другой группы была применена развер-

³ В большинстве ситуаций иероглиф «哈» следует читать первым (высоким ровным) тоном. В сумме же количество знаков, прочитываемых этим тоном в произведении составляет более трети: 84/209.

нутая дескриптивная стратегия (马大哈的哈哈党 – пройдоха, смехач, раздолбай)⁴, где-то были задействованы возможности русской морфологии (哈哈流 – смехолента), наконец, в трех случаях автор статьи взял на себя смелость добавить к словам начальный слог, т. е. полностью калькировать китайский вариант (哈窗 – ха-кно; 哈女 – ха-лалли; 哈人 – ха-люди). Впрочем, для русской поэзии даже такой ход не является новостью – достаточно вспомнить стихотворение «Из Екклесиаста» Сергея Гандлевского, где в последней строфе фигурирует по-детски зашифрованная «Чи-со-чи-весь».

Охватить же по-русски весь словотворческий гений Цао Сэна без ущерба для формы и эффекта от переводного текста попросту не представляется возможным. Потому было принято решение пожертвовать целым перечнем отдельных лексем во имя целого. Так, например, уже упомянутому выше «кривому зеркалу» не нашлось места в русском варианте, а по отношению к неологизмам из четырнадцатой строки (哈话 – ха-речи, 哈草 – ха-травы, 哈友 – ха-други) была осуществлена функциональная замена (в данном случае – по принципу начальных и конечных созвучий).

3) Однако и это не исчерпывает всех значений, в которых читающему на китайском языке может встретиться иероглиф «哈». Не менее часто он применяется для фонетической транскрипции заимствований, и было бы удивительно, если бы Цао Сэн не воспользовался этим шансом для расширения креативного пространства текста. Помимо «поверхностных» англицизмов (哈喽 – привет; 哈伯 – Хаббл; 嘻哈 – хип-хоп и др.), в произведении также присутствуют реалии северных и северо-западных регионов КНР (например, 德令哈 – Дэлэнха – городской уезд Хайси-Монгольско-Тибетского автономного округа провинции Цинхай) и другие «точечные» вкрапления из разных языков (哈里发 – халиф; 哈利路亚 – аллилуйя; 哈瓦那 – Гавана и др.), в том числе – диалектизмы (哈喇子 – вариант слова «слюна» в северо-восточных регионах Китая). Показательно, что практически во всех ситуациях подбор подходящей русского эквивалента не составлял труда. В первой и последней строке автор данной статьи сознательно прибег к написанию латиницей, чтобы лишний раз сделать акцент на звуке «ha». В условиях идущей полным ходом глобализации «повышенная переводимость» топонимов и эквикультурных феноменов уже выглядит как нечто само собой разумеющееся [подробнее об этом см. : Чайковский, Воронежская, Лысенкова, 184]. Тем не менее для настоящей статьи присутствие этих слов с ярко выраженным интернациональным колоритом чрезвычайно значимо, поскольку позволяет более уверенно собрать пазл интерпретации. О сборке этой мозаики и пойдет речь в заключительной части.

Опыт интерпретации произведения и обсуждение

Представленный выше разбор стихотворения удобен в смысле инвентаризации, ибо позволяет лучше осознать какой набор «деталей» находился в распоря-

⁴ Примечательно, что, если верить словарю, около полувека тому назад составная лексема 马大哈 также была неологизмом – стяженной записью трех четырехсловов: 马马虎虎, 大大咧咧, 嘻嘻哈哈, каждый из которых указывал на небрежное и беспечное отношение к делу адресата высказывания (БКРС). Подбор же аналогичного «смехового» неологизма Велимира Хлебникова также было продиктовано желанием автора создать «переключку» между двумя поэтическими традициями.

жении автора. И все же подлинная ценность произведения – это всегда его «цельность», спаянность частей в синергическое единство. То же справедливо и для перевода. И практики, и теоретики многократно сходились на том, что без должного герменевтического усилия работа над текстом превращается в скупой подсчет и операционализм или попросту – «перевод без искусства» (если перефразировать меткую формулу Н. К. Гарбовского [см. : Миры литературного перевода, с. 320]). Здесь как нельзя уместно вспомнить об «игровой» природе созидательно-креативной деятельности, частью которой является и перевод как творчество «второго порядка», подробней о связанной «людической» теории см. : [Куницына]). Тем не менее чтобы оправдать все «неточности» и «списания» из реестра единиц, от переводчика требуется выработать состоятельную версию толкования.

На первый взгляд, стихотворение Цао Сэна запечатлевает знакомый многим не понаслышке сюжет. Некий человек просыпается по будильнику, пробует разблокировать телефон при помощи технологии распознавания лица, терпит неудачу, но все же справляется с задачей, приложив отпечаток пальца, после чего погружается в поток цифровых развлечений. Финал текста можно прочитать двояко: либо персонаж, завершив «ритуал», все же встает с постели, либо же внезапно засыпает вновь, и пестрота образов продолжает занимать его уже в мире сновидений. Именно эта событийная канва нашла отражение и в русском варианте текста – особенно в первой его части, где концентрация формальных приемов была специально снижена для лучшей передачи коммуникативной составляющей содержания.

Еще в работах А. К. Жолковского по поэтике выразительности было наглядно показано, какой существенный вклад в раскрытие художественной идеи текста может внести установление «иконического подобия между предметными темами и соответствующими единицами кода» [Жолковский, Щеглов, с. 79]. Для настоящего же анализа «пограничной» оказывается девятая строка, где вводится образ «окна» (в переводе – «ха-кна»), в котором уже в силу его «вещной» функции заключена семантика «рубежности»⁵. Однако у Цао Сэна грань между «жилищем» и «внешним пространством» оказывается предельно размытой, ведь интернет давно превратил каждый девайс в переносной портал, в результате чего пользователям открылся почти неограниченный доступ к событиям, происходящим по всему земному шару. До известной степени виртуальный ландшафт выступает полной противоположностью физико-географическому в своей проницаемости – в нем языки, жанры, стили, эмоции, сферы опыта и чувствования разделяет буквально один жест владельца устройства.

Таким образом, простейший постмодернистский прием «утилизации» языкового материала одновременно составляет семантический центр всего произведения, а посыл стихотворения может быть прочитан в русле «социального комментария». В таком ракурсе иероглиф «哈» предстает своего рода «вирусом», инфицировавшим сетевое общение. Обеднение лексического спектра, ответственного за эмоции, видится глобальным явлением, но в синофонной среде, за счет почти полного отсутствия морфологии на уровне знака, роль отдельно взятого симво-

⁵ Симптоматично также, что именно в этой, восьмой строке наблюдается наибольшая концентрация иероглифов 哈 – 4/11 единиц.

ла представляется несравнимо большей, нежели даже у столь распространенного в виртуальном общении слога как «ха». Потому еще более авангардной стратегией перевода была бы замена в ряде позиций соответствующих сочетаний букв китайским символом (哈!; 哈кна и т. д.), для более достоверного воссоздания «замусоренного» цифрового пространства. Кроме того, именно такое понимание авторской идеи обусловило некоторые переводческие предпочтения автора статьи – в частности, желание сделать акцент на «мешанине» образов во второй половине стихотворения даже в ущерб некоторым синтаксическим конструкциям. К примеру, в строке № 17 изначальное предложение «Цицикар дожидается барыгу словно халифа» было решено переписать в соответствии с общим вектором интерпретации, оснастив его отсутствующими в оригинале лексемами («халивар», «требуха») и увеличив тем самым коэффициент «вольности». Впрочем, вердикт об адекватности использованных переводческих приемов – прерогатива читателей и последующих поколений исследователей.

Заключение

Подводя итог, хочется подчеркнуть значимость многовекторной и междисциплинарной рефлексии при осуществлении художественного перевода. В особенности это актуально для «гетероморфных» текстов, к которым принадлежит стихотворение «Хахаха» Цао Сэна. «Гибридный» и по содержанию, и по форме текст требует не только соответствующей стратегии перевода, но и многоуровневой системы анализа, учитывающей как объективный перечень языковых единиц, так и субъективный эстетический эффект от прочтения.

Список литературы

- Гаспаров М. Л. Метр и смысл. М. : Фортуна ЭЛ, 2012. 416 с.
- Гу Цзюньлин, Чжан Цянь. Особенности передачи эстетической ценности танской поэзии в переводах на русский язык: на примере трех переводов стихотворения Ли Бо «Думы в тихую ночь» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. № 3. С. 515–529.
- Дрейзис Ю. А. Параллелизм классического типа как механизм связности в современной китайской поэзии // Культура и цивилизация. 2016. № 4. 192–202.
- Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст / М. : АО Издательская группа Прогресс, 1996. 344 с.
- Китайская поэзия сегодня / под ред. Н. Азаровой, С. Ю. Бочавер, Ю. Дрейзис. М. : Культурная революция, 2017. 288 с.
- Иткин И. Б. Антистансы (Формально-семантический анализ стихотворения Е. А. Баратынского «Мой дар убог, и голос мой не громок») // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, 2022. № 4. С. 193–203.
- Куницына Е. Ю. Поэтический перевод как посттворчество: игра автора vs игра переводчика // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2020. № 1. С. 3–26.
- Лосев Л. Стихи / СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. 600 с.
- Миры литературного перевода: В 2 т. Т. 1. Переводчик и автор: на пути к идеальному тексту: Материалы тематических семинаров IV Международного конгресса переводчиков художественной литературы (Москва, 8–11 сентября 2016 г.) / М. : Институт перевода, 2018. 384 с.
- Плунгян В. А. О метрике Игоря Чиннова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 3. С. 11–35.
- Орехов Б. В. Метрическое и лексическое разнообразие в стихах А. А. Вознесенского // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 3. С. 50–58.

Скворцов А. В., Кондратова Т. И. Новый поэтический перевод и анализ изобразительно-выразительных средств, использованных в стихотворении Ду Фу «Отправляюсь из Ланчжуна» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 12. С. 3813–3819.

Цао Сэн. Дикий предвестник (Е сянь цюй) / Тайбэй: АО Информационные технологии Сюээй, 2023. 202 с.

Чайковский Р. Р., Вороневская Н. В., Лысенкова Е. В. и др. Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации (основы теории): монография. М. : Флинта, 2015. 222 с.

Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода. М. : Восточная книга, 2010. 224 с.

Chinese Poetry and Translation: Rights and Wrongs / ed. by Maghiel Van Crevel and Lucas Klein. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2019. 356 p.

Venutti L. Translation Changes Everything. Theory and Practice. New York : Routledge, 2013. 271 p.

The article was submitted on 25.06.2024

В. Е. Пономарева

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК ХАРБИНА В РОМАНЕ ЧИ ЦЫЦЗЯНЬ «ДЫМ КЛУБИТСЯ НАД ОГНЕМ»

Аннотация. В данной статье рассматриваются архитектурные объекты как важный составной элемент образа Харбина в романе Чи Цзыцзянь «Дым клубится над огнем». Писательница создает широкую архитектурную панораму города, включает в повествование различные типы городских построек, которые не только выполняют функцию фона для развития сюжета и места действия героя, но и становятся предметом восхищения и любования героев. Чи Цзыцзянь описывает реально существующую архитектуру Харбина, создавая некий «литературный макет» города, особое внимание она уделяет историческим объектам, тем самым выражая свою активную позицию по их сохранению и бережному использованию. Особая роль в романе отводится образам жилых домов, которые помогают писательнице раскрыть кипучую и многогранную жизнь большого города, изобразить характер и судьбы героев. Автор предлагает свою классификацию архитектурных объектов романа и анализирует связанные с ними темы и мотивы.

Ключевые слова: современная литература Китая; литература Северо-Восточного Китая; Чи Цзыцзянь; роман «Дым клубится над огнем»; Харбин; архитектура; архитектурные объекты

Veronika E. Ponomareva

ARCHITECTURAL IMAGE OF HARBIN IN CHI ZIJIAN'S NOVEL "STORIES OF HARBIN"

Abstract. This article considers architectural objects as an important component of the image of Harbin in Chi Zijian's novel "Stories of Harbin". The writer creates a wide architectural panorama of the city, includes in the narrative various types of urban buildings, which not only serve as a background for the development of the plot and the location of the hero's action, but also become the subject of admiration for heroes. Chi Zijian describes the real-life architecture of Harbin, creating a kind of "literary model" of the city; she pays special attention to historical objects, thereby expressing her active position on their preservation and careful use. A special role in the novel is given to images of residential buildings, which help the writer to reveal the vibrant and multifaceted life of the big city, to depict the character and fate of the heroes. The author of this article provides his classification of architectural objects in the novel and analyzes the themes and motifs associated with them.

Keywords: modern Chinese literature; literature of Northeast China; Chi Zijian; the novel «Stories of Harbin»; Harbin; architecture; architectural objects

Город как феномен жизни и культуры людей испокон веков привлекал внимание писателей и поэтов. В художественных произведениях город может быть не только фоном для действий героев, но и сам становится героем, наделяется характером, совершает мотивированные поступки и обладает особым духом, способным эмоционально воздействовать на человека. Каждый писатель по-своему осмысляет образ города, использует разные художественные приемы, посредством размышлений героя или повествователя выражает свое отношение к нему,

а также с его помощью изображает реалии исторической или современной эпохи либо конструирует свой собственный вымышленный мир.

За свое чуть более чем столетнее существование Харбин не раз обретал свой художественный образ как в русской эмигрантской, так и в китайской литературе. Часть современных китайских писателей, уроженцев провинции Хэйлуцзян, нередко в своем творчестве обращаются к теме малой родины, внося свой вклад в формирование «харбинского» текста. Чи Цзыцзянь – одна из ярких представительниц литературы Северо-Восточного Китая – посвятила Харбину несколько произведений: «Маньжоу-го», «Белый снег, черные вороны», «Танец» и др. Но лишь в романе «Дым клубится над огнем» образ Харбина приобрел свое полное и законченное воплощение. В фокусе внимания писательницы – большой современный город, его улицы, дома, пейзажи и жизнь горожан, протекающая на фоне уникальных городских ландшафтов. В данной статье мы проанализируем только один из компонентов образа Харбина в романе – его архитектурный облик.

Архитектурные объекты играют важную роль в создании художественного образа любого города. В результате художественного осмысления реальности писателем здания и сооружения, созданные архитекторами «во плоти», становятся художественными образами литературы [Гусарова, с. 11], они получают определенную интерпретацию в произведениях, встраиваются в его систему смысловых связей и образов.

В романе «Дым клубится над огнем» архитектурным объектам уделено особое внимание. Чи Цзыцзянь создает некий «литературный макет» современного Харбина, на котором представлены различные типы сооружений – от культурно-исторических памятников, связанных, прежде всего, с эмигрантским периодом в истории города, до современных построек: храмов, театров, вокзалов, больниц, ресторанов, старинных зданий и усадеб, жилых домов, мостов и т. д. Писательнице не свойственно «придумывание» локаций эпизодов, она стремится зафиксировать на страницах романа реально существующую архитектуру Харбина, точно обозначая месторасположение на карте с указанием района, улицы, других объектов неподалеку. Например, упоминая Софийский собор, она уточняет, что он располагается неподалеку от улицы Чжунъяндацзе, в центральной части района Даоли [Чи Цзыцзянь, с. 187].

Ко многим старым зданиям Чи Цзыцзянь дает подробное описание, включая их цвет, крыши, окна, детали фасада, приводит краткую справку, часто помечая их фразой «имеет столетнюю историю» (有百年历史) [Чи Цзыцзянь, с. 14, 24, 55 и т. д.]. Красочность и детализованность описаний позволяет не только обогатить художественное пространство города запоминающимися образами, но и обеспечивает узнавание читателями мест настоящего Харбина. При этом фрагменты информативного характера, более свойственные туристическим брошюрам, нежели художественному произведению, органично вписаны в сюжет и не мешают его целостному восприятию городской панорамы. Более того, детально описанные городские объекты зачастую не просто выполняют роль фона повествования, но являются предметом любования, восхищения и размышления героев.

Перечислим, какие архитектурные объекты упоминаются в романе, разделив их на категории, которые частично совпадают с назначением зданий, однако, выделены нами по объединяющему их мотиву в сюжете. Объекты каждой категории введены в канву повествования в рамках определенной сюжетной линии, наделены неким общим символическим смыслом, выражают важную для автора идею, вызывают у героя одни и те же переживания. Отметим, что в данном перечне мы приводим все общественные строения, но не включаем жилые дома, которые классифицируем и проанализируем отдельно.

1) Храмы: Софийский собор (圣·索菲亚教堂), Свято-Алексеевская церковь в Модягоу (阿列克谢耶夫教堂), Храм Покрова Пресвятой Богородицы (圣母守护教堂), Немецкая лютеранская церковь (基督堂), Собор Святейшего Сердца Иисуса (耶稣圣心天主教堂), Храм Конфуция (文庙), буддийский храм Цзилэсы (极乐寺), Харбинская Соборная мечеть (哈尔滨清真寺).

2) Объекты в объективе фотоаппарата: здание бывшего Голландского посольства (荷兰领事馆旧址), здание бывшего Английского посольства (英国领事馆旧址), торговый дом «Чурин и Ко» (秋林公司), торговый дом «Мацуура и Ко» (松浦洋行), особняк чиновника Ма Чжунцзюня (马道台府), железнодорожный речной клуб (江上俱乐部), кирпично-бетонное здание на улице Миньцизэ (民益街的砖混结构), детский сад «Заря» (прежний адрес, 红霞幼儿园旧址), Мемориальный музей героев Северо-востока (东北烈士纪念馆), здания китайского барокко квартала Лаодаовай (道外中华巴洛克建筑).

3) Объекты Харбина начала XX века – 1930-х гг.: КВЖД (中东铁路), мукомольный завод (制粉厂), табачная фабрика (卷烟厂), конфетная фабрика (糖厂), гостиница «Модерн» (马迭尔旅馆), кинотеатр «Хэпин» (бывший «Ориент», 敖连特电影院), больница КВЖД (铁路医院), клуб при КВЖД (东铁路俱乐部), Еврейское кладбище (犹太公墓), Московские торговые ряды, Кафе-кондитерская Миниатюр (米尼阿久尔咖啡茶食店), Балетная школа (芭蕾舞学校), Еврейская школа (犹太中学), Музыкальная школа (音乐学校).

4) Театры и концертные залы: Старая синагога (犹太老会堂), Большой театр (哈尔滨大剧院), театр Бэйфан (北方剧场), Театр музыкальной драмы (哈尔滨歌剧院), Дворец молодежи (青年宫), Концертный зал Цюньли (群力音乐厅), Старый концертный зал (老会堂音乐厅).

5) Объекты, объединенные мотивом «старого» и «нового»: железнодорожный мост через реку Сунгари (滨江铁路桥), театр местной драмы (бывший кинотеатр «Синьвэнь», 哈尔滨地方戏院).

6) Другие узнаваемые объекты города: Харбинский железнодорожный вокзал (火车站), Первая больница (医大一院), Харбинский политехнический университет (哈尔滨工业大学), мост Янминтаньдацяо (阳明滩大桥), мост Аньфацяо (安发桥).

7) Кафе и рестораны: ресторан европейской кухни (西餐店),пельменная (饺子馆), ресторан хого (火锅店), ресторан корейской кухни (韩餐), закусочные (食店).

8) Другие городские заведения: супермаркеты (超市), универмаги (杂货店), продовольственные магазины (食杂店), шашлычные (烧烤店), овощные ларьки (蔬菜店), магазины тканей (绸缎店), магазины норковых шуб (貂皮大衣商铺), цветочные магазины (鲜花店), бани (澡堂), парикмахерские (理发店), часовая ма-

стерская (钟表店), магазин светильников (灯饰店), зоомагазины (宠物店), травм-пункты (诊所), турагенства (旅社), детские сады (幼儿园), магазины одежды (商服), обувные магазины (鞋铺), ночные клубы (迪厅), магазины картин (画店), книжные магазины (书店), канцтовары (文具店), магазин товаров для детей (儿童用品商店), университеты (大学), школы (学校), спортивные центры (体育馆), библиотеки (图书馆), остановки (公交站), заводы (工厂).

Как видно по приведенному списку объектов, Чи Цзыцзянь прибегает к их своеобразной «каталогизации» в произведении, упоминая различные типы городской архитектуры и объединяя их одной функциональной идеей, ей важно показать значение тех или иных зданий для Харбина. Опишем подробнее каждую категорию и выделим эти идеи.

Храмы. Образ храмов представлен в романе памятниками религиозной архитектуры различных конфессий, построенными в первой половине XX века и ставшими символом Харбина как города на стыке культур, центра притяжения людей разного вероисповедания. Немногие из них используются по назначению, но они играют ключевую роль в формировании уникального облика северо-восточной столицы. Чи Цзыцзянь отмечает, что в 1930-х годах «в Харбине разные конфессии сосуществовали вместе, на улицах города были как католические и христианские церкви, синагоги и мечети, так и даосские храмы и буддийские монастыри» [Чи Цзыцзянь, с. 40]. К слову, Харбин – один из крупнейших городов по количеству храмов в Китае.

Образ храмов дан глазами героини Хуаньэ, которая вместе с сыном Цзабаньэром совершает прогулку по местам богослужения и молится о благополучии ребенка в большом городе. Они любуются куполами и крышами храмов, узорами на стенах, изображениями святых, крестами христианских церквей, «похожими на золотые заколки для волос» [Чи Цзыцзянь, с. 187], минаретами и серпам луны мечети, подобным «стае маленьких ястребов» [Чи Цзыцзянь, с. 186]. К каждому храму приводится краткая историческая справка, интересный факт, например, что в церкви Покрова Пресвятой Богородицы находится старинный колокол: «Говорят здесь сохранился большой колокол, отлитый в Москве больше ста лет назад» [Чи Цзыцзянь, с. 191].

По мнению китайского исследователя И Гаояня, Чи Цзыцзянь в образе храмов воплощает дух Харбина, однако не подчеркивает их религиозную и воспитательную функцию, а выделяет их культурную и архитектурную ценность. Так, например, во время прогулки героиня не может пройти к мечети, потому что ее фасад реставрируется, в Софийском соборе открыт музей, что мешает ей молиться, а в собор Святейшего Сердца Иисуса она не заходит совсем. Все эти детали наводят на мысль, что таким образом Чи Цзыцзянь воспринимает храмы как культурный ландшафт города, как уникальные исторические достопримечательности, сохранившиеся до наших дней и формирующие особый яркий облик Харбина [И Гаоянь].

Соглашаясь с мнением исследователя, отметим также особенность личности самого персонажа, глазами которого читатель видит храмы. Для Хуаньэ, женщины из провинции, в принципе не существует разницы вероисповеданий. Она одинаково кланяется и обращается с молитвой к различным богам во всех храмах, и в этом ее отношении, на наш взгляд, удивительно проявляется особенная атмос-

фера Харбина – атмосфера веротерпимости и конфессионального многообразия города, где мирно уживаются друг с другом представители разных религиозных направлений. С другой стороны, атмосфера богослужения вдохновляет Хуаньэ: в Свято-Алексеевской церкви она присутствует на католической мессе и слушает песнопения, в Цзилэсы – наслаждается колокольным звоном и барабанным боем. Храмы представляются ей как тихое сакральное место, сосредоточие божественной благодати, окруженное светлой аурой надежды на чудо, которая «согревает» душу и освещает сердца [Чи Цзыцзянь, с. 196]. Такие эпизоды, как сон Лю Цзяньго о позолоченной руке Будды и лотосе [Чи Цзыцзянь, с. 194], дарение амулета из Цзилэсы еврейкой Сепуляньной мужу [Чи Цзыцзянь, с. 41], сцена у храма Покрова Пресвятой Богородицы, где на ступенях сидел мужчина и играл на аккордеоне в честь умершей жены [Чи Цзыцзянь, с. 192], призваны усилить особую, «чудесную» атмосферу храмов.

Умиротворенная атмосфера вокруг храма резко контрастирует с уличным движением города. Так, на оживленной улице у Покрова «под землей снуют туда-сюда поезда метро, а на земле и днем и ночью извечно шумят люди и машины» [Чи Цзыцзянь, с. 192], а у Цзилэсы «расположились в ряд ларьки, торгующие богослужебной утварью», и на улице «яблоку негде упасть, повсюду толпятся люди, откуда-то возникают торговцы живой рыбой, птицами» [Чи Цзыцзянь, с. 194]. В то же время внутреннее состояние героини после молитвы проецируется на городское пространство. Так, радость, переполняющая ее, царит и на площади перед храмом: «на скамейках пожилые люди наслаждаются солнцем, столь редким в этих краях, дети играют и резвятся, передвижные торговцы продают воздушных змеев, высоко парящих на осеннем ветру» [Чи Цзыцзянь, с. 189].

Отношение Хуаньэ и ее сына к религиозной архитектуре не одинаковое. Для мальчика Цзабаньэра христианские храмы все на одно лицо, «все те же красные стены и зеленые крыши, увенчанные крестами» [Чи Цзыцзянь, с. 192]. Он стесняется кланяться, не понимает смысла молитв и оглядывается, «как бы не увидели его одноклассники» [Чи Цзыцзянь, с. 186]. Возможно, во взгляде ребенка, равнодушного к архитектурному убранству города, писательница отражает мысль, что далеко не все жители и гости города обращают внимание на его архитектурный облик и могут по достоинству оценить уникальные образцы старинных зданий.

Здания в объективе фотоаппарата. Другая часть исторического наследия города, связанная с деятельностью русских эмигрантов, дана через объектив фотоаппарата Юй Давэя, для которого «самое очаровательное в Харбине – старинные здания, разбросанные по разным его районам» [Чи Цзыцзянь, с. 237]. В своем герое, горячем поклоннике архитектуры, писательница выражает свое отношение к таким зданиям, для нее они как «книги по архитектуре с рассыпавшимися страницами, каждая страница – великолепна» [Чи Цзыцзянь, с. 237], как «классические произведения искусства в музее под небом, глядеть – не наглядеться» [Чи Цзыцзянь, с. 50]. Юй Давэй как бывший архитектор хорошо разбирается в архитектурных стилях, отмечая, например, «островерхие крыши в готическом стиле» Голландского посольства [Чи Цзыцзянь, с. 238], «классическое барокко» торгового дома «Мацуура и Ко» [Чи Цзыцзянь, с. 239], «китайского барокко» зда-

ний квартала Лаодаовай [Чи Цзыцзянь, с. 240]. Он также восхищается личностью Юлия Петровича Жданова, «самого великого русского архитектора Харбина», спроектировавшего «много несравненно прекрасных старинных зданий» города [Чи Цзыцзянь, с. 238].

Внимательное и бережное отношение писательницы к архитектурному наследию Харбина проявилось в описании зданий в романе, пытливый Юй Давэй стремится не просто сфотографировать фасад зданий, но посредством разных ракурсов найти «сердце» здания и таким образом выделить его особо примечательные детали. Так, например, у торгового дома «Чурин и Ко» Юй Давэй фотографирует «верхушку-оливку», похожую на «медный колокол» [Чи Цзыцзянь, с. 240], у «Мацууры и Ко» он долго любуется мраморными колоннами в виде мужчины и женщины [Чи Цзыцзянь, с. 239–240], а у особняка Ма Чжунцзюня берет в объектив лишь «цилиндрическую крышу старинного замка, отчего она напоминает ракету, готовую вот-вот взмыть в воздух и отправиться покорять звездное небо как в детской сказке» [Чи Цзыцзянь, с. 240]. Интересным представляется факт, что Юй Давэй фотографирует только в определенное время года – «в дни первого снега», когда «здания сверкают под снежной пеленой» [Чи Цзыцзянь, с. 240]. Харбин славится фотографиями заснеженных городских пейзажей, это в очередной раз подчеркивает его особенность по сравнению с другими большими городами Китая.

Объекты Харбина начала XX века – 1930-х гг. Данные объекты упоминаются в истории матери Юй Давэя Сепуляньны и ее первого мужа Игнавича. Они формируют архитектурный облик Харбина периода белой эмиграции. На примере этой семьи писательница изображает повседневную жизнь эмигрантов в городе, а здания становятся местами их деятельности. Так, например, Игнавич и Сепуляньна случайно встречаются в кинотеатре «Ориент» [Чи Цзыцзянь, с. 40], а в гостинице «Модерн» празднуют свадьбу, где, как упоминает Чи Цзыцзянь, некогда останавливался Шаляпин во время своего визита в Харбин [Чи Цзыцзянь, с. 42].

Театры и концертные залы. Данные объекты в романе объединены мотивом поиска потерянного ребенка. Лю Цзяньго надеется, что мальчик унаследовал музыкальные гены родителей и посвятит себя музыке, поэтому часто посещает концерты и спектакли и постепенно становится любителем музыки. Музыка – один из важнейших символов Харбина как «музыкальной столицы Китая», поэтому Чи Цзыцзянь не могла обойти вниманием здания, связанные с этим мотивом. Писательница прослеживает их историю, начиная с 1990-х гг., когда «мест для концертов в Харбине было немного» до 2010-х гг., когда состоялось открытие Большого театра [Чи Цзыцзянь, с. 121] и концертного зала в Старой синагоге, где «стали часто проводиться выступления местных и заграничных камерных оркестров, художественных институтов» [Чи Цзыцзянь, с. 25].

Интересно, что убранство обоих зданий дано глазами двух героев – Лю Цзяньго и Хуаньэ, они демонстрируют совершенно противоположное отношение к их внешнему и внутреннему облику. Так, например, во внешнем убранстве зданий Лю Цзяньго отмечает «элегантные деревянные колонны с барельефами», «искрящиеся и переливающиеся декоративные фонари» [Чи Цзыцзянь, с. 26] концертного зала, Большой театр называет «музыкальным бриллиантом города»

с оригинальным дизайном «плавающих по воде льдинок» [Чи Цзыцзянь, с. 231]. Хуаньэ, наоборот, красота зданий непонятна, для нее окна синагоги «похожи на висящие пивные открывашки, будто в питейном заведении» [Чи Цзыцзянь, с. 26], а фасад Большого театра вовсе не оригинален, «всего лишь кусок плавучего льда», а «уличные фонари похожи на палки, которыми попрошайки отгоняют собак» [Чи Цзыцзянь, с. 231]. В столь разном отношении главных героев к зданиям Чи Цзыцзянь реализует мотив различного восприятия города глазами коренного жителя и провинциала. Простой, сугубо практичный вкупе с суевериями взгляд Хуаньэ контрастирует с романтико-поэтическим, эстетико-созерцательным восприятием зданий Лю Цзяньго, что отражает, с одной стороны, разный уровень образованности и культуры героев, которые выросли в совершенно разной социальной среде, и их разное мировосприятие, эстетические вкусы – с другой.

Объекты, объединенные мотивом «старого» и «нового». С помощью этих зданий писательница ставит вопрос о взаимодействии «прошлого» и «современного» в быстроразвивающемся городе, в образе кинотеатра «Синьвэнь» и Железнодорожного моста читатель видит два наглядных примера такого взаимодействия. Железнодорожный мост через реку Сунгари – пример удачного сочетания в облике города старинной и современной архитектуры. Старый мост, «спроектированный и построенный русскими архитекторами» [Чи Цзыцзянь, с. 14], гармонично сосуществует рядом с современным железнодорожным мостом, новая архитектурная композиция воспринимается харбинцами как символ смены эпох [Мост через реку Сунагри...], что отражено в романе с помощью яркого сравнения с танцующей парой, «будто бы прекрасный юноша в расцвете сил танцует с пожилой женщиной с больными ногами» [Чи Цзыцзянь, с. 15]. Дополняет красивое сравнение музыкальный мотив: «Два моста словно два музыкальных инструмента, висящих над волнами Сунагри, эхом звучат на ветру, старый мост – низкоголосый гуцинь, новый мост – величавая валторна» [Чи Цзыцзянь, с. 15].

Харбинский театр местной драмы – пример неудачного использования исторического здания. Под вывеской «Кинотеатр Синьвэнь», будто под «сверкающей короной» наклеены вывески комиссионного магазина, ортопедической клиники и другие [Чи Цзыцзянь, с. 252–253], портящие как фасад здания, так и ауру старинного искусства. Тема «уродливых» вывесок неоднократно звучит в романе. Так, Лю Цзяохуа раздражает засилье «известных иностранных городов, учебных заведений, улиц районов» в названиях заведений города, например, Милан, Эдинбург, Елисейские поля и проч., по ее мнению, «такое сближение с миром вызывает только чувство отвращения» [Чи Цзыцзянь, с. 166].

Эпизод внутри кинотеатра важен для понимания отношения Чи Цзыцзянь к сохранению традиционного дунбейского искусства. Артисты Сяо Лю и Панъя приходят в театр посмотреть на «эржэньчжуань», но вместо этого на сцене поют «буйное диско» и «популярные песни», издают «звуки птиц, кошек, собак, ослов, гусей», ходит «красивая девушка в бикини», «залпом выпивают пиво», «ни одна пара не сыграла классическое «эржэньчжуань»» [Чи Цзыцзянь, с. 260]. Как отмечает И Гяоянь, в этом эпизоде скрыто беспокойство писательницы: стремительное развитие города влечет за собой резкий взлет материальной культуры, но как

в этих условиях горожанам должно относиться к традиционному сценическому искусству «эржэньчжуань», как сохранить баланс между искусством и «фастфудным» развлечением – в этом заключается противоречие развития города и искусства. Писательница надеется, что традиционное искусство не будет забыто, ему будет дана новая жизнь [И Гаоянь].

Кафе и рестораны. Рисуя образ Харбина как культурного центра провинции, Чи Цзыцзянь перечисляет и гастрономические предпочтения харбинцев, а кафе и рестораны – неотъемлемая часть этого образа. Стоит отметить отсутствие описания их внешнего облика и указание на конкретный адрес, лишь обозначается улица, где приблизительно они располагаются, что достаточно для узнавания исторических объектов, но недостаточно для кафе и ресторанов. На наш взгляд, писательница намеренно не называет точных адресов, чтобы подчеркнуть их великое множество в Харбине, она лишь обозначает типы заведений общественного питания и блюда, которые заказывают или упоминают герои.

В категорию *других узнаваемых объектов* мы поместили здания и мосты, не связанные ни с одним из вышеперечисленных сюжетов, но имеющие реальные прототипы. Они детально не описываются, но упоминаются, либо становятся местом действия в небольших эпизодах. В категорию *других городских заведений* вошли здания-фоны, они участвуют в формировании городского пространства как заведения, в принципе встречающиеся в любом городе, обогащают и детализуют панораму городской жизни.

Отдельно нужно сказать о такой категории городских объектов, как жилые дома. Н. П. Анциферов, анализируя улицы и дома Петербурга в произведениях Достоевского, отмечал, что дом у писателя обрисован «как особенный мирок, живущий своей таинственной жизнью, влияющий, так или иначе, на судьбу своего обитателя», он есть «сгусток социальной жизни, материальная ее форма», а архитектурные особенности – «части некоего организма, живущего своеобразной жизнью за одно со своими обитателями» [Анциферов, с. 351].

Данные Анциферовым характеристики дома в полной мере актуальны и для романа «Дым клубится над огнем». Жилые дома составляют особую категорию зданий, которые, безусловно, имеют архитектурную ценность как часть культурно-исторического наследия Харбина, однако более важны как котел кипучей жизни города с одной стороны и как зримое выражение личности героев – с другой.

Как отмечает Сунь Мэйжу, жилые дома у Чи Цзыцзянь хранят не только горе и радость нескольких поклонений харбинцев, но и память о развитии города [Сунь Мэйжу]. В качестве жилья для своих героев писательница избрала здания разных периодов от основания Харбина вплоть до современных многоэтажек. Как и в случае с общественными зданиями, их месторасположение – район, улица, объекты рядом – указано достаточно точно, присутствует описание фасада, краткое для однотипных новостроек и подробное для старых строений. Ниже приведем классификацию типов жилых домов, в скобках также указывая их литературных жильцов:

1) Жилые дома, построенные в период деятельности КВЖД: частный коттедж семьи польских эмигрантов на улице Хунцзюньцзэ (南岗区红军街的私人别墅,

Сепуляньна), усадьбы русских эмигрантов на набережной реки Мацзяго (俄国人的花园小洋房, жильцы не упоминаются).

2) Жилые дома квартала Лаодаовой: Юйиньюань (榆樱院, Хуаньэ, артисты эржэньчжуань и др.).

3) Жилые дома 1950-х годов: краснокирпичный дом неподалеку от улицы Чжуняндацзэ (中央大街附近的红砖老楼, Лю Цзяньго).

4) Современные высотные дома: многоэтажный дом на улице Юьцизе с видом на набережную Сунгари (友谊路松花江畔的高层公寓, Се Чувэй), новостройка у моста Аньфацяо (南岗安发桥下新开发的楼盘, Юй Давэй), новостройка на берегу Мацзяго (马家沟河畔楼盘, Лю Цзяохуа).

Стоит отметить, что центральным образом романа Чи Цзыцзянь считает образ «огня и дыма», который в более узком смысле означает жилище людей. Именно понимание жилого дома как очага городской жизни отличает его от других зданий, на примере разных типов жилых домов она изображает быт и нравы горожан, от того, насколько «жарко горит очаг» дома, зависит его атмосфера, степень любви и взаимопонимания живущих в нем людей.

Жилые дома, построенные в период деятельности КВЖД объединены мотивом памяти об эмигрантском прошлом Харбина. Дом отца Сепуляньны пережил период расцвета предпринимательской деятельности эмигрантов, японского вторжения, разорение советскими солдатами, запустение, ремонт, заселение новых жильцов. На примере этого дома Чи Цзыцзянь рассказывает, как, по ее мнению, в течение столетия существования города менялся быт горожан: на смену барельефам в виде ангелов и облачных узоров, старинным фарфоровым вазам и чашкам с цветочным орнаментом [Чи Цзыцзянь, с. 45] приходит общая кухня на три семьи, угольная печь и горки угля во дворе, присыпанные опавшими лепестками сирени [Чи Цзыцзянь, с. 49]. Интересно, что дом «исчезает» из повествования со смертью Сепуляньны, писательница не мыслит жилого дома без жильцов, «огонь и дым» его затухает вместе с жизнью героини.

Жилые дома квартала Лаодаовой представлены образом Юйиньюань («двор вязов и вишен»). Уникальный архитектурный стиль дома, «полукитайский, полузападный, полуместный, полузаграничный» (半中半西, 半土半洋) – метафора уникального колорита Харбина как города на стыке культур. Наглядный пример стилистической сумятицы в убранстве – две росписи «в двух совершенно непохожих стилях», где на одной изображена Богородица с младенцем Иисусом на руках, на другой – китайские традиционные духи-хранители дома, Шэньшу и Юйлюй [Чи Цзыцзянь, с. 99]. А сравнение дома с барышней, которая «поверх ципао надела манто» [Чи Цзыцзянь, с. 56], прекрасно дополняет этот образ. Юйиньюань выступает как хранилище духа многоликой истории Харбина, но он также осмысливается как «котел» людских судеб. В доме в разное время проживали совершенно разные люди – китайская театральная труппа, артисты русского цирка, японский бизнесмен, пенсионер котельного завода, уличные продавцы жареных лепешек, исполнители эржэньчжуань, открывались чайная, магазин подержанных товаров, шелковых тканей, картин. Дому Юйиньюань отводится центральное место в романе как «ядру огня жизни людей, откуда клубится дым» [Человек. Чи

Цзыцзянь], поскольку для писательницы он представляет собой средоточие «домашнего очага», это «маленькое сердце Харбина», где бок о бок живут местные жители и приезжие, а также животные, птицы и даже духи умерших людей. Он есть квинтэссенция гармонии городской жизни в романе.

Жилые дома 1950-х годов представлены домом, где живет Лю Цзяньго. Об истории здания сказано, что оно «за многие годы своего существования испытало работы по улучшению водо- и электроснабжению, газификации, установке центрального отопления, а также проведение телефонной линии, кабельного телевидения и сети интернет. Каждое преобразование зданию “вспарывает брюхо”, и стоит оно, покрытое шрамами и увечьями. Болтающиеся провода, цементные заплатки сильно старят его наружность, отчего он кажется еще более ветхим» [Чи Цзыцзянь, с. 23]. Здание как бы реагирует на смену эпох, изменяется вместе с быстро меняющимися реалиями научно-технического прогресса, становится частью сквозного мотива стремительно меняющегося города. С другой стороны, дом очень точно характеризует своего жильца, своим обликом отражает его внутренние переживания. Писательница называет дом «островком спокойствия среди городского шума», он как нельзя кстати подходит к размеренному, уединенному образу жизни героя. Сравнение здания с человеком не случайно – точно также, как Лю Цзяньго тяжело воспринимает перемены, происходящие в его родном городе, так же и здание тяжело переживает модернизацию. Кроме того, «шрамы» и «увечья» здания – намек на нелегкую судьбу героя, его искалеченную душу, иссушенную чувством вины за поступки прошлого. Однако мощные силы природы способны частично залечить «увечность» здания: бурное цветение «оживляет» его потрепанный временем фасад, «густая листва двух в вкуче с расползающимся по стенам плющом заслоняют все эти вкривь и вкось висящие провода, и уродливые шрамы, и дом оживает, наполняется жизненными силами» [Чи Цзыцзянь, с. 23]. Данный мотив также тесно связан с образом героя, Лю Цзяньго часто ездит на природу выплакать свое горе. Как растения скрывают повреждения старого здания, так и прогулки на природе облегчают герою душевные муки героя.

Современные высотные дома тоже представляют собой особый мир. Чи Цзыцзянь не акцентирует внимание на внешнем облике новостроек, возможно, полагая их достаточно однотипными, не представляющими архитектурной ценности, зато детально описывает кипучую деятельность кварталов, где они находятся. Современные дома характеризуются как «шумные» (喧闹) [Чи Цзыцзянь, с. 37, 52, 63], вокруг них всегда царит оживление, скапливаются люди. Так, у многоэтажки, где живет Се Чувэй, «сплошным потоком движутся пешеходы» [Чи Цзыцзянь, с. 37], рядом с домом Юй Давэя на мосту Аньфацяо «днем и ночью не прекращается поток машин», «машины словно божие коровки ползут по мосту, снуют туда-сюда прохожие» [Чи Цзыцзянь, с. 52]. Дом Лю Цзяохуа день и ночь «не знает покоя», «то сверху, то снизу что-то ремонтируют», а на площади под окнами «пожилые тетушки устраивают танцы» [Чи Цзыцзянь, с. 63]. Однако, несмотря на царящую оживленность, героям в своих квартирах неуютно, они мучаются от тоски и одиночества. Характерен в данной связи мотив «взгляда из окна», герои смотрят на уличное движение, контрастирующее с их внутренней пустотой

и усталостью. Так, Юй Давэй, глядя на мост с балкона, размышляет о том, что «мир такой шумный, а в душе его царит мертвая тишина» [Чи Цзыцзянь, с. 52]. Мужчина тяжело переживает потерю ребенка, и оживленность города бередит его глубокие душевные раны. То же самое испытывает его жена, Се Чувэй, которую не успокаивает ни красивый вид на парк Сталина, ни «безбрежные воды» реки Сунгари [Чи Цзыцзянь, с. 37].

Таким образом, классифицировав и проанализировав разные типы архитектурных объектов, мы можем сделать вывод о том, что на страницах романа «Дым клубится над огнем» Чи Цзыцзянь сумела создать богатую и красочную архитектурную панораму современного Харбина, вписав в нее огромное количество различных зданий и строений, многие из которых она описывает очень подробно. Такой тщательный подход к изображению архитектуры, на наш взгляд, проистекает из того, что Чи Цзыцзянь как яркая представительница северо-восточного направления литературы родных краев, а также как председатель Союза писателей провинции Хэйлунцзян активно ратует за развитие и продвижение имиджа Харбина как в Китае, так и за рубежом. Кроме того, как многолетний житель Харбина она беспокоится о сохранении культурно-исторического наследия города, о чем пишет в эпилоге к роману. Фиксируя современный облик памятников архитектуры, Чи Цзыцзянь, во-первых, привлекает внимание общественности к проблемам их сохранения и использования, во-вторых, будучи убежденной что современный город Китая в стремительном развитии теряет свой особый городской дух [Чи Цзыцзянь, с. 304], она как бы делает «литературную фотографию» Харбина, чтобы «задокументировать» его нынешнее состояние на страницах своего произведения.

Вместе с тем роман «Дым клубится над огнем» посвящен не только Харбину, но и его жителям. Раскрывая проблему взаимоотношений человека и города, писательница мыслит жилые дома не только как часть архитектурного наследия Харбина, но, прежде всего, как «котел» социальной жизни, в котором кипят и смешиваются судьбы совершенно разных людей. По мнению Чи Цзыцзянь, главным сосредоточием «огня» в городе, откуда «клубится дым» городской жизни, являются старые многолюдные дома, где живут скромно, но счастливо, именно здесь домашний очаг самый теплый, люди вместе делят радости и горе. Образы жилых домов помогают писательнице раскрыть мотив смены эпох в облике города, а также выразить личность героев, их внутренние переживания и душевные травмы.

Список литературы

Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. М. : ИМЛИ РАН, 2009. 581 с.

Гусарова С. В. Архитектурные объекты как художественные образы европейской литературы // Вестник МИТУ-МАСИ. 2022. № 3. 2022. С. 10–15.

Мост через реку Сунгари – История Харбина и КВЖД // CGTN. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.cgtn.com/news/3d3d414e6642544d34637a6333566d54/p.html> (дата обращения: 20.06.2024).

迟子建. 烟火漫卷. 北京: 人民文学出版社 [Чи Цзыцзянь. Дым клубится над огнем. Пекин: Жэньминь вэнсюэ чубаньшэ]. 2020. 311 с.

易高艳。空间与体验—《烟火漫卷》中的哈尔滨书写 [И Гаоянь. Пространство и опыт. Образ Харбина в романе «Дым клубится над огнем»]. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/34WzvP> (дата обращения: 20.06.2024).

人物 | 迟子建: 在哈尔滨, 人的命运波澜起伏 // 百度百家好 [Человек. Чи Цзыцзянь: в Харбине судьба человека подобна бурной волне // Baidu Baijiahao]. [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1685145315507784385&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 11.05.2023).

孙美如。论迟子建小说 的哈尔滨城市书写 [Сунь Мэйжу. Образ Харбина в романах Чи Цзыцзянь]. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/34Wzzf> (дата обращения: 20.06.2024).

The article was submitted on 10.07.2024

А. Л. Мышинский

Ю. С. Сысолятина

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА: НОВЫЕ ВРЕМЕНА И НОВЫЕ СЛОВА

Аннотация: статья посвящена анализу китайских неологизмов за последние три года. Государственный центр мониторинга и изучения языковых ресурсов Китайской Народной Республики уже на протяжении 18 лет ежегодно составляет рейтинги таких неологизмов. Безусловно, новые китайские слова отражают новые явления, но и наоборот, новые явления возникают вследствие внедрения в общественное сознание новых слов и новых понятий. Описываемые неологизмы еще не вошли ни в китайские толковые словари, подобные The Longman register of new words, ни в китайско-русские словари. Авторы впервые переводят китайские неологизмы 2021–2023 годов на русский язык. Китайские неологизмы относятся к различным сферам. На первом месте стоят международные инициативы Коммунистической партии Китая, которые должны поднять престиж Китайской Народной Республики на международной арене. Это Инициатива глобальной цивилизации, Инициатива глобальной безопасности, Инициативы глобального развития и другие. Далее идут новые слова, которые относятся к информационным технологиям (генерирующий искусственный интеллект, великая битва сотен нейросетей, цифровые люди), космическим путешествиям (марсход), экологии (сокращение выбросов углерода, улучшение экологической обстановки, национальный день экологии). Большое количество неологизмов относится к благосостоянию китайского народа (год повышения потребления), здравоохранению (COVID-19) и образованию (снижение учебной нагрузки на школьников). Множество неологизмов относится к регулированию экономики Китайской Народной Республики (качественно новая производительность труда, проциклическое регулирование, ликвидация разрыва между городом и деревней и так далее). Удачные выражения, проникшие в путунхуа из диалектов китайского языка, также присутствуют. Немало и слов, возникших в китайском Интернете. Авторы волнуют вопрос, в какой степени рейтинги неологизмов отражают состояние общественного сознания китайского народа, и в какой степени эти рейтинги служат внедрению коммунистической идеологии в массы. Проводится сравнение китайских рейтингов с русскими рейтингами неологизмов.

Ключевые слова: китайский язык, неологизм, рейтинг неологизмов, путунхуа, политическая лингвистика, Си Цзиньпин, Китайская коммунистическая партия

Alexey L. Myshinsky

Yuliya S. Sysolyatina

PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: NEW TIMES AND NEW WORDS

Abstract. This article is devoted to the analysis of Chinese neologisms over the past three years. The State Center for Monitoring and Study of Language Resources of the People's Republic of China has been annually compiling ratings of such neologisms for 18 years. Of course, new Chinese words reflect new phenomena, but on the contrary, new phenomena arise because of the introduction of new words and new concepts into the public consciousness. The described neologisms have not yet been included either in Chinese explanatory dictionaries like The Longman register of new words, or in Chinese-Russian dictionaries. The authors are translating Chinese neologisms from 2021–2023 into Russian for the first time. Chinese

neologisms refer to various fields. In the first place are the international initiatives of the Communist Party of China, which should raise the prestige of the People's Republic of China in the international arena. These include the Global Civilization Initiative, the Global Security Initiative, the Global Development Initiative and others. Next come new words that relate to information technology (generative artificial intelligence, the great battle of hundreds of neural networks, digital people), space travel (Mars rover), ecology (reducing carbon emissions, improving the environmental situation, national ecology day). Many neologisms refer to the welfare of the Chinese people (a year of increased consumption), healthcare (COVID-19) and education (reducing the teaching load on schoolchildren). Many neologisms refer to the regulation of the economy of the People's Republic of China (qualitatively new labor productivity, pro-cyclical regulation, closing the gap between city and countryside, and so on). Successful expressions that penetrated into Mandarin from dialects of the Chinese language are also present. There are also many words that have appeared on the Chinese Internet. The authors raise the question of the extent to which neologism ratings reflect the state of social consciousness of the Chinese people, and to what extent these ratings serve to introduce communist ideology to the masses. A comparison is made of Chinese ratings with Russian ratings of neologisms.

Keywords: Chinese language, neologism, rating of neologisms, putonghua, political linguistics, Xi Jinping, Chinese Communist Party

16 декабря 2023 года был опубликован ежегодный рейтинг неологизмов китайского языка (“十大新词语”), созданный в рамках программы «Резюме китайского языка 2023 года» (“汉语盘点2023”). Это масштабное мероприятие проводится уже восемнадцатый год. Туда входит рейтинг лучших неологизмов, рейтинг самых популярных (ходовых) слов, рейтинг самых популярных Интернет-мемов и т. д. Проводит его Государственный центр мониторинга и изучения языковых ресурсов КНР (国家语言资源监测与研究中心). Результаты публикуются в серьезных изданиях уровня «Жэньминь жибао».

Мы сосредоточимся на китайских неологизмах. Большая часть этих слов еще не вошла в словари, но зато это свежий и живой материал. Бурное развитие Китайской Народной Республики порождает новые слова. Но справедливо и обратное утверждение: новые слова внедряют в жизнь новые реалии. Не только поэт пишет стихи, но и стихи пишут поэтом. Изучение неологизмов – удобный способ погрузиться в самую гущу современной китайской жизни. Скептики скажут, что такой рейтинг – эффективное средство для манипуляции общественным сознанием, но мы к их числу не относимся.

Ниже мы приводим список лучших неологизмов китайского языка 2023 г. с официальными комментариями [Рейтинг неологизмов 2023]. Приводимые ниже неологизмы довольно длинные: до семи иероглифов. Используя систему Палладия (Кафарова), мы транскрибируем отдельно каждый иероглиф.

Итак, на первом месте в рейтинге стоят информационные технологии.

生成式人工智能 *шэн чэн ши жэнь гун чжи нэн*. Генерирующий искусственный интеллект. Он означает технологию, которая генерирует тексты, изображения, звуки, видео, компьютерные коды и другой контент на основе алгоритмов, моделей и правил. Продукты и услуги генерирующего искусственного интеллекта должны соответствовать законам КНР, социальной этике, способствовать поддержанию общественного порядка и традиций [Там же].

В «Техническом отчете о десяти наиболее развитых технологиях 2023 года» (《2023年十大新兴技术报告》) отмечается, что генерирующий искусственный интеллект – это совершенно новый тип искусственного интеллекта, который генерирует оригинальный контент путем изучения крупномасштабных наборов данных. Он привлек широкое внимание общественности в конце 2022 года, когда появилась знаменитая нейросеть ChatGPT. Генерирующий искусственный интеллект станет настоящим прорывом во многих отраслях, включая образование и научные исследования, отмечают китайские комментаторы.

Тут же говорится о нормативной базе для создателей и пользователей ChatGPT. С 5 августа 2023 г. вступили в силу «Временные меры по управлению службами генерирующего искусственного интеллекта» (《生成式人工智能服务管理暂行办法》). Этот документ подготовили Администрация по надзору за киберпространством КНР (国家互联网信息办公室), Государственный комитет по развитию и реформам, Министерство образования, Министерство науки и технологий, Министерство промышленности и информационных технологий, Министерство общественной безопасности и Государственное управление радио, кино и телевидения.

На втором месте – международная политика.

全球文明倡议 *цюань цю вэнь мин чань и*. Инициатива глобальной цивилизации. 15 марта 2023 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин впервые предложил «Глобальную цивилизационную инициативу» – диалог между Коммунистической партией Китая и политическими партиями других стран на самом высоком уровне. Это уже третий международный проект, который Китай предложил мировой общественности после «Инициативы глобального развития» (全球发展倡议) и «Инициативы глобальной безопасности» (全球安全倡议).

Китайские комментаторы отмечают, что эта инициатива соответствует потребностям международного сообщества, расширяет взаимодействие между разными цивилизациями и содействует культурному развитию. Она призвана усилить влияние Китая на международной арене и продемонстрировать права и обязанности Китая в качестве сверхдержавы.

На третьем месте стоит неологизм, связанный с резким контрастом между китайской деревней и китайским городом.

村超 *цунь чао* «Деревенская суперлига» (местные любительские футбольные мероприятия в Китае). Футбол, вообще говоря, не является сильной стороной китайского спорта, хотя китайцы и любят говорить о том, что футбол был изобретен в Китае.

Два этих иероглифа – 村超 *цунь чао* – являются аббревиатурой словосочетания 乡村足球超级联赛 *сян цунь цзу цюй чао цзи лянъ сай* – «Премьер-лига деревенского футбола». Это название спортивных мероприятий в провинции Гуйчжоу. 13 мая 2023 г. жители деревни Саньбаодун уезда Жунцзян (в Цяньдуннань-Мяодунском автономном округе провинции Гуйчжоу) по собственной инициативе организовали дружеские матчи по футболу. И зрители, и игроки испытали огромный душевный подъем. Матчи проходили остро и напряженно. Скромные призы, безыскусная деревенская атмосфера, – все это вызвало неожиданно широкий отклик среди пользователей Интернета. Китайские комментаторы растроганно пишут о том, как важна такая «инициатива снизу». С широким применением циф-

ровых технологий она поможет отстающим сельским районам догнать город, обрести собственные туристические и культурные бренды, объединить и поднять моральный дух всех национальностей, проживающих в КНР. Разрыв между городом и деревней по-прежнему остается большим. Ликвидировать его надо всеми доступными средствами.

На четвертом месте – проблема повышения производительности труда.

新质生产力 *синь чжи шэн чань ли*. Качественно новая производительность. Это новый термин, который впервые использовал Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин во время инспекционной поездки в провинцию Хэйлунцзян в сентябре 2023 г. Качественно новая производительность труда обеспечивается научным руководством с целью быстрого внедрения научных и технологических инноваций, отмечают китайские комментаторы. Все должны глубоко понять и усвоить значение характеристики качественно новой производительности и ускорить ее реализацию.

Качественно новая производительность радикально отличается от традиционной производительности. Это будет прорыв на новый технологический уровень, который обеспечит скачок в производительности труда. Новую, невиданную роль призвана играть инициатива по созданию новых конкурентных преимуществ ускоренного развития посредством промышленной модернизации.

Пятое место занимает экология.

全国生态日 *цюань го шэн тай жи*. Национальный день экологии. Учрежден с целью распространения идей Си Цзиньпина об экологической цивилизации, повышения осведомленности о принципах экологической цивилизации во всем обществе. Национальный день экологии призван повысить экологическое сознание и усилить природоохранную деятельность всего китайского народа.

28 июня 2023 г. в соответствии с «Решением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей об учреждении Национального дня экологии» за днем 15 августа был установлен статус Национального дня экологии. Государство целенаправленно проводит пропагандистскую и просветительскую деятельность в области экологической цивилизации. 15 августа 2023 г. Национальный день экологии отмечался в первый раз. В различных регионах прошли пропагандистские и образовательные мероприятия, в том числе – мероприятия по защите «изумрудных вод и зеленых гор» (绿水青山). Жители различных регионов приняли участие в совместном создании живописных полотен в жанре *гохуа*. В тот же день состоялась премьера благотворительного короткометражного анимационного фильма «Планета, покрытая океанами – “Хранитель”».

Следует отметить, что в КНР имеются насущные проблемы, связанные с состоянием окружающей среды, вызванные промышленным развитием. В настоящее время Китай является крупнейшим источником вредных выбросов (обеспечивая более 1/4 мировых выбросов парниковых газов). Китайские показатели выбросов на единицу валового внутреннего продукта – одни из самых высоких показателей в мире. В структуре энергоносителей Китая доля угля составляет почти 60%, что более чем вдвое превышает среднемировой показатель [Ташевская]. В Индексе экологической эффективности (2024 год) КНР занимает 154 место из 180 [China 2024].

На шестом месте – повышение благосостояния китайского народа.

消费提振年 *сяо фэй ти чжэнь нянь*. Год роста потребления. 27 апреля 2023 г. Министерство торговли КНР провело очередную пресс-конференцию, чтобы представить новые подходы в коммерческой сфере. Пресс-секретарь Министерства торговли Шу Цзюэтин заявил, что министерство будет придерживаться проблемно-ориентированного и целенаправленного подхода к развитию потребительского рынка, станет ускоренно его модернизировать, чтобы удовлетворить потребности людей в лучшей жизни. Министерство торговли объявляет 2023 г. «Годом роста потребления» и организует целый ряд мероприятий по стимулированию потребления.

Вообще говоря, наиболее эффективным стимулом потребления является увеличение платежеспособности населения. Без этого призывы увеличить потребление так и останутся призывами. Но китайские комментаторы об этом не пишут. Китай давно уже превратился во всемирную фабрику, поэтому он зависит от рынков сбыта. Если антикитайские санкции сокращают рынки сбыта, это может привести к кризису перепроизводства. Возможно, кампания по увеличению потребления связана с этим. Поэтому неологизм 消费提振年 и попал в рейтинг.

特种兵式旅游 *тэ чжун бин ши люй ю*. Туризм в стиле «спецназ», экспресс-туризм, туризм по-спецназовски. 特种兵 означает войска специального назначения, 式 – стиль, 旅游 – путешествие. Китайские комментаторы пишут о том, что в 2023 году восстановился интерес к культурным ценностям и туризму. «Туризм в стиле спецназа» широко обсуждался в Интернете. Суть этого нового способа: получить как можно больше туристических услуг с наименьшими затратами. Туристы тратят минимум времени и средств, чтобы посетить самые живописные места и узнать как можно больше об истории, культуре, обычаях региона, как будто они выполняют особую миссию. «Спецназ» тщательно обучен, хорошо оснащен и очень эффективен. Возник целый ряд неологизмов, построенных по этому же образцу: 特种兵式观剧 *тэ чжун бин ши гуань цзюй* – «Просмотр оперы в стиле спецназа»; 特种兵式开会 *тэ чжун бин ши кай хуй* – «Совещание в стиле спецназа»; 特种兵式午休 *тэ чжун бин ши у сю* «Обеденный перерыв в стиле спецназа» и другие выражения, демонстрирующие высокую скорость и эффективность.

显眼包 *сянь янь бао*. Тот, кто любит акцентировать на себе внимание, тот, кто любит эпатировать публику, «импозантный пирожок». Китайские комментаторы дают такие переводы этого неологизма на английский язык: *goof / class clown*.

Это слово пришло в *путунхуа* из северо-восточного диалекта и поначалу облагодало негативной коннотацией. Но теперь так называют энергичного и обаятельного человека, который ярко отличается от других. Кроме того, так могут называть неодушевленный предмет, например, яркий и необычный экспонат в музейной экспозиции. В Интернете можно встретить это слово с иным первым иероглифом: 现眼包.

百模大战 *бай мо да чжань*. «Битва сотен нейросетей». Речь идет о моделях самообучающихся нейросетей, как промышленных, так и общего назначения. Китайские комментаторы отмечают, что в Китае создано 137 таких моделей, а за рубежом – лишь 130.

墨子巡天 *мо цзы сюнь тянь*. Мощнейший орбитальный телескоп «Мо-цзы», который был запущен 17 сентября 2023 г. Как известно, Мо Ди 墨翟 (Мо-цзы) 468–376 до н. э., был знаменитым мыслителем, политическим деятелем, основателем философской школы (*мо-цзя*). Один из его принципов – всеобъемлющая любовь и взаимная выгода (*兼相爱交相利 цзянь сяй ай цзяо сяй ли*).

Китайские комментаторы добавляют, что более двух тысяч лет назад Мо-цзы открыл принцип, согласно которому свет распространяется по прямой линии, и провел эксперименты, подобные точечной визуализации. Мо-цзы известен как «первый в мире исследователь оптики». Название «Мо-цзы» не только воплощает научный дух поиска истины, но также выражает надежды человечества на исследование Вселенной. Мы воздержимся от комментариев.

Мы добросовестно привели все официальные (чтобы не сказать – официозные) комментарии к топ-десятке неологизмов китайского языка. Специалисты, составлявшие рейтинг, утверждают, что эти данные получены посредством анализа не только обычных сетевых изданий, но и китайского сервиса микроблогов Sina Weibo (新浪微博), и мобильной коммуникационной системы для передачи текстовых и голосовых сообщений WeChat (微信). Генеральная выборка составила полтора миллиарда слов. Сначала была проведена машинная обработка данных, затем выводы перепроверяли вручную. Впрочем, проверить релевантность выводов китайских лингвистов затруднительно.

Шесть из десяти неологизмов связаны с патриотическими инициативами КПК. Граждане КНР – патриоты. Настоящие патриоты.

По всей видимости, рейтинг отражает большую часть проблем, с которыми столкнулась КНР за последние годы, в том виде, в каком их представляют китайские руководители.

Девять из десяти неологизмов созданы из морфем китайского языка, одно слово – диалектное. В китайском языке, конечно, имеются слова, сформировавшиеся под влиянием английского языка, например, IT业 (ай-ти специальность), 卡拉OK (караоке), 热狗 *жэгоу* (хот-дог) и т. д. Но они в рейтинги самых лучших неологизмов не входят.

Для сравнения приведем рейтинг неологизмов 2022 года [Рейтинг неологизмов и ходовых слов 2022].

中国式现代化 *чжун го ши сянь дай хуа*. Китайская модернизация, модернизация китайского типа.

全人类共同价值 *цюань жэнь лэй гун тун цзя чжи*. Общечеловеческие ценности.

全球安全倡议 *цюань цю ань цюань чань и*. Инициатива глобальной безопасности.

新型实体企业 *синь син ши ти ци е*. «Новый тип предприятия, основанный на реальной экономике». Китайский комментарий: под новым типом предприятия, основанного на реальной экономике, понимается предприятие, которое использует уникальные цифровые технологии; такое предприятие повышает эффективность всей цепочки поставок и стимулирует предприятия, расположенные вверх и вниз по этой цепочке, к использованию цифровых технологий.

冰雪经济 *бин сюэ цзин цзи*. «Экономика льда и снега». Китайский комментарий: представляет собой комплекс производства, услуг и культуры, сосредоточенных на ледяных и снеговых ресурсах, включая ледовый и снежный туризм, спортивные мероприятия, производство оборудования, строительство объектов, особый транспорт, общественное питание, магазины, развлечения и т. д. «Экономика льда и снега» стала новой точкой экономического роста.

数字人 *шу цзы жэнь*. «Цифровой человек», виртуальный человек. Китайский комментарий: означает комплексный продукт, который существует в виртуальном мире, создается и используется с помощью компьютеров и имеет множество человеческих характеристик (пол, внешний вид, возможность взаимодействия с живыми людьми посредством голоса и т. д.). Это может быть виртуальный помощник на сайте, виртуальный ведущий телепередачи и т. д.

数字藏品 *шу цзы цан пинь*. Объекты цифровых коллекций, экспонаты виртуального музея, «виртуальные драгоценности».

场所码 *чан со ма*. Код регистрации или код места проведения мероприятия. Этот QR-код регистрировал местоположение китайского гражданина для отслеживания его контактов и эпидемиологического расследования. Широко использовался в Китае во время пандемии COVID-19 в 2020–2022 годах.

精准防控 *цзин чжунь фан кун*. Целенаправленная профилактика и контроль (COVID-19).

雪糕刺客 *сюэ гао цы кэ*. «Мороженое-убийца» (выглядит невзрачным и дешевым, а стоит очень дорого). Популярный термин в Интернете, иначе это называется 天价雪糕 *тянь цзя сюэ гао* «мороженое по заоблачным ценам». Речь идет о мороженом, которое соблазнительно выглядит, например, в магазине, в морозильной камере или в Интернет-магазине, но его цена не указана. Если вы вдруг соблазнились, такое мороженое готово вас разорить, «убить ваш кошелек» (刺杀你的钱包).

Рейтинг неологизмов китайского языка 2021 года [Резюме китайского языка 2021]:

七一勋章 *ци и сюнь чжан*. «Орден Первого июля» (высшая партийная награда КПК). Был учрежден 22 июля 2017 года. Вручается членам партии, внесшим выдающийся вклад в великое дело социализма с китайской спецификой [Ци и сюнь чжан].

Вот что пишут китайские комментаторы о причинах появления этого неологизма: «1 июля 2021 г. сотня артиллерийских залпов разорвала небесное спокойствие над площадью Тяньаньмэнь, в голубой бездне небес поплыли грациозные стрекозы вертолетов и вытянувшие свои лебединые шеи самолеты. 71 крылатая машина – символическая цифра: именно так в Китае принято записывать дату “1 июля” – “седьмого месяца первое число”. В форме этого же числа выстроились в небе самолеты, а вертолеты дополнили его рисунком цифры 100. Осеняемые этими знаками китайские комсомольцы и юные пионеры, стоявшие стройными рядами на площади Тяньаньмэнь, грандиозным концертом поздравляли Коммунистическую партию Китая с ее сотым днем рождения и клялись всегда быть готовыми в борьбе за могущество Родины. Свыше 70 тысяч человек из всех слоев китайского общества собрались в первый день июля на главной площади Пекина, чтобы торжественно отпраздновать столетнюю годовщину КПК» [Торжественное празднование].

双碳 *шуан тань*. «Двойной углерод»; «углеродный пик и углеродная нейтральность». Китай стремится достичь пика выбросов углерода к 2030 г. и достичь углеродной нейтральности к 2060 г. О серьезных экологических проблемах КНР см. выше.

双减 *шуан цзянь*. Аббревиатура словосочетания 双减政策 *шуан цзянь чжэнь цэ*. Политика снижения объема домашних заданий и уменьшения доли дополнительного образования. Политика «двойного сокращения», объявленная в КНР в 2021 году, направлена на ослабление нагрузки на учащихся средних школ за счет сокращения объема домашних заданий и запрета коммерческих внеклассных академических занятий. 24 июля 2021 г. Генеральный аппарат ЦК КПК и Генеральный аппарат Госсовета опубликовали «Постановление о дальнейшем снижении объема домашних заданий и нагрузки за пределами школы». В августе того же года Управление Комитета Госсовета по надзору за образованием выпустило специальное уведомление, в котором предлагалось каждые полмесяца отчитываться о ходе работ по «двойному сокращению» в каждой провинции. В октябре 2021 г. Всекитайское собрание народных представителей заявило, что «двойное сокращение» будет включено в законодательство, чтобы избежать увеличения нагрузки на учащихся. 3 ноября Государственная администрация по регулированию рынка и восемь других ведомств выпустили «Постановление о добросовестной работе по контролю над рекламой обучения за пределами школы».

Категорически запрещается размещать рекламу обучения за пределами школы на рекламных щитах и рекламных площадях в метро, на вокзалах и т. п. В марте 2021 г. Министерство образования издало «Приказ о сне», а в июле того же года была введена политика «двойного сокращения». Данные показывают, что после внедрения политики порядка сна и двойного сокращения у 60 % учащихся начальной и средней школы увеличилось время сна, из них 9,41 % увеличили время сна более чем на 2 часа; 21,66 % увеличили время сна на 1–2 часа; и 28,88 % увеличили время сна на 1 час. 24 июля 2023 г., во вторую годовщину реализации «двойного сокращения» ЦК КПК и Госсовета, была официально запущена Национальная комплексная социальная сеть по надзору за образованием, обучением и обслуживанием за пределами школы [Шуан цзянь].

保障性租赁住房 *бао чжан син цзу линь чжу фан*. Доступное арендное жилье, гарантированное жилье, муниципальное жилье, жилье по социальному найму.

祝融号 *чжу жун хао*. Китайский марсоход «Чжужун», который приземлился на Марсе 14 мая 2021 г. и работал больше года.

跨周期调节 *куа чжоу ци тяо цзе*. Экономический термин. Проциклическое регулирование экономики. Проциклическая экономическая политика представляет собой тип государственного регулирования (денежно-кредитного, фискального и подобного характера), усиливающего циклические колебания экономической деятельности. Это предполагает увеличение государственных расходов и снижение налогов в периоды экономического роста, а также сокращение расходов и повышение налогов во время рецессии [Ganti]. Китайские руководители настаивают на том, что проциклическое и контрциклическое регулирование макроэкономики должны органично сочетаться (跨周期和逆周期宏观调控政策有机结合) [Го Вэй].

減污降碳 *цзянь у цзян тань*. Снижение загрязнения окружающей среды и сокращение выбросов углерода.

动态清零 *дун тай цин лин*. «Динамичный подход нулевой терпимости» к COVID-19, «Нулевой COVID», также известен как «Нулевая терпимость к COVID-19» – это политика общественного здравоохранения, реализованная в КНР во время пандемии COVID-19. Цель стратегии – свести к нулю число новых случаев заражения и возобновить нормальную экономическую и социальную деятельность [Стратегия Китая с нулевой толерантностью]. «Нулевой COVID» – это политика контроля и максимального подавления. Она предполагает использование мер общественного здравоохранения, таких как отслеживание контактов, массовое тестирование, карантин, локдауны и программное обеспечение (например, мобильные приложения) для смягчения последствий, чтобы остановить передачу COVID-19 между людьми сразу после его обнаружения.

德尔塔 *дэ эр та*. Дельта (четвертая буква греческого алфавита). Этот неологизм связан с появлением дельта-штамма коронавируса (新冠病毒德尔塔病毒株).

破防 *по фан*. Травма, прорыв. В компьютерных играх означало «полностью прорвать оборону противника». Может означать сильное эмоциональное потрясение, «прорвавшее психологическую защиту». В дальнейшем приобрело также смысл «покориться кому-либо», «стать чьим-либо фанатом». 我破防了 *во по фан ла*. Я теперь твой фанат. Слово пришло из 哔哩哔哩 *Билибили* (популярный среди молодежи китайский сайт для видеохостинга).

Рождается, конечно, вопрос: а как обстоят дела с неологизмами в русском языке? О существовании Государственного центра мониторинга и изучения языковых ресурсов Российской Федерации нам ничего не известно. Но дилетантские рейтинги русских неологизмов встречаются. Вот, например, некая Кира Феклисова называет себя филологом. В ее рейтинге неологизмов русского языка от 15 ноября 2023 г. тридцать позиций.

1. Криптозима – долгосрочное снижение котировок криптовалют, когда они падают в течение нескольких лет.

2. Пландемия – период после пандемии, когда ее острота спадает.

3. Флексить – хвастаться, демонстрировать превосходство в чем-либо.

4. Фемтех – технологии и устройства, ориентированные на женскую аудиторию.

5. Кастодиан – человек, который может восстановить доступ к криптокошельку.

6. Ноулайфер – человек, который проводит все время за компьютерной игрой и практически не выходит из дома. У него нет реальной жизни.

7. Дуксель – специальная одежда для прогулок с собакой, предохраняющая от загрязнения.

8. Геокешинг – поиск тайников по географическим координатам.

9. Скаммер – мошенник, использующий обман для хищения денег и личных данных.

10. Антихейт – борьба с проявлениями ненависти, агрессии в Интернете.

11. Инфохомяк – человек, который покупает множество инфопродуктов и не всегда успевает их смотреть.

12. Инфосклад – хранилище информационных продуктов.

13. Зашерить – поделиться, распространить информацию или контент в социальных сетях.

14. Конструктор сценариев – набор сценариев для съемки коротких видео.

15. Маркетолог-смысловик – маркетолог, который работает со смыслами эксперта и помогает ему их правильно транслировать в социальных сетях.

16. Квантовый психолог – психолог, который сочетает принципы работы квантовой физики в своей работе.

17. Рилс-мейкер – человек, который придумывает сценарии рилс и снимает их для клиента.

18. Видеограф – человек, который снимает видео. Как правило, работает в паре с рилс-мейкером.

19. Метаверс – виртуальная реальность, объединяющая в себе понятия «мета» и «вселенная».

20. Зелёнка – активист, сторонник идеи зеленого развития и экологической устойчивости.

21. Климатокомпенсация – компенсация негативного воздействия на климат, связанного с выбросами парниковых газов и загрязнением окружающей среды.

22. Телепрезентация – формат онлайн-мероприятий, во время которых спикер выступает перед аудиторией через видеосвязь.

23. Ковидолог – специалист, занимающийся изучением и лечением заболеваний, связанных с коронавирусом.

24. Флекси-брейн – комплекс упражнений, направленных на тренировку мозга и улучшение его пластичности. Включает в себя различные интеллектуальные задания, головоломки, игры и тренировки памяти.

25. Телемедицина – медицинская практика, основанная на использовании информационно-коммуникационных технологий для оказания дистанционной медицинской помощи.

26. Экомиграция – массовое перемещение животных и растений в более благоприятные для них условия в связи с изменением климата.

27. Экзоскелет – внешняя оболочка, применяемая для поддержки и улучшения движений тела.

28. Пауэр-танго – комбинированная тренировка, объединяющая элементы пауэрлифтинга и танго.

29. Спортвизор – специальные очки или шлем, оснащенные дисплеем, которые позволяют смотреть спортивные события виртуально.

30. Спорт-фьюжн – новый подход к тренировкам, объединяющий различные виды спорта в одном комплексе [Феклисова].

Почти все приведенные русские неологизмы – фонетические кальки с английских слов. Да и масштаб мелковат.

Вернемся к китайским неологизмам. Большая часть неологизмов отражает инициативы КПК по преодолению проблем, с которыми столкнулась КНР. Изучать их очень интересно, но не съедаем ли мы меню вместо обеда? Такая опасность есть. Как в свое время в СССР, так и теперь в КНР, зачастую срабатывает принцип: «Одни слова для кухонь – другие для улиц» (И. В. Кормильцев). На уровне

высокой политики и официальной идеологии КНР декларируется одно, на уровне обыденного сознания может быть совсем иное.

Граждане КНР зачастую держатся вдалеке от политики. Китаем правит прагматизм. «Хорошо все, что полезно».

Огромный интерес представляет и анализ наиболее ходовых китайских слов, и анализ Интернет-мемов. Но мы планируем посвятить этим вопросам следующие статьи.

Список литературы

Ташевская Н. Китай оказался угрозой мировой экологии // LENTA.RU. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/08/09/chinaugr/> (дата обращения: 18.06.2024).

Торжественное празднование столетия КПК // Журнал «Китай» [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 18.06.2024). http://www.kitaichina.com/rzhengzhi/202108/t20210819_800256057.html (дата обращения: 18.06.2024).

Феклисова К. От «инфохомяка» до «пауэр-танго»: 30 новых слов, которые стоит знать продвинутому человеку // Чемпионат.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.championat.com/lifestyle/article-5317186-neologizmy-2023-kakie-novye-slova-nuzhno-znat-obrazovannomu-cheloveku.html> (дата обращения: 18.06.2024).

China 2024 // Environmental Performance Index [Электронный ресурс]. URL: <https://epi.yale.edu/measure/2024/EPI> (дата обращения: 18.06.2024).

Ganti A. Procylic: Overview and Examples in Economics // Investopedia. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investopedia.com/terms/p/procyclical.asp> (дата обращения: 18.06.2024).

“七一勋章” //共产党员网 [Ци и сунь чжан // Сайт для членов КПК]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.12371.cn/2021/09/28/ART11632791764918437.shtml> (дата обращения: 18.06.2024).

“汉语盘点2021”年度字词揭晓 //新华网 [Объявлен рейтинг слов «Резюме китайского языка 2021 года» // Сайт информационного агентства «Синьхуа»]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xinhuanet.com/culturepro/20211221/b213b3da18714803a58f4ba084ef3200/c.html#:~:text=2021%E5%B9%B4%E5%BA%A6%E5%8D%81%E5%A4%A7%E6%B5%81%E8%A1%8C,%E3%80%81%E5%BE%B7%E5%B0%94%E5%A1%94%E3%80%81%E7%A0%B4%E9%98%B2%E3%80%82> (дата обращения: 18.06.2024).

“汉语盘点2023”年度“十大新词语”! //微信公众平台 [Рейтинг неологизмов 2023 года в рамках программы «Резюме китайского языка 2023» // WeChat]. [Электронный ресурс]. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA5MjcyODAwNw==&mid=2649454513&idx=2&sn=678d9ba9647a5abaf0e8417deaa1c074&chksm=88776819bf00e10f0b9b4868ac42521b5ac84f6d7c35867738ff8e47198b6ba50b5c14df3558&scene=27 (дата обращения: 18.06.2024).

多家机构发布2022年度字词、流行语、新词语 //人民日报海外版 [Рейтинг неологизмов и ходовых слов 2022 года // Жэньминь жибао]. [Электронный ресурс]. URL: <https://app.xinhuanet.com/news/article.html?articleId=7b408cdfefee3b751f23aca4d2e19fb6> (дата обращения: 18.06.2024).

譚德塞再次表示中國清零策略不可持續 // NOW新聞 [Тедрос Адханом Гебрейесус еще раз заявил, что стратегия Китая с нулевой толерантностью к COVID-19 // Новости прямо сейчас]. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.now.com/home/international/player?newsId=476362> (дата обращения: 18.06.2024).

郭威. 跨周期和逆周期宏观调控政策有机结合 // Гло Вэй. Проциклическое и контрциклическое регулирование макроэкономики должны органично сочетаться // Новости КПК. [Электронный ресурс]. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2022/0216/c40531-32352907.html> (дата обращения: 18.06.2024).

双減 // 百度百科 [Шуан цзянь // Электронная энциклопедия Байду]. [Электронный ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/item/%E5%8F%8C%E5%87%8F/58189630?fr=ge_al (дата обращения: 18.06.2024).

The article was submitted on 18.06.2024

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.15826/usos.2024.14.17

УДК 94(315)+316.323+811.58:003.212+221+2–5

М. Ю. Ульянов

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД ПО РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО КИТАЯ ПЕРИОДА ШАН-ИНЬ (XIII–XI вв. до н. э.)

Рец. на: Куликов Д. Е. Религиозные представления и культы в Древнем Китае позднешанского периода (ок. 1250–1046 гг. до н. э.). Москва: Институт Востоковедения РАН. 2022. 462 с.

Аннотация. Рецензия посвящена монографии Д. Е. Куликова, в которой рассмотрены религиозные представления и культы в период Шан-Инь (конец XVI в. до н. э. – вторая половина XI в. до н. э.). В статье охарактеризовано содержание глав, отмечаются сильные стороны монографии, говорится о вкладе автора в развитие этого направления в российском востоковедении.

Ключевые слова: государство Шан-Инь, религиозные представления, древние культы, Д. Е. Куликов, иньские надписи

Mark Yu. Ulyanov

A LANDMARK STUDY ON THE SHANG-YIN RELIGIOUS CULTURE (13TH-11TH CENTURIES BC)

Rev. of: Kulikov D. E. Religioznye predstavleniia i kul'ty v Drevnem Kitae pozdneshanskogo perioda (ok. 1250–1046 gg. do n. e.) [“Religious ideas and cults in Ancient China of the late Shang period (ca. 1250–1046 BC)”].

Moskva: Institut Vostokovedeniia RAN. 2022. 462 p.

Abstract. The review discusses the monograph by D. E. Kulikov, dedicated to the results of his study of religious ideas and cults during the Shang-Yin period (late 16th century BC – second half of the 11th century BC). The content of the chapters is reviewed, the strengths of the monograph are noted, and the author’s contribution to the development of this area within the Russian Oriental Studies is discussed.

Keywords: Shang-Yin state, religious ideas, ancient cults, D. E. Kulikov, Yin inscriptions

Общие замечания

Выход в свет монографии Д. Е. Куликова «Религиозные представления и культы в Древнем Китае позднешанского периода (ок. 1250–1046 гг. до н. э.)» является значительным событием в отечественном китаеведении. Эта книга может быть

отнесена к числу наиболее значимых достижений последних лет, если говорить об изучении истории и культуры Древнего Китая. Впервые после многих лет появился написанный китаеведом развернутый труд о наиболее сложном для изучения периоде китайской истории.

Монография Д. Е. Куликова обладает целым рядом неоспоримых достоинств, которые позволяют отнести ее к числу успешных научных работ: она создана на основе изучения большого массива источников, автором поставлены оригинальные исследовательские задачи, получены нетривиальные выводы. Каждая глава содержит много новых для российского китаеведения данных и уникальных материалов о религиозных представлениях и культах шан-иньской эпохи.

Тематика книги также касается сферы источникововедения: гадательных надписей на панцирях черепах и костях животных. Иньские надписи содержат россыпи бесценной исторической информации. Однако их интерпретация требует от исследователя владения теорией и методами исторической науки и смежных с ней отраслей религиоведения и культурологии, а также опыта самостоятельного прочтения текстов. Большое число переведенных автором надписей и доскональный разбор отдельных иероглифов свидетельствует о его великолепном владении языком шанского времени. Заметен его настойчивый поиск теоретических концепций, которые позволили бы объединить проблему «религиозных представлений» с материалом изучаемого периода и объяснить феномены и явления анализируемых им направлений религиозной культуры.

О Введении

Работа состоит из Введения, десяти глав и Заключения, а также списка литературы и трех приложений. В достаточно обширном Введении (с. 6–53) автор затрагивает множество вопросов. Обозначается главная тема книги – шанская религиозная система.

Нельзя не обратить внимание, что Введение начинается словами выдающегося американского специалиста по этому периоду Дэвида Кейтли (1932–2017), который сказал, что может быть он и постиг тайну назначения зооморфной личности, которую в китайской науке принято называть «маской чудовища» *тао-те*, но не в состоянии найти убедительных обоснований своим идеям. Смысл сказанного заключается в том, что в шановедении любое обобщение следует расценивать как гипотезу. Это, по мнению Д. Е. Куликова, должно «служить напоминанием о недостаточности наших знаний и необходимости проявлять осторожность в своих суждениях» (с. 6).

Очевидно, данная фраза задала тон всей книге: автор, действительно, пытается быть осторожным в своих суждениях. Оставим такой подход на его усмотрение. Это вопрос меры. Ведь избыточная осторожность может стать сдерживающим фактором, заставить автора ограничиться компилированием и пересказом уже известных мнений. Такие описательные работы тоже, конечно, заслуживают внимания, но судьба их незавидна – выйдет информационно более наполненная книга и о них забудут. Ведь к трудам предшественников обращаются не только

за фактами, но и для того, чтобы вдохновиться смелостью и глубиной их суждений, остроумием, научной прозорливостью и т. п.

Надо сказать, что Д. Е. Куликов, сохраняя осторожность, достаточно прямо высказывается по всем основным вопросам, не опасаясь выражать свое мнение по дискуссионным вопросам.

Далее следует еще одно замечание автора. Он пишет, что о назначении маски *tao-te* мы не узнаем, пока не появятся «доселе неизвестные аутентичные письменные свидетельства той эпохи, объясняющие суть...» (с. 6). Возможно, оно несет в себе корпоративный оптимизм шановедов – надежду на открытие новых надписей. Конечно, надежду терять не стоит, но в данном случае она крайне эфемерна, поскольку большинство известных находок – это, по сути, клады (самый большой – из ямы УН 127). Иными словами, шановедам приходится исследовать тот материал, который имеется в наличии, а также оттачивать свое знание теории и владение методами исторических исследований. Следует отдать должное автору: он пишет, что не нужно опасаться спекулятивных суждений, поскольку «в этом нет ничего предосудительного, исследователь... обязан стремиться к тому, чтобы воссоздать цельную картину, стоящую за скупыми и фрагментарными сведениями источников» (с. 7).

Далее речь идет о ряде важных аспектов исследования шан-иньского периода. В частности, говорится о письменных источниках (стр. 9–11), дается общая характеристика иньских надписей, излагаются археологические данные о Шан-Инь (с. 11–13), подробно освещается история нахождения и изучения этих надписей (с. 13–16). После этого автор, возвращаясь к археологическому материалу, говорит о роли религиозных культов в жизни шанского общества, о храмах, жертвенных ямах и пр. (с. 16–21), о комплексах надписей по месту их обнаружения (с. 21–24), затем о практике гадания (с. 25–30). Особенно подробно он рассказывает об истории дешифровки и исследования надписей, что, по сути, является достаточно развернутым историографическим разделом (с. 30–50).

Несколько неожиданным является то, что разъяснение целей и задач исследования помещены в самом конце Введения (с. 51). Автор, переходя на «высокий штиль», пишет о том, что им «предпринята попытка очертить круг главных средоточий религиозного мировоззрения и культовой деятельности позднешанского периода, исходя из сведений гадательных надписей, археологических материалов Иньсюя и сведений древнекитайской традиционной литературы» (с. 51).

Стоит заметить, что во Введении не говорится о методах. Автор лишь слегка касается теории изучения религиозных представлений, явно отдавая предпочтение взглядам М. Элиаде. Отчасти эти вопросы будут подниматься далее в различных разделах книги.

Книга очень объемна и содержательна, отметим наиболее, на наш взгляд, значимые аспекты каждой из глав.

О содержании глав книги

В книге десять глав. Такое число наводит на мысль о целесообразности их объединения. Например, первой и второй глав, посвященных Верховному

богу Ди и церемониям, связанным с отправлением его культа; третьей, четвертой, пятой и шестой глав, в которых говорится о церемониях, связанных с природными и аграрными культурами; седьмой, восьмой, девятой и десятой, в которых затронуты вопросы, связанные с культом царей Шан-Инь и их предков. После такой группировки лучше просматривается авторский замысел. Автор начинает с высшего божества *ди*, затем рассматривает весь остальной «пантеон» божеств шан-иньцев, а в завершении обращается к культукам духов государей Шан-Инь.

Глава 1 начинается с небольшого рассказа о деятельности канадского пастора Дж. Мэнзиса, который с 1910 г. жил в Аньяне и был одним из первых европейцев, начавших собирать и изучать надписи на костях и панцирях. Он собирал и сведения о народных верованиях (с. 54). Но глава посвящена не этому, а надписям, в которых упоминается «верховное божество» – Ди 帝. Здесь автор, приводя слова Мэнзиса и затем патриарха шановедения Ху Хоусюаня, коснулся важной проблемы – возможности существования у шанцев концепции «единого Бога» (с. 55). Сам автор в своей обычной манере осторожно дистанцируется от этого вывода, замечая, что Шанди 上帝 и Ди – синонимы (с. 56). К чести исследователя стоит отметить его интересную попытку отделить Шанди шанцев от Шанди чжоусцев: одно из выявленных им различий заключается в том, что шанцы не считали Небо (тянь 天) божеством (с. 57).

Д. Е. Куликов удачно заметил, что для Ди характерен очень широкий круг «властных полномочий», все остальные божества от него отличаются. Очень ценно и такое, казалось бы, небольшое наблюдение: оказывается, крайне мало надписей, в которых говорится о принесении жертв этому божеству (с. 58).

Метод автора консервативен – это первичная тематическая классификация материала. Опираясь на публикации гадательных надписей и на работы китайских специалистов, автор отбирал и классифицировал тексты определенной тематики (например, надписи с упоминанием Ди) и систематизировал их таким образом, чтобы установить функции Ди как божества в системе верований шан-иньцев. Здесь классификация проводилась по значению предиката – первый уровень, дополнения к этому предикату – второй уровень. Например, I. Ди приказывает (Ди лин 帝令...): I.1. Ди приказывает [пролиться] дождю; I.2. Ди приказывает пролиться многим дождям...; I.4. Ди приказывает [дуть] ветру ... и т. п. (с. 58–59). Всего автор выделяет 21 группу функций Ди (с. 58–70), которые исчерпывающе показывают его роль и значение в религиозных представлениях шан-иньцев.

Этот метод – основной для всей книги. Сразу скажем, что в рамках монографии он вполне себя оправдал: общая задача описания сложных явлений в религиозной сфере автором успешно выполнена – всеобъемлющая картина религиозных представлений составлена, автору удалось очертить границы «деятельности» данного божества.

Далее, автор, подводя итоги, выделяет семь основных «властных полномочий» Ди (с. 71–72). И затем, переходя к анализу отдельных глаголов, которые являются предикативами к слову Ди, делает интересное наблюдение: приказы мог давать не только Ди, но и другие божества (с. 72–76).

В качестве положительного примера отметим постоянный «диалог» автора с трудами В. М. Крюкова при сопоставлении каких-либо явлений периода Шан-Инь с теми же явлениями периода Западное Чжоу. Например, говоря о сходствах и различиях в значениях слов *цзян* 降 и *лин* 令 (стр. 85 и др.) или при формулировании теоретических обобщений (с. 90). Это способствует осознанию значимости вклада в науку В. М. Крюкова (1962–2008). Благодаря работе Д. Е. Куликова становится окончательно ясно, что труды В. М. Крюкова стали опорными не только при изучении Западного Чжоу, но и более раннего периода Шан-Инь.

Д. Е. Куликов показал, что анализ гадательных надписей приближает к пониманию некоторых высказываний классических памятников. Например, такого пассажа в главе *И сюнь* («Наставления И[–иня]») из канонического *Шуцзина* («Канона записей [речей государей прошлого]»): «[Природа] Шан-ди непостоянна...» (с. 90–94).

В этой главе автор приходит к важнейшему выводу: «...шанский ван должен был ощущать особое внимание к своей персоне со стороны верховного бога. ... на вана была возложена особая миссия по поддержанию порядка, установленного верховным богом, и расширению пределов своего священного царства. В этом, прежде всего и выражалась сакрализация шанского правителя» (с. 97). Интересны наблюдения и об антропоморфности образа Ди и о его небесном «дворе».

Далее следует очень важное заключение о том, что личина, которую неудачно называют именем одного из второстепенных духов (*тао-те*), и является изображением Ди, образ которого, по наблюдениям автора, должен был в представлениях шан-иньцев быть наделен чертами человека мужского пола (с. 115–117). По Д. Е. Куликову, Ди – это высшее божество в шанском пантеоне, в нем угадываются уранические черты, его культ отражает «идеи божественности царской власти и царственности высшего божества». Но жертвоприношения ему совершались не часто, в шан-иньский период этот культ угасал, поскольку «превратился в далекого и “праздного” бога» (с. 117).

В завершение главы автор излагает еще одно наблюдение, согласно которому, культ Ди никак не был связан с культом предков и существовал отдельно от него (с. 117). Сам автор не делает из этого вывода, но он напрашивается: перевод Ди, точнее, Шанди как «Верховный предок» в реалиях шан-иньского времени не правомочен. И это очень важный для российского китаеведения вывод.

Другие главы столь же подробно рассматривать не будем, иначе краткий обзор монографии рискует перерасти в книгу о книге. Хотя все, написанное в ней, заслуживает тщательного изучения. Скажем вкратце.

В главе 2 раскрывается связь между культом верховного бога и характерного для шан-иньского времени ритуала обезглавливания (с. 118–141). Глава посвящена важной для изучения периода теме – человеческих жертвоприношений. Для этого автор использует проверенный метод объяснения явления – через миф, в данном случае – миф о Синь-тяне (с. 135–141), и убедительно показывает, что ряд мифологем, сохранившихся во второй части *Шаньхайцзина* («Канон гор и морей»), восходит именно к шан-иньской эпохе (с. 136).

В главе 3 затронута тема аграрной идеологии и описаны ритуалы управления погодой (с. 142–168). Автор делает вывод, что «шанские метеорологические про-

гнозы, зафиксированные гадательными надписями, были тесно связаны с аграрной деятельностью. Дождь ... являлся предметом высшей озабоченности шанских жрецов» (с. 167).

В главе 4 говорится о «Земледельческом культе и подношении первин» (с. 169–192). Здесь особый интерес представляет перечисление возделываемых злаков и описание всего того, что связано с аграрным циклом в жизни шан-иньцев. Досконально исследованы ритуалы жертвоприношений этого цикла: их названия, подносимая пища, используемая утварь и пр.

В главе 5 подробно рассматривается «Культе сил природы: облака и ветры в религиозных представлениях» (с. 193–224). Продолжается тема жертвоприношений, много говорится о столь любимых автором «орнитологических мотивах» (204–215); затрагиваются вопросы пространственных представлений, поскольку ветра связаны со сторонами света (с. 218–223).

В главе 6 затронута особенно важная тема: «Окружающий мир в религиозных представлениях и ритуальной деятельности» (с. 225–253). Развивается тема пространственных представлений и подробно говорится о культурах, связанных с поклонением сторонам света (с. 227–240). Интересны данные о культурах божеств земли (с. 241–250), гор и рек (с. 250–253).

В главе 7, которая называется «Царские предки и шанский пантеон», затрагиваются темы, исключительно важные в изучении истории Шан-Инь (с. 254–298). Хотя для автора история (как совокупность процессов в политической, социальной, экономической и культурной сферах) не является приоритетом, и он остается в русле изучения культов, тем не менее, здесь много ценных сведений генеалогического характера о правившей в Шан-Инь династии Цзы 子 (со с. 272). В главе приводится исчерпывающий анализ модели личных и храмовых имен умерших правителей, очень интересна сопоставительная таблица вариантов записи имен правителей в разные периоды. Описываются и церемонии, которые были связаны с этими культурами.

В главе 7 также затронут ряд аспектов теории исследования культов, которые было бы лучше собрать и осмыслить во Введении (с. 254). Начало данной главы – это скорее начало главы 1, поскольку в ней дана классификация божеств; в главе 1 этого очень не хватает: автор начинает с основной проблемы – понятия *ди* 帝, как будто это не божество, а нечто отдельное, самостоятельное. В главе поставлен сакраментальный для историка вопрос: можно ли использовать письменные источники при изучении Шан-Инь (с. 255). Мы полагаем, что и можно, и нужно.

В главе 8 описывается «Царский культ и ритуальная деятельность» (с. 299–356). Автор показывает роль иньского вана в государстве, его сакрально-политические функции. Анализ надписей позволил автору выявить «действия» предков шанских правителей, направленных на земной мир, и дать их подробное описание. В главе также раскрываются функции правителя как верховного жреца, главного гадателя и жертвователя. Интересны подробно описанные разного рода ритуалы жертвоприношений. Ценно обоснование существования храмов предков (*тан*) и становления культа почитания не всех, а только ближайших предков правителя при государях Вэнь-дине и Да-и. Рассматриваются цели и обстоятельства

жертвоприношений, их связь с ритуальным календарем. Трудно переоценить важность обнаружения и тщательного описания календарного цикла чередующихся жертвоприношений.

В главе 9 продолжается важный для автора исследовательский цикл о роли государей, в этой главе он пишет о «Культе царских предков и солярных представлениях» (с. 357–382). Большое внимание уделяется культу небесных светил, прежде всего солнцу. Описывая культ предков правителя и солярные представления иньцев, автор делает предположение о связи мифа о десяти солнцах с иньской декадой. Образцовым является исследование солярных символов: коня, колесницы, совы, черепахи.

В главе 10 «Сакральная жертва и сакрализация царя» затронута проблема отсутствующего в списке Сыма Цяня шанского государя Цзу-цзи 祖己 (с. 383–408). Автор, замечая, что подношения ему совершались в интервале между днями жертвоприношений У-дина и Цзу-гэна, приходит к выводу, что это мог быть сын У-дина, старший брат Цзу-гэна, умерший при жизни отца. Далее рассматривается проблема идентификации сына У-дина по имени Сяо-ван и возможности отождествления с ним Цзу-цзи. Здесь подробно рассматривается историческое предание, согласно которому У-дин принес его в жертву во имя усиления мощи государства Шан (с. 387–408).

В заключении обобщается содержание работы и подводятся итоги всего исследования (с. 409–418).

Возникшие предложения

В монографии рассмотрены ключевые аспекты духовной культуры шан-иньского общества, прежде всего религиозные представления и культы. Книга в этом отношении может претендовать на энциклопедичность. Тем не менее, стоит подумать о том, какие еще исследовательские приемы можно было бы применить, чтобы развить полученные результаты, продвинуться от фиксации феноменов к изучению процессов.

При том подходе, который реализован в данном исследовании, автор вынужден ограничиться первичной систематизацией материала надписей. Эту задачу можно считать выполненной. Но без учета временного фактора, вне сферы исследования остается важнейший вопрос *развития* религиозных представлений от раннего периода, перемещения Пань Гэна в район Иньсюя (конец XIV в. до н. э.) до позднего – трагической гибели этого государства (вторая половина XI в. до н. э.).

Например, из первой главы читатель узнает о всевозможных функциях Ди в религиозных представлениях шан-иньцев, во всем их разнообразии и во взаимосвязи друг с другом, но не в развитии, а в статике. На наш взгляд, продуктивным стало бы соотнесение рассматриваемого материала с периодами в истории Шан-Инь. Это позволило бы перейти от перечислений классификационных групп к изучению процессов, то есть показать каждое изучаемое историческое и культурное явление в его развитии. История Шан-Инь длилась около 300 лет, а это довольно длительный срок. Конечно, религиозная сфера – одна из самых консервативных,

но за 300 лет все государственные институты, включая культово-церемониальные, наверняка претерпели определенные трансформации, о которых было бы крайне важно узнать.

Судя по всему, автор хорошо осознает огромный потенциал такого подхода. Иногда он отмечает, к какому правлению относится та или иная надпись (с. 105–106 и др.), а в таблице № 4 «Имена шанских правителей в письменных источниках и гадательных надписях» (с. 274–281) указывается частотность имен государей в надписях каждого из пяти периодов.

Из текста книги почти никогда нельзя узнать, какую часть от совокупности опубликованных надписей составляют надписи по рассматриваемой теме, являются ли они массовыми или уникальными. Поэтому, на наш взгляд, в отдельных случаях было бы оправданным указание количественного соотношения отдельных классификационных групп. Например, при перечислении функций Ди указание процента каждой из них от общей совокупности надписей этой группы позволило бы выделить наиболее значимые для шанского общества функции.

Автор подчеркивает, что «дошедшие до нас записи гаданий о дожде весьма многочисленны: они составляют более 7% всего инскрипционного корпуса» (с. 145). Конечно, полезно узнать, что 7% свидетельствуют о многочисленности надписей такого рода, хотя звучит это странно, ведь «все познается в сравнении». В другой главе автор пишет: «В процентном отношении гадания о ночных несчастьях стали доминировать в пятом периоде, вытеснив столь распространенные в первом периоде гадания о дожде, болезнях, снах, вреде предков и пр. (с. 360). Тоже неплохо, но вспоминаются слова из известного фильма: «Огласите весь список, пожалуйста!»

Нет необходимости напоминать, что подход многих современных китайских историков включает в себя элементы традиционного мышления, что сильно осложняет изучение ряда академических вопросов. Поэтому от историка-востоковеда требуется особое внимание при заимствовании представлений о прошлом, распространенных среди китайских ученых, и понятий, которыми они его описывают.

Одна из архетипических проблем в изучении древней истории Китая связана с историзацией мифа. Можно увидеть, что эта проблема возникает тогда, когда автор некритично использует китайскую терминологию. Это относится к понятию *сань дай* 三代 («Три эпохи»), под которым подразумеваются Ся, Шан, Чжоу (с. 7). Возникает вопрос: зачем нужно упоминать что-то, что не имеет отношения к истории, а связано с историзируемой в традиционной китайской культуре мифологией?

Д. Е. Куликов вслед за китайскими специалистами приводит и даты существования мифического государства Ся, что выглядит крайне сомнительно с научной точки зрения (сноска 2, с. 7). Отсылка к известному проекту историков КНР «Хронология Ся, Шан, Чжоу» едва ли может послужить объяснением. В конце концов, если присмотреться, задача этого проекта и заключалась в том, чтобы руками американских китаистов, прежде всего Дэвида Панкенира, легализовать в науке историчность мифической Ся. Что им, увы, и удалось.

Далее автор весьма «политкорректно» говорит, что «мы не располагаем необходимым арсеналом исторических источников, чтобы ... подтвердить историчность существования самого династического государства Ся» (с. 8). Но какова его точка

зрения? Неужели он всерьез полагает, что когда-нибудь появятся новые письменные источники, достаточные для подтверждения того, что Великий Юй усмирил Потоп?

Ниже, в сноске, он перечисляет попытки привязать миф к истории в современной китайской науке. В частности, сообщается, что китайские ученые отождествили одну из столиц правителей Ся с раскопанным археологами дворцовым комплексом в Эрлитоу (сноска 3, с. 8). Но как бы мы отнеслись к попытке уподобления Микен одному из земных обиталищ бога Зевса?

Есть и еще один экивок в сторону традиционной китайской науки – в заголовке книги вынесено китайское понятие «позднешанский» (*вань Шан* 晚商) для обозначения периода Шан-Инь. Оно же часто встречается на страницах книги. Возникает закономерный вопрос: поздний по отношению к чему? Это порождает путаницу между историей государства Шан, в которой также выделяют поздний период, с историей правившей в нем династии Цзы 子.

Когда китайские ученые говорят «позднешанский», они имеют в виду историю именно династии: ранний – от мифического Цзе до Чэн Тана, средний – от легендарного Чэн Тана до Пань Гэна и поздний – от Пань Гэна до Ди-синя. Но в книге рассматривается не история династии – о ней известно только из краткого исторического предания: в монографии речь идет о государстве Шан-Инь, расположенном в конкретном месте – в районе современного города Аньяна. Оно не являлось поздним, поскольку до прихода сюда Пань Гэна здесь не было государства «раннего Шан», в котором бы правили члены той же династии Цзы. Рядом, но на другом берегу реки Хуаньхэ 涇河, располагался «Северный город», политический центр некой предшествующей политики, но не более того. Как бы мы отнеслись к тому, что в русской истории Новгород во времена Рюрика и Игоря был бы отнесен к «позднерусскому периоду»?

В этом же ряду неизменных проблем шановедения стоит и вопрос определения даты падения Шан-Инь. В науке иногда все еще используется дата 1027 г. до н. э., предложенная Чэн Мэн-цзя, но в современной китайской науке чаще указывается 1046 г. до н. э., а западными учеными могут использоваться даты в промежутке от 1050 до 1040 гг. Да и первая дата, 1250 г. до н. э. на обложке, требует разъяснения: значит ли это, что история Шан-Инь начинается не с Пань Гэна, а с У-дина?

Заключение

Книга Д. Е. Куликова – значимый научный труд, на основе которого можно получить вполне исчерпывающую картину религиозных представлений шан-иньцев и их культовой практики, а также узнать о состоянии дел в изучении гадательных надписей. Как было показано, в книге затронуто много ключевых для изучения древнекитайской религиозной культуры тем и сюжетов. Прделанный труд по систематизации материала закладывает хорошую основу для дальнейшего изучения истории и культуры периода Шан-Инь.

Следует отметить и стиль автора – ясный и четкий. Однако восприятие материала книги несколько затрудняет отсутствие внутренних подзаголовков в главах – порой сложно уследить за мыслью автора, особенно когда он переходит от одной темы к другой.

Книга будет интересна и полезна всем, кто изучает историю и культуру классического Китая: в ней показано формирование основ «китайской традиционной культуры», раскрывается во всей полноте сложность и разнообразие религиозных представлений, и что важно при изучении политической истории и высшей власти, показано складывание механизмов ее сакрализации. Книга особенно рекомендуется молодым китаеведам и студентам, которые еще только учатся, – такого рода научные труды дают систематизированные знания, закладывают надежную страноведческую базу.

Сама книга, бесспорно, свидетельствует о серьезном научном прогрессе Д. Е. Куликова и внушает надежду на создание им новых значимых для отечественной науки работ.

The article was submitted on 18.07.2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Актамов Иннокентий Галималаевич, к. пед. н., заведующий лабораторией «Центр переводов с восточных языков» Института монголоведения, буддологии, тибетологии Сибирского отделения РАН; доцент кафедры Истории и регионоведения стран Азии Восточного института Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия. E-mail: aktamov13@gmail.com

Innokentii G. Aktamov, PhD in Pedagogy, Associate professor, Head of the Laboratory “Center for Translations from Oriental Languages”, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS; Associate Professor, Department of History and Regional Studies of Asia, Oriental Institute, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia. E-mail: aktamov13@gmail.com

Алексеев Иван Алексеевич, аспирант филологического факультета Пекинского педагогического университета по специальности Современная китайская литература, г. Пекин, Китай. E-mail: alex111_95@list.ru

Ivan A. Alekseev, PhD student in Contemporary Chinese Literature, Literary Department, Beijing Normal University, Beijing, China. E-mail: alex111_95@list.ru

Аурилене Елена Евлампиевна, д. и. н., профессор, профессор ДВИУ – РАНХиГС, г. Хабаровск, Россия. E-mail: elena_aurilene@mail.ru

Elena E. Aurilene, Doctor of History, Professor, professor of The Far Eastern Management Institute – The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: elena_aurilene@mail.ru

Бернгардт Юлия Константиновна, бакалавр зарубежного регионоведения (Уральский федеральный университет), магистрант направления «Государственное и муниципальное управление», Высшая школа экономики, г. Москва, Россия. E-mail: berngardt2504@gmail.com

Yuliya K. Berngardt, BA in Foreign Regional Studies (Ural Federal University), student MA Programm «State and municipal administration», HSE University, Moscow, Russia. E-mail: berngardt2504@gmail.com

Бонч-Осмоловская Ольга Андреевна, к. и. н., н. с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург). E-mail: bonch.osmolovskaya@gmail.com

Olga A. Bonch-Osmolovskaya, PhD in History, research fellow, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg). E-mail: bonch.osmolovskaya@gmail.com

Ван Сюй, докторант факультета русского языка, Институт европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; Гуанчжоу, Китай. E-mail: andrewwangxu@foxmail.com

Wang Xu, doctoral student, Department of Russian Language, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies; staff, Institute of Russian Language, Xi'an University of Foreign Languages, China. E-mail: andrewwangxu@foxmail.com

Ганиев Рустам Талгатович, к. и. н., доцент кафедры истории России, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия, E-mail: rusthist@yandex.ru

Rustam T. Ganiev, PhD (History), Associate Professor of Russian History, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. E-mail: rusthist@yandex.ru

Герман Мария Алексеевна, аспирант Университета Фудань, г. Шанхай, Китай. E-mail: ger-marya@mail.ru

Maria A. German, PhD student, Fudan University, Shanghai, China. E-mail: ger-marya@mail.ru

Иванова Юлия Павловна, к. геогр. н., доцент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: j.p.ivanova@urfu.ru

Yuliya P. Ivanova, PhD in Geography, Associate Professor, Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: j.p.ivanova@urfu.ru

Молодяков Василий Элинархович, д. полит. н., профессор Международного института японской культуры Университета Такусёку (Токио, Япония). E-mail: dottore68@mail.ru

Vassili E. Molodiakov, Ph.D., LL.D., Prof., International Institute of Japanese Culture, Takushoku University (Tokyo, Japan). E-mail: dottore68@mail.ru

Мышинский Алексей Леонидович, к. филос. н., доцент, Институт филологии и межкультурной коммуникации, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: sanrenxing@yandex.ru

Alexey L. Myshinsky, PhD in Philosophy, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: sanrenxing@yandex.ru

Новоторкина Дарья Антоновна, магистр востоковедения, инженер-исследователь Лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: novotorkinadaria@yandex.ru

Daria A. Novotorkina, MA in Oriental Studies, Research Engineer, Laboratory of Comparative Studies of Tolerance and Recognition, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: novotorkinadaria@yandex.ru

Пономарева Вероника Евгеньевна, магистр востоковедения, ассистент кафедры востоковедения, преподаватель Института Конфуция, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: malena_iz@mail.ru

Veronika E. Ponomareva, MA in Oriental Studies, assistant, Department of Oriental Studies, Confucius Institute, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: malena_iz@mail.ru

Смирнов Вадим Викторович, к. и. н. (PhD), старший преподаватель кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: wajin1987@yandex.ru

Vadim V. Smirnov, Ph.D. (History), Senior Lecturer, Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. E-mail: wajin1987@yandex.ru

Смирнов Сергей Викторович, д. и. н., профессор кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет (Екатеринбург). E-mail: smirnov_sergei@mail.ru

Sergei V. Smirnov, Doctor of History, Department of Oriental Studies, Professor, Ural Humanities Institute, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. E-mail: smirnov_sergei@mail.ru

Суровень Дмитрий Александрович, к. и. н., доцент, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: yamato.ur@mail.ru

Dmitry A. Suroweñ, Ph.D. in History, Associate Professor. Department of history of state and law. Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: yamato.ur@mail.ru

Сысолятнина Юлия Сергеевна, студентка, Институт иностранных языков, кафедра английской филологии и методики преподавания английского языка, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: yuliyasysolyatina@yandex.ru

Yuliya S. Sysolyatina, student, Foreign Languages Intitute, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: yuliyasysolyatina@yandex.ru

Ульянов Марк Юрьевич, к. и. н., старший научный сотрудник. Отдел литератур стран Азии и Африки Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия. E-mail: ulm@mail.ru

Mark Yu. Ulyanov, PhD in History, Senior researcher, Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: ulm@mail.ru

Хамзин Ильдар Рашидович, к. и. н., доцент кафедры истории России Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: ildar.hamzin1991@mail.ru

Ildar R. Hamzin, PhD in history, Associate Professor, Department of Russian History, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: ildar.hamzin1991@mail.ru

Хо Цзиньюй, преподаватель русского языка, Факультет базового образования, Инженерный Университет Ракетных войск, Китай. E-mail: huojiayu1989@163.com

Huo Jinyu, Russian language teacher, Faculty of Basic Education, Rocket Force university of engineering. E-mail: huojiayu1989@163.com

ОТ РЕДАКЦИИ

«Уральское востоковедение» – международный научный журнал, тематика которого охватывает широкий круг проблем истории, культуры, языкознания, политологии, экономики, философии и религиоведения стран Азии и Африки. Цель журнала состоит в создании принципиально междисциплинарной исследовательской платформы для востоковедов разного профиля, представляющих разные ведущие школы, по изучению восточных обществ и обмену мнениями по ключевым вопросам истории и современности стран Востока.

«Уральское востоковедение» – первое и единственное издание в УрФУ по востоковедной тематике. Деятельность журнала «Уральское востоковедение» призвана способствовать формированию Уральского федерального университета в качестве одного из ведущих центров гуманитарных исследований востоковедной направленности и преподавания восточных языков.

Научная миссия журнала состоит в разработке проблематики трансграничья, контактных зон, межрегионального и межкультурного взаимодействия на Востоке. Отсюда приоритетное внимание журнала к колониальным и постколониальным исследованиям, имагологической проблематике (формирование образа Другого в различных культурах), истории международных отношений в Восточной Азии, Центральной Азии и на Ближнем Востоке с Древности до наших дней, истории связей России и Востока (в частности, истории русской эмиграции в странах Азии и Африки), региональной интеграции в Азии и Африке на современном этапе. Данные сюжеты являются традиционными для «Уральского востоковедения» и оказываются представлены в каждом номере журнала.

Рубрикация материалов журнала сочетает региональный и тематический принципы. Наряду с разделами по регионам (Восточная Азия, Южная Азия, Ближний Восток, Африка и др.), традиционным для журнала является также тематический блок «Преподавание восточных языков и литературы», материалы которого позволяют одновременно рассмотреть различные аспекты собственно университетского преподавания восточных языков и литератур, а также выявить основные особенности восприятия культуры изучаемой страны студентами.

Редакционная политика «Уральского востоковедения» строится на принципах академизма и научного плюрализма: мнение авторов журнала может не совпадать с точкой зрения редактора и редакционной коллегии. В представляемых на рассмотрение редколлегии материалах приветствуются междисциплинарность, методологическое новаторство, историографическая полнота и введение в научный оборот новых исторических источников. Редакционная коллегия журнала обязуется оценивать содержание предоставляемых материалов исключительно по критерию их научной значимости и новизны, вне зависимости от персоналий авторов, их гражданства, политических и идеологических предпочтений.

Основная целевая аудитория журнала – специалисты в области востоковедения и африканистики из разных научных центров России и мира. Издание также ориентировано на исследователей, работающих в различных областях гуманитарного знания, от лингвистики до искусствоведения. Редакционная коллегия приветствует публикацию материалов авторами в соавторстве со студентами старших курсов бакалавриата и магистрантами, способствуя поддержанию как преемственности научных традиций, так и инициатив талантливой молодежи.

Требования к оформлению подаваемых материалов: объем – до 1 п. л. (для рецензий – до 0,3 п. л.), формат «.doc» Word97/2000/XP, шрифт Times New Roman, кегль 14, междустрочный интервал 1,5; поля – 2,0 со всех сторон; форматирование текста по ширине, без расстановки переносов и нумерации страниц; ссылки внутритекстовые в квадратных скобках: [Иванов, с. 23] – первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников и литературы, вторая (курсивом) – на страницу. Список источников и литературы оформляется в конце текста 12 кеглем.

В заявке следует указать на русском и английском языках фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, должность и место работы (учебы), электронный адрес.

Каждая статья должна быть снабжена аннотацией и ключевыми словами на русском языке, abstract и keywords на английском языке. Название статьи должно быть переведено автором на английский язык. Аннотация и abstract должны насчитывать не менее 250 слов с пробелами. Ключевые слова и keywords – 5–7 слов.

